
АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XX ВЕКА

СЕРИЯ «ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»

под редакцией Г.А. Бордюгова

FAILED CRUSADE

AMERICA AND THE TRAGEDY OF POST-COMMUNIST RUSSIA

W · W · NORTON & COMPANY

NEW YORK LONDON

Стивен КОЭН

ПРОВАЛ
КРЕСТОВОГО ПОХОДА

США
и трагедия посткоммунистической
России

Перевод с английского И. С. Давидян

Москва
2001

СЕРИЯ «ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»
ОСНОВАНА В 1995 ГОДУ

Перевод с английского: *Ирина Давидян*

Художник: *Сергей Щербина*

Оригинал: *Stephen F. Cohen, Failed Crusade. America and the Tragedy of Post-Communist Russia.* W. W. Norton & Company. New York, London, 2000.

Коэн Ст. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. – М.: АИРО-XX, 2001. – 304 с.

В своей новой книге профессор Стивен Коэн, видный американский историк и знаковая фигура в СССР периода перестройки, анализирует трагедию последовавшего за ней десятилетия и ту роль, которую сыграла в этом политика администрации США, а также бизнесмены, журналисты, экономисты, политологи и историки. Автор ищет ответы на сложные вопросы: Кто проиграл Россию?, Наступит ли после «холодной войны» «холодный мир»?, Могла ли в принципе Америка трансформировать Россию по своему облику и подобию? Надо ли изучать Россию без России? В конце книги автор предлагает своё видение того, какой должна быть политика США в отношении России и российско-американские отношения в новом тысячелетии.

Книга рассчитана не только на специалистов, но и на самый широкий круг читателей, всех, кому небезразлична история и будущее России.

ISBN 5-88735-073-3

ISBN 5-88735-073-3

© Коэн Ст., 2001.

© Давидян И.С., перевод, 2001.

© АИРО-XX, оформление 2001.

***Катрине
с любовью
и благодарностью***

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	9
Введение к американскому изданию	13
Часть I	
О РОССИИ БЕЗ РОССИИ	17
Крестовый поход во имя «России, которая нам нужна»	22
«Транзитология».....	36
Россиеведение без России	43
Что делать?	60
Часть II	
АМЕРИКАНСКИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКАЯ РОССИЯ: БЕЗУМИЕ И ТРАГЕДИЯ 1992–2000 гг.	81
Что же на самом деле происходит в России?	
Март 1992 г.	86
«Холодный мир»? Ноябрь 1992 г.....	110
Может ли Америка обратить Россию в свою веру?	
Март 1993 г.	120
«Белый дом горит!» Октябрь 1993 г.....	130
Провал американского крестового похода.	
Февраль 1994 г.	141
«Кто виноват?» Декабрь 1995 г.....	149
Переходный период или трагедия? Декабрь 1996 г.....	156
Другая Россия. Август 1997 г.....	161
Реформа ли это? Сентябрь 1998 г.	172
«Кто проиграл Россию?» 1998–2000 гг.	175

Часть III	
НА ПУТИ К НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ	191
Историческая ошибка американской политики	195
Стоит ли ещё принимать Россию в расчёт?	210
На пути к новой российской политике: приоритеты и предпосылки	220
Как снова привлечь Россию к сотрудничеству?	231
Сова Минервы	257
ПРИМЕЧАНИЯ	
Часть I	265
Часть II	281
Часть III	285
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	297

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Я провёл столько лет моей жизни, живя и работая в России, что ваша страна стала для меня по сути второй родиной. Поэтому из всех моих не-американских читателей, русские особенно важны для меня.

Три мои книги теперь переведены на русский язык, но «Крестовый поход» – не просто третий перевод. Впервые русское издание моей книги публикуется сразу и непосредственно в России. В 70-е гг. перевод моей биографии Николая Бухарина был тайно осуществлён в Москве – сыном Бухарина, талантливым художником Юрием Лариным и покойным Евгением Александровичем Гнединым, но опубликован смог быть только в США. «Тамиздатовская», как именовали потом подобные издания, биография Бухарина имела довольно широкое хождение в Советском Союзе (даже Михаил Горбачёв читал её), пока её не вытеснило новое издание, официально опубликованное в Москве в 1989 г.*

Русский перевод второй моей книги – «Переосмысливая советский опыт» – был также издан в Америке в 1986 г., но нашёл своих читателей в Москве и других советских городах. Представляя собой попытку переосмыслить главные события советской истории с 1917 по 1985 г. с неортодоксальной точки зрения, книга эта до сих пор является на Западе моей, если не самой значительной, то, по крайней мере, самой противоречивой книгой, однако в России она никогда не издавалась.

* Советское издание датируется 1988 г., однако тираж реально появился в феврале 1989 г.

Причина, конечно, уже не в цензуре. Просто события после 1985 г. стали развиваться с такой скоростью, что всё время обгоняли процесс подготовки нового, расширенного и дополненного (сейчас практически законченного) издания книги, которое должно было выйти в Нью-Йорке и Москве.

Кроме того, «Крестовый поход» для меня – принципиально иная книга. Если «Бухарин» и «Переосмысливая...» – книги научно-исторические, плоды многолетних исследований и писательского труда, то «Крестовый поход» – скорее «публицистика», хотя в английском языке и нет точного эквивалента этого русского слова. Это книга о современной политике, книга не только о России, но и о моей собственной стране, родившаяся из чувства острой необходимости высказаться, отреагировать на происходящие события.

Читатели смогут убедиться, что в основе этой книги лежит растущая тревога по поводу неблагоприятной роли, которую мое правительство сыграло в тех трагических и чреватых опасными последствиями событиях, случившихся в России после 1992 г. В стремлении переделать посткоммунистическую Россию по американскому образу и подобию, администрация Клинтона неустанно потчевала ельцинское руководство далёкими от понимания реальности советами, особенно в области экономической политики, вторгаясь между тем всё глубже и глубже во внутривнутриполитические дела России. Последствия этого миссионерского крестового похода оказались плачевными – и для России, и для американской репутации, и для американско-российских отношений.

Можно рассуждать о степени реальной вины Соединённых Штатов в том, что произошло в России в 90-е гг. Главная ответственность за случившееся, безусловно, лежит на самой России, её кремлёвской администрации. Пускай советы Вашингтона были невежественны и высокомерны (хотя они и не содержали злого умысла), но никто не заставлял Ельцина и его команду следовать им. Тем не менее, мне неприятно и даже стыдно (как я поясню в первой части этой книги), что так много американцев – чиновников, журналистов, учёных –

в течение почти 10 лет называли «реформой» процесс разграбления, обнищания, демодернизации и дестабилизации России. Мало того, они и сегодня продолжают настаивать на необходимости этих «реформ».

Во второй части книги читатели имеют шанс убедиться, что автор был одним из очень немногих американских «наблюдателей» за ходом дел в России, которые с самого начала выступали против американской политики и открыто говорили о том, что в действительности происходило в посткоммунистической России. За это меня часто обвиняли и обвиняют в «пессимизме», и это ещё самое безобидное из обвинений. (Для тех, кому интересно узнать, я не коммунист и даже не социалист.) Оптимистами, по-видимому, являются лишь те американцы, которые считают, что демократической и процветающей Россия может стать, только превратившись в точную копию Соединённых Штатов.

Но это, безусловно, ложный оптимизм. Россия должна, в конце концов, найти своё будущее, определяемое контекстом её собственного, а не американского исторического опыта и её реальными возможностями. Источником подлинного оптимизма или, по крайней мере, надежды является понимание того, что внутри этого контекста ещё сохраняются альтернативы, без которых не бывает истории и политики. Поэтому настойчивые заверения большинства американских наблюдателей и кремлёвских политиков в 90-е гг. типа того, что-де единственный выбор России – это выбор между «шоковой терапией» и «возвратом к коммунизму», есть не что иное, как ложь.

Несмотря на все бессмысленные трагедии и утраченные за девять лет возможности, выбор ещё сохраняется: у России – на прогрессивную, человеческую реформу, а у США – на политику по отношению к России. Сегодня, обретя новое руководство, обе страны вновь переживают момент, когда должны принять судьбоносное для себя решение. Русские – сами – должны решить, какого рода изменения, а точнее, какого рода стабильность экономической и политической жизни им нужна, а мы, американцы, должны решить, какие отношения мы хотим

иметь с посткоммунистической Россией. Этот важный для Америки вопрос, остроту которого, к сожалению, ещё не ощутили в полной мере американцы, является предметом рассмотрения заключительной части этой книги.

Во введении к американскому изданию я, в соответствии с нашими традициями, выражаю признательность тем американцам, которые помогли мне в подготовке и издании этой книги. Здесь я хочу сделать то же самое в отношении моих русских друзей, тех, кто в течение многих лет оказывал мне помощь и поддержку.

Моя величайшая благодарность – родственникам Николая Ивановича Бухарина: Юре, Наде, Мише, Тоне, Оле, Светлане Николаевне, Эке, Коле, Кириллу и, конечно же, покойной Анне Михайловне Лариной, – сумевшим сделать так, что Москва для меня и моей семьи вот уже более 25 лет является вторым домом.

Я также глубоко признателен моим друзьям, Леониду Доброхотову и Валерию Писигину, без помощи которых мне трудно было бы разобраться в хитросплетениях российской политической жизни.

И особую благодарность я хочу выразить замечательному историку Геннадию Бордюгову, предложившему опубликовать эту книгу в Москве, в уникальном издательстве «АИРО-XX», руководителем издательских программ которого он является, и Ирине Давидян, прекрасному молодому историку, за талантливый перевод.

С. К.
Нью-Йорк,
декабрь 2000 г.

ВВЕДЕНИЕ К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ

Россия – это страна,
о которой что ни скажи,
всё будет правдой.

Уилл Роджерс

Уилл Роджерс был прав, конечно, но сегодня это уже не шутка. То, что влиятельные американцы говорили и думали о посткоммунистической России Ельцина и Путина, и то, что они делали в отношении неё, создало беспрецедентную угрозу миру.

Уже не в первый раз на протяжении XX века американцы ищут и находят в этой далекой – территориально и по духу – цивилизации «Россию, которая им нужна». В ней видели «красную угрозу в 1920-е гг. и сталинскую альтернативу Депрессии в 30-е; союзника в годы войны против нацистской Германии и «империю зла» в начале 80-х; научно-технического гиганта в эпоху запуска первых спутников и ни на что не способного экономического инвалида в конце 80-х гг.

Некоторые из этих оценок имели серьёзные последствия, но не было среди них более губительного, чем то официальное американское убеждение, подхваченное журналистами, учёными и пр., что Россия после 1991 г. есть страна, готовая, жаждущая и способная превратиться в подобие Америки. Результат – огромного масштаба человеческая трагедия и беспрецедентная в истории дестабилизация ядерной державы.

Эта книга может служить не только пособием по современной политической истории, но и предупреждением, настоятельным призывом к изменению отношения США к посткоммунистической России. Часть I являет собой, по сути, обвинение

(выраженное, я надеюсь, в достаточно вежливой форме) в адрес тех американцев, которые проявили особую активность в делах России в 1990-е гг., включая моих коллег из академической сферы. Часть II содержит мой собственный, отличный от общепринятого, взгляд на развитие событий в России и американско-российские отношения, начиная с 1992 г. Хотя многие события, о которых идёт речь в этом разделе, к моменту написания ещё не были завершены, я постарался вернуться к ним в более поздних уточнениях и примечаниях. Часть III предлагает принципиально новую модель американской политики по отношению к бывшей сопернице-супердержаве.

Вполне возможно, эта книга не найдёт благожелательного отклика в академической или журналистской среде, но я не хочу, чтобы читатель воспринял содержащуюся в ней критику в адрес средств массовой информации как проявление высоколобного снобизма. Я считаю журналистику своим вторым призванием, с тех пор, как в конце 70-х гг. мне пришлось отклонить предложение одной нью-йоркской газеты стать её московским корреспондентом. В 80-е гг. я даже вёл колонку («Sovieticus») в журнале «The Nation». Кроме того, вот уже более 10 лет я являюсь аналитиком CBS по проблемам России, не считая комментариев на эту тему, сделанных мною в других средствах теле- и радиовещания.

Иными словами, в основе данной книги лежит вовсе не профессиональная антипатия того или иного толка, а единственно тревога по поводу того, что происходит в России, какую роль моя страна играет в этом, и какие опасности нас всех подстерегают. Много раз, приезжая в Россию и живя в ней, я слышал слова её пылких патриотов: «Запад не хочет знать правду о России!» Но мы хотим, и сегодня больше, чем когда бы то ни было.

Считаю своим долгом выразить признательность нескольким людям. Профессору Джорджу Бреслауэру, который, несмотря на принципиальное несогласие с рядом положений этой книги, позволил мне апробировать мои идеи, опубликовав фрагмент части I в своём влиятельном журнале «Post-Soviet

Affairs». Марине Спивак, которая оказала огромную помощь в подготовке книги, не только в исследовательской части, но и в том, что касается перевода моей старомодной рукописи на более современные носители информации. Джеймсу Меерсу, моему давнему другу и редактору издательства W. W. Norton, как всегда, терпеливо сносившему мою непунктуальность и творческие кризисы.

Кроме того, я хочу выразить признательность моей жене, Катрине ван ден Хювель, которой посвящена эта книга, и нашей девятилетней дочери Нике. Будучи сама специалистом по России и редактором журнала «The Nation», Катрина прекрасно разбирается в проблемах, о которых идёт речь в книге. И я бесконечно благодарен ей за ценные замечания по содержанию и стилю, а в особенности – за «чистку» моего текста от ошибок и неточностей. (Оставшиеся суть плоды моего упрямства).

Идея благодарить ребенка за что-либо, кроме прощения за родительское невнимание, может показаться странной, но не в случае с Никой. Во всех наших поездках в Россию – а их было более двадцати с момента её рождения в 1991 г. (т. е. незадолго до того, как начинается действие книги) – Ника неизменно была с нами. Её детский взгляд и невинные вопросы о тамошней жизни часто помогали мне увидеть и понять те вещи, которые сам я мог пропустить. За это, а ещё за то, что Россия стала частью её жизни, я очень обязан своей дочери.

*С. К.
Нью-Йорк,
июнь 2000.*

Часть I

О России
без
России

Перспективы России на ближайшие годы и десятилетия, как никогда, многообещающи.

*Дэвид Ремник, журналист,
1997 г.*

Осторожный оптимизм экономистов... похоже, оправдался; «холистическая» трансформация России будет продолжена.

*Ричард Эриксон, экономист,
1998 г.*

Абсолютно преобладающим чувством среди тех, кто знаком с происходящим в России, является оптимизм.

*Вице-президент США Альберт Гор,
1998 г.*

На мой взгляд, Россия выглядит потрясающе, по сравнению с тем, как она выглядела в 70–80-е годы или в 1992 году.

*Роберт Кайзер, журналист,
1999 г.*

Россия сегодня – принципиально иная страна, чем была 10 лет назад... Всего 7 лет переходного периода – и по всем важным вопросам взято нужное направление.

*Майкл Макфол, политолог,
1999 г.*

Пройдет всего несколько лет... и только здание ельцинских реформ будет продолжать возвышаться.

*Леон Арон, биограф,
2000 г.*

Мы хотим напомнить миру, что период может быть губительным.

*Глава миссии Красного Креста
в бывшей Советской Грузии,
1996 г.*

Россия – зона экономической катастрофы.

*Н. Петраков и В. Перламутров,
российские экономисты,
1997 г.*

Очевидно, что Россия сегодня в самом глубоком за всю свою историю кризисе.

*Алексей Подберезкин,
русский политический деятель,
1999 г.*

Гуманитарный кризис огромного масштаба в бывшем Советском Союзе становится всё заметнее.

*Программа развития ООН,
1999 г.*

Русские глубоко пессимистично оценивают выбранное их страной направление: 78% уверены, что Россия движется в неверном направлении, и лишь 7% думают, что в верном.

*Обзор Антидиффамационной лиги,
1999 г.*

В результате ельцинской эпохи разгромлены или разворованы все основные направления нашей государственной, народнохозяйственной, культурной и нравственной жизни. Мы буквально живём среди руин, но притворяемся, что у нас нормальная жизнь... Мы слышали, что у нас проводятся великие реформы. Это были лжереформы, потому что они оставили в нищете больше половины населения страны... Продолжим реформы. Как это понять? Продолжим разграбление России до конца?.. Не дай Бог те реформы продолжать до конца.

*Александр Солженицын,
2000 г (1)*

Деятельность всех, за небольшим исключением, американских специалистов по России в 1990-е гг. можно расценить как преступную. Результаты этой деятельности поставили под сомнение наши ценности и создали угрозу нашей национальной безопасности.

Когда в 1991 г. Советский Союз прекратил своё существование, четыре профессии американцев заявили свои права на звание экспертов по посткоммунистической России: политики, советники по экономике и финансам, журналисты и учёные. Явившись основанием так называемого «Вашингтонского соглашения» («Washington Consensus»), все эти специалисты по России в один голос заявляли, что знают средство от недуга своего пациента, неоднократно заверяли, что лечение идёт полным ходом, и, несмотря на случайные рецидивы, предрекали полное выздоровление. На деле их рецепты, отчёты и прогнозы оказались полностью и заведомо неверны.

Полный перечень просчетов американских политиков, особенно из числа администрации Клинтона, будет дан в заключительной части книги. Здесь же мы должны напомнить, что их политика носила ярко выраженный миссионерский характер: это был настоящий крестовый поход во имя превращения посткоммунистической России в некое подобие американской демократии и капитализма. И, как подлинный крестовый поход, он не был лишь официальной доктриной: инвесторы, журналисты, учёные – все приняли в нём участие.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ВО ИМЯ «РОССИИ, КОТОРАЯ НАМ НУЖНА»

Идея того, что США могут переделать Россию по своему образу и подобию или, по крайней мере, смогут «думать за русских», возникла впервые после Второй мировой войны, в среде апологетов «холодной войны» (2). В 1992 г., в первый год постсоветской эры и последний год администрации Буша, эта идея возродилась. Так, в апреле 1992 г. состоялось совещание представителей правительства, бизнеса, средств массовой информации и академической среды, которое рекомендовало Соединённым Штатам и их союзникам «принять самое непосредственное участие в процессе трансформации экономической и политической жизни в бывших советских республиках». А один политик-учёный даже конкретизировал задачу: «Нужно сформировать элитный корпус западных экспертов, которые будут жить на территории бывшего Советского Союза и помогать управлять государством и бизнесом» (3).

Вскоре, однако, этот миссионерский порыв превратился в настоящий крестовый поход, и сделала это администрация Клинтона (хотя, нужно заметить, не без поддержки республиканской партии в Конгрессе). Почти сразу же после инаугурации президента Клинтона в январе 1993 г. его эксперты принялись тайно обсуждать вопрос, «как лучше реформировать Россию» и сформулировать задачи американского участия. Возникшая в результате «целостная политика», как пояснил позднее официальный представитель Госдепартамента, была направлена на внутреннюю «трансформацию России» (4). По сути дела, США должны были учить экс-коммунистическую Россию капитализму и демократии и наблюдать за процессом

превращения – так называемым «переходом». Доверить России самой искать пути собственной трансформации, разумеется, было нельзя, дабы не дать ей заблудиться, как заметил один из сторонников крестового похода, «в хитросплетениях её собственных противоречивых замыслов» (5).

Наука, которую предстояло изучить России, была проста, но сурова. Экономическая реформа должна означать «шоковую терапию» и жёсткий монетаризм, режим строгой бюджетной экономии, никаких субсидий и дотаций советской эпохи, полную приватизацию всей страны, открытие рынков для иностранных производителей и минимальную роль государства. Политическая реформа сводилась к более чем абсолютной поддержке президента Бориса Ельцина, поскольку, как объясняли советники Клинтона, «Ельцин представляет движение к той России, которая нам нужна» (6). Помимо бесплатных советов, означавших, по сути, диктат в области экономической политики, американская администрация обещала профинансировать «переход», главным образом, за счёт кредитов Международного валютного фонда (МВФ), если, конечно, Россия будет соблюдать все американские условия (7).

Итак, толпы американских политических миссионеров, обычно именуемых «советниками», наводнили Россию в первой половине 90-х гг. (8). Спонсируемые американским правительством, идеологическими организациями, различными фондами и институтами, они проникали повсюду, где существовал материал для «новообращения», – от политических движений, профсоюзов, средств массовой информации и школ до офисов самого российского правительства. Среди прочих миссионерских деяний американцев было финансирование нужных российских политиков, инструктаж министров, составление проектов законов и указов президента, написание новых учебников и переиздания конституции Ельцина в 1996 г. (9).

Конечно, чтобы сохранить лицо, всё это делалось в довольно дипломатической форме. И уж точно никогда (или почти никогда) администрация Клинтона не допускала столь откровенно миссионерских высказываний, как то, что сделал

бывший советник по национальной безопасности, заявивший, что «экономическая и даже политическая судьба России... сегодня всё более зависит от Запада, *de facto* играющего роль распорядительного директора по банкротству». Не была администрация Клинтона и столь категорична, как анонимное программное письмо, распространявшееся в Вашингтоне в 1993 г.: «Ключ к демократическому возрождению [России] больше ей не принадлежит. Он в наших руках» (10). Наоборот, официальные лица из администрации время от времени специально подчёркивали (обычно тогда, когда крестоносцы терпели неудачи): «Русские сами должны решать. Мы не можем это делать за них».

Но, заявляя так, администрация думала и действовала совершенно иначе. Это подтверждалось и жестким контролем за соблюдением «наших (т.е. американских) условий»; и словами американского посла, хвастливо заявившего в 1996 г., что «без нашего руководства... Россия сегодня была бы иной»; и свидетельством дипломатического источника о том, что вице-президент Альберт Гор, игравший ведущую роль в этой политике, «взялся заново придумать Россию». И даже в 1999 г. один из главных вдохновителей крестового похода продолжал восторгаться: «Наша политика в отношении России должна быть светом маяка... С помощью этого света они смогут найти себя» (11).

К тому времени крестовый поход уже давно захлебнулся, столкнувшись с российской действительностью. (Одним из прямых результатов его стало усиление антиамериканских настроений до невиданных размеров. Во всяком случае, за сорок лет, которые я изучаю и посещаю Советскую и постсоветскую Россию, я такого ещё не видел).

Провал клинтоновской политики есть тема отдельного осуждения, и мы к ней ещё вернемся в последней части этой книги. Мое мнение, как будет понятно из дальнейшего, состоит в том, что это была крупнейшая катастрофа американской внешней политики поиле Вьетнама, последствия которой могут быть ещё более длительными и губительными.

Однако, для того, чтобы судить об этом провале, нужны точные критерии. После распада в 1991 г. Советского Союза первоочередной заботой американских политических деятелей стали гарантии контроля за гигантским российским арсеналом ядерного и другого оружия массового поражения, а такие гарантии им могла дать только Россия процветающая, политически стабильная, мирно и тесно сотрудничающая с США по наиболее животрепещущим международным проблемам. Начался XXI век, но Россия и российско-американские отношения явно далеки от нарисованного идеала.

Столь же эффектное поражение потерпели и финансовые специалисты по посткоммунистической России, и по сходным причинам. Они с азартом кинулись в этот великий крестовый поход, который для них означал «зарождение российского рынка». Используя «лучшие умы, какие только могли собрать Уолл-стрит и Вашингтон», они также намеревались построить «ню-Америку» на Москве-реке. Среди этих «лучших умов» был и Джордж Сорос – миллиардер, финансист и филантроп, который пообещал лично «направить средства для разрешения сегодняшних проблем российской экономики» (12).

Американские инвесторы по-своему тоже были миссионерами, как и администрация Клинтона. «Известные американские советники по инвестициям распределили по пакетам большую часть предложений по российским облигациям», – напоминает нам бывший корреспондент «Wall Street Journal». И он же: «Американские брокеры написали книгу о том, каким им видится промышленное возрождение России». Предложения, которые они рассылали потенциальным клиентам, перекликались с высказыванием одного американского бизнесмена, уже обосновавшегося в Москве: «Это рай для предпринимателя. Бог весть, когда ещё эта страна... станет похожа на Соединённые Штаты». Вот почему «вслед за американскими инвесторами, возглавившими натиск» (13), в Россию устремились также толпы искателей лёгкой наживы с Запада.

Масштабы поражения этого крыла крестового похода имеют количественное выражение, во всяком случае, приблизительное. По отчётам западных банкиров и инвесторов, только

в результате российского финансового кризиса в августе 1998 г. они потеряли от 80 до 100 миллиардов долларов, что явилось крупнейшим в истории единовременным ущербом. (Один Фонд Сороса потерял 2 миллиарда долларов, а ряд мелких фондов полностью обанкротились). Поражение американских финансистов в посткоммунистической России выразилось и в другом. Их проекты и предприятия дали жизнь грандиозным схемам отмывания денег и прочим сомнительным сделкам (14).

Нечем особенно гордиться и большинству американских журналистов, писавших о России в 90-е гг. А ведь их предупреждали и предостерегали давно. На заре коммунизма в России Уолтер Липман и Чарльз Мерц опубликовали анализ освещения в американской прессе событий революции 1917 г. и последовавшей гражданской войны между красными и белыми, ставший превосходным пособием для изучения журналистского непрофессионализма. По мнению Липмана и Мерца, репортажи носили «почти катастрофический» характер, а «результатом почти всегда было введение в заблуждение». Причину же этого они усматривали, главным образом, в том, что американские корреспонденты и редакторы были абсолютно уверены в правоте своего правительства, объявившего крестовый поход против красных, и потому видели «не то, что было, а то, что люди хотели видеть» (15).

Спустя семь десятилетий, история повторилась. Большинство журналистов, пишущих для влиятельных американских газет и журналов поверили в крестовый поход, объявленный администрацией президента Клинтона, во имя обновления России. Подобно обозревателю «Washington Post», они быстро «встали на сторону Ельцина». Подобно московскому корреспонденту «Business Week», они поверили в «либеральную альтернативу» и в «работу, которую начали Ельцин и его либеральные реформаторы». Подобно международному обозревателю «New York Times», они не сомневались, что России нужна «та же базовая модель», что и у Америки, и вслед за корреспондентом той же газеты постоянно беспокоились, не свернёт ли Россия на путь собственных сумбурных замыслов.

Некоторые были настроены ещё более воинственно. Так, для одного давнего корреспондента «Washington Post» посткоммунистический крестовый поход – ещё одна страница в «холодной войне», которая «на самом деле ещё не выиграна» (16).

Если не брать во внимание обилие фактических ошибок, первой жертвой, как и предупреждали Мерц с Липманом, стала профессиональная объективность. Московские корреспонденты, судя по обзору 1996 г., были склонны глядеть на события в России «сквозь призму собственных ожиданий и убеждений». Тремя годами позже рецензент книги, написанной бывшим корреспондентом, пришёл к выводу, что «откровенно неверные представления» автора проистекают из его личных ожиданий в отношении России, «что заставляло его принимать видимость за реальность и желаемое за факт» (17).

Подобные ожидания и опасения породили тот тип освещения российских событий американской прессой, который можно было бы назвать манихейским, т. е. одномерным (в лучшем случае) и основанным в основном на оценках, предлагавшихся американскими официальными лицами. (Как разъяснял корреспондент «Washington Post», определяющую роль во всей этой эпопее играли «стандарты МВФ по превращению в нормальную страну с рыночной экономикой» (18)). На стороне добра, по этим оценкам, были президент Ельцин и его последователи в лице крестоносцев-«младореформаторов», иногда именуемые «гигантами демократии»: Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, Борис Немцов, Сергей Кириенко. На стороне зла были силы, неизменно выступающие против реформы: коммунисты, националисты и прочие политические драконы, притаившиеся в зловещей пещере парламента. Глава за главой, эта сказка рассказывалась вновь и вновь в течение почти десяти лет, и всегда с позиции «реформаторов» и их западных сторонников, бывших одновременно и первоисточником. По мнению одного известного российского журналиста, это был «сплошной обман» (19).

Казалось, что во всей огромной России не было иных достойных политических фигур, помимо Ельцина и его команды.

Пуškai большинство россиян считало «шоковую терапию» и другие мероприятия этой команды экстремизмом, для американской прессы Ельцин был единственным оплотом страны от «экстремистов как справа, так и слева» (20). Для реформаторов не-ельцинского толка просто не оставалось места. Когда один из них, Григорий Явлинский, во время президентской кампании 1996 г. попытался пойти против Ельцина, американская пресса пригвоздила его к позорному столбу: «История припомнит, кто всё испортил, если дела демократии пойдут плохо». В то же время, какой бы ни была политическая биография человека, если его выдвигал Ельцин, он автоматически превращался в «одного из демократов», «подлинного реформатора» с «чистыми руками». Так было и с Владимиром Путиным, сделавшим карьеру в органах КГБ и назначенным Ельциным своим преемником (21).

Продолжая придерживаться манихейских заповедей при описании реальности (однобокость при заведомой противоречивости самой реальности), американские журналисты превратились в проводников политики Белого дома и «группу поддержки» действий ельцинского Кремля. Ещё в 1993 г. даже проамерикански настроенный русский считал «пропагандой» то, что американские средства массовой информации сообщали о России. В 1996 г. нечто подобное заявил один нью-йоркский обозреватель, сетовавший на то, что газетные репортажи превратились в «зеркало двойного мышления Госдепартамента». А один известный американский историк даже написал, что проельцинизм прессы напоминает ему «коммунистических попутчиков 30-х гг.», только с обратным идеологическим знаком (22).

Американские журналисты, к примеру, создали культы тех российских политических деятелей, которых американское правительство избрало для воплощения своей политики. Феноменальный культ Ельцина начала 90-х гг. («куда Ельцин, туда и народ»), оказался, правда, основательно подорван просчётами его политики и причудами поведения. Но даже в 1999 г. он оставался, согласно мнению «New York Times»,

«ключевой фигурой в ряду защитников российских демократических реформ, с таким трудом завоеванных», и «огромным благом для США» (23).

Что же касается ельцинских «младореформаторов», то, несмотря на все провалы их политики и сомнительный моральный облик, их репутация (в США), похоже, вообще не пострадала, а если и пострадала, то ненадолго. Возьмём, к примеру, Чубайса, которого в американских официальных кругах считают «полубогом» и лидером «экономической dream team» (24). Даже после на шумевшей истории с «коробкой из-под ксерокса» (когда он приказал скрыть финансовое преступление своих помощников в Кремле) «New York Times» устами своего корреспондента уверяла читателей, что «Чубайс готовит сценарий следующего этапа российской демократической революции». И даже после того, как стало известно, что свои приватизационные программы, осуществляемые, в том числе, за счёт рыночных сделок, он превратил в источник личного обогащения, он оставался, по мнению другого корреспондента «New York Times», «крестоносцем свободного рынка» и настоящим «Элиотом Нессом рыночной реформы» (25). Надо сказать, что «New York Times» не была одинока в своих репортажах. В 1999 г. два американских журналиста пришли к выводу, что московское бюро «Wall Street Journal» играло роль «несколько бо́льшую, нежели просто проводника пиара для коррумпированного режима» (26).

Имели место злоупотребления и более существенные, с точки зрения американских ценностей. В 1993 г. редакторы и обозреватели американских газет практически единогласно поддержали администрацию Клинтона, открыто ставшую на сторону Ельцина в его противоборстве с парламентом, приветствовали разгон, а затем и расстрел законно избранного органа. Представленные объяснения были информационно скупы и морально корректны. Утверждая, что «было бы не только целесообразно, но и нужно поддержать недемократические меры», журналисты, по сути, реабилитировали принцип «цель оправдывает средства» – тот самый, который так долго ассоциировался

как раз с советскими коммунистами и который был ими глубоко дискредитирован: «Нельзя приготовить омлета, не разбив яиц» (27). Даже Дума, следующий парламент, избранный на основе уже ельцинской конституции, стала объектом нападок со стороны американской прессы, как будто без законодательного органа, с одним президентом и его назначенцами, Россия была бы более демократическим государством (28).

Следующий пример подчёркивает неуместность большинства американских репортажей о посткоммунистической России и полное безразличие их авторов к судьбе страны, население которой (даже по сведениям одной не очень официальной московской газеты) подвергается эксплуатации и разорению невиданными прежде способами. Говоря о жестоких последствиях экономической «шоковой терапии» для рядовых граждан, ещё один прозападно настроенный российский учёный высказал сожаление, что «у корреспондентов, пишущих из Москвы, нет желания взглянуть в глаза трагической российской действительности». Как сходным образом выразился позднее журналист агентства Рейтер, «боль при редактировании вымарывается» (29).

Конечно, темы бедности и проблем здравоохранения присутствовали в американских репортажах, но обычно лишь в качестве дополнения к главному сюжету о российском переходном периоде и наследии коммунистического прошлого. С презрением встречали американские журналисты любые российские предложения о постепенных, «несколько менее болезненных реформах», от кого бы они ни исходили, будь то вице-президент Руцкой в 1993 г. или премьер-министр Примаков в 1998–1999 гг. (30).

Однако, несмотря на катастрофические последствия «шоковой терапии» 90-х гг. в России, в середине 2000 г. американские журналисты, политики и учёные очень надеялись, что при Путине Россия получит новую, более крепкую дозу, хотя и беспокоились, что рядовые граждане «могут быть не готовы принять этот план». Основанием для подобных надежд было возвышение Германа Грефа, нового министра экономического

развития и торговли, сменившего Чубайса на посту главного «молодого реформатора» страны. Предложенная им политика, по всей видимости, получила одобрение Путина. И хотя предложения Грефа были направлены лишь на то, чтобы сделать и без того обедневшее российское большинство ещё беднее, а горстку богачей – ещё богаче, американские комментаторы на все лады расхваливали «превосходную программу».

Помимо введения 13% единого подоходного налога, исчисляемого по регрессивной шкале (во всех демократических странах фиксированный налог считается несправедливым для всех, кроме богатых, и потому отвергается, однако американская пресса признала его вполне приемлемой демократической «реформой» для России), программа Грефа предусматривала существенное сокращение имеющихся социальных гарантий, в том числе жилищно-коммунальных льгот, рост цен и угрозу свести на нет и без того мизерные пенсии. Так, хотя в 2000 г. большинство россиян с трудом могло оплатить предоставляемые им жилищно-коммунальные услуги, корреспондент «New York Times» счёл цены на эти услуги «возмутительно низкими» и приветствовал реформы Грефа, которые назвал «значительно более смелыми, чем любые планы, которые западные правительства когда-либо пытались протолкнуть, минуя позорительных избирателей» (31).

Подобно приснопамятным советским журналистам, американские корреспонденты оправдывают лишения, которые сегодня претерпевает Россия, будущими дивидендами, абстрактным «светлым будущим». По мере того, как страна всё глубже погружалась в пучину экономического кризиса и нищеты, они продолжали твердить, вслед за Кремлем и Вашингтоном, что экономический подъем и стабильность вот-вот наступят. (Обычно цитируют вице-президента Альберта Гора, якобы заявившего в марте 1998 г.: «Оптимизм является повсеместно преобладающим чувством среди тех, кто знаком с тем, что происходит в России») (32).

Буквально накануне финансового краха 1998 г. (и даже после, как будет видно в дальнейшем) они продолжали убеждать

читателей в том, что Россия являет собой пример «замечательного успеха». И даже признание Путина о необычайных масштабах нищеты в стране не привлекло внимание американских репортёров к этой проблеме (33).

Понятно, что «страшные и мрачные» истории о невыплаченных зарплатах и пенсиях, недоедание населения и упадке российской провинции, где, по свидетельству российского журналиста, царит всеобщее отчаяние, не привлекали американских корреспондентов. (Так, корреспондент «Newsweek» посоветовал беднякам жить на одном хлебе: «могло быть и хуже») (34). Нечасто фигурировали в их репортажах и отчаянные акты протеста, имевшие место по всей стране. И уж совсем без внимания остались те методы, которыми «правительство реформы» лишило российских рабочих прав и гарантий, которые они имели при Советской системе. Вместо этого американские журналисты предпочитали искать подходящие «метафоры для российских метаморфоз» (35) – обычно в той чрезвычайно тонкой прослойке московского общества, которая преуспела за годы преобразований, от финансовых олигархов до яппи, расплодившихся в Москве благодаря обилию представительств западных фирм.

Так, один недавний корреспондент, а затем обозреватель «Washington Post» предложил именовать новых русских, получивших наибольшие выгоды от перераспределения государственных благ, прогрессивными «бэби-миллионерами», а «Wall-street Journal» – «русскими биллами гэйтсами» (36). Другие, например, редактор «New York Times», тоже бывший московский корреспондент, считали, что «одно из лучших мест, где можно лицезреть новую Россию, – открытая терраса «Макдональдса». Она является меккой для богатых молодых москвичей, прибывающих туда на своих «Джипах Чероки» и «Тойотах Лэнд Крузер», с мобильными телефонами в руках» (37). В то время реальная заработная плата в среднем по России составляла около 60 долларов в месяц и продолжала падать.

Неудивительно, что подавляющее большинство читателей американской прессы оказалось неподготовленным к вос-

приятию экономической катастрофы и череды финансовых скандалов, разразившихся в России в конце 90-х гг. К примеру, читатели «New York Times», должно быть, с изумлением узнали (причём даже не от специалиста по России), что, вопреки предыдущим публикациям газеты, «вся политическая борьба в России в 1992–1998 гг. была борьбой между различными группировками за право контроля над государственной собственностью», а демократия и рынок были здесь не при чём (38).

Милосердия ради, можно было бы попытаться найти оправдание для всех этих горе-специалистов по России. Политических деятелей, наверное, подвела политика, инвесторов – жажда выгоды, журналистов – жесткие сроки подготовки материалов и редакторские ожидания. К тому же, для большинства из них Россия не была делом всей жизни, они мало знали о стране и зачастую даже не владели русским языком. (Последнее обстоятельство объясняет вопиющее отсутствие ссылок на местную прессу у большинства американских корреспондентов, аккредитованных в Москве).

Но как тогда объяснить провал подлинных специалистов, университетских и институтских учёных, жизнь свою посвятивших изучению России и, казалось бы, неподвластных влиянию финансовых и политических соображений. Начнём с того, что откажемся от двух заведомо ложных посылок: учёные застрахованы от элементарных фактических ошибок, и они редко принимают участие в публичных делах.

Рассмотрим два примера вопиющих ошибок. В 1993 г. два публикующихся в «New York Times» уважаемых профессора, стремясь очернить антиельцинский парламент, умудрились спутать свободно избранный в 1990 г. Верховный Совет РСФСР с куда менее демократично избранным Верховным Советом СССР образца 1989 г. А в 1999 г., когда широкую огласку в Москве получили случаи нечестных коммерческих сделок, Русский центр Гарвардского университета заплатил огромную цену за эксклюзивные копии архивных документов советской эпохи, а потом обнаружилось, что копии тех же документов давно имеются в другом американском исследовательском центре (39).

Политическая ангажированность также всегда являлась отличительной чертой науки о России. Во время «холодной войны» 1960–80-х гг. научные специалисты по России играли заметную роль в многочисленных дискуссиях в Конгрессе и в средствах массовой информации по вопросам политики разрядки и горбачёвских инициатив. Ряд университетских профессоров даже официально числился в штате Белого дома и Госдепартамента во время правления и демократической, и республиканской администраций (40). Воздействие учёных на восприятие американцами российской действительности было многократно усилено за счёт связи с влиятельными журналистами. Нередко перед назначением московские корреспонденты слушали курсы известных русистов, читали их книги, а затем консультировались с ними по поводу своих репортажей.

Однако, если раньше в более или менее равной степени были представлены обе позиции (*pro* и *contra*), то в 90-е гг. подавляющее большинство специалистов по современной российской истории и политике разделило точку зрения американского правительства и прессы на посткоммунистическую Россию. Неудивительно, что они оказались в такой чести у влиятельных газет и журналов, с удовольствием публиковавших их статьи, рецензии и ссылки на их книги. Но они были не просто «миссионерами из неоконсервативного научного лагеря», как охарактеризовал их один британский ученый; они представляли определённый политический лагерь. Между тем, та часть специалистов по России, которая всеми силами стремилась отмежеваться от «американских адвокатов Ельцина», оставалась незаметной, неслышанной и невостребованной (41).

В результате, большинство комментариев, сделанных в прессе специалистами по русистике и другим родственным дисциплинам, и по содержанию, и по интонации мало чем отличалось от комментариев журналистов. Подчас научные комментарии отличались даже большей «идейностью» и большим миссионерским порывом. Учёные были уверены в необходимости для России «западной экономической стратегии» и «за-

падного присутствия» в широких масштабах под руководством США. Мнение, что Америка должна воспользоваться предоставленным ей шансом «изменить традиционную схему русской истории», без сомнения, было общим (42).

И, подобно американским политикам и журналистам, большинство учёных, конечно, считало Бориса Ельцина единственным «гарантом реформ» в России. Один историк из университета Беркли даже поставил его в один ряд с Петром I, Джоном Локком и Томасом Джефферсоном (43). Оппоненты Ельцина, даже не являющиеся коммунистами, были однозначно отвергнуты как «реформаторы-волынщики», «старореформаторы», «вредители» и «возмутители недовольной черни» (44).

События 1993 г. стали своеобразным моральным тестом и для университетских профессоров. Считая, что «давно назрела» необходимость действовать, они побуждали Ельцина отбросить «политическую корректность» и «свергнуть» избранный парламент, или, как советовал один гарвардский историк, «прибегнуть к методам, неприемлемым на Западе». А чтобы кто-нибудь не усомнился в достаточной для этого легитимности Ельцина, один йельский специалист по конституции сравнил его с Джорджем Вашингтоном, причём сравнение было в пользу Ельцина (45).

Это был позорный эпизод в истории академического россиеведения, но не главный, с точки зрения участия в коллективном американском безумии 90-х гг. Гораздо большее значение имело то, что учёные сумели подвести историческую и юридическую базу под главную лже-идею американского крестового похода – о переходе России от коммунизма к капитализму и демократии американского типа. Эта идея «перехода» не только придала осмысленность американской политике, но и обеспечила прессу – материалом для публикаций, а учёных – новой парадигмой для исследований, грантов и, в конечном счёте, для своей карьеры.

«ТРАНЗИТОЛОГИЯ»

Общей чертой американских русистов является предпочтение согласия, даже на ортодоксальной основе, спору и разногласиям. Возможно, подобная тяга к консенсусу была реакцией на политические сквозняки, периодически возникавшие в академической сфере, начиная с эпохи маккартизма. Роль ортодоксии в 1940–70-е гг. играла тоталитарная модель. Её приверженцы, чьё влияние было преобладающим в университетской среде, утверждали, что именно тоталитарная модель полностью объясняет перипетии советской истории, особенности советской системы и невозможность любых изменений в её рамках.

В годы «холодной войны» тоталитарный подход означал идеологически выдержанный способ обвинения Советского Союза – «прикрепление подобного ярлыка на неподобающую систему», как заметил один критик. Но как всякая ортодоксия, тоталитаризм скрывал больше, чем обнажал. Уже в канун горбачёвских реформ 80-х гг., опровергнувших аксиому о неререформируемости советской системы, исследования нового поколения американских учёных нанесли урон тоталитарной школе, как в исторической, так и в политологической области (46).

Конец Советского Союза потребовал иного рода консенсуса, и он не замедлил возникнуть. С начала 90-х гг. американские специалисты по посткоммунистической России с энтузиазмом подхватили новую направляющую идею. Известная под названием «транзитология», или «наука о переходе», она более достойна названия «наука о переходном периоде», что в большей степени раскрывает её смысл.

Не все учёные приняли новый подход. Как и в журналистике, существовали замечательные исключения. Однако, в рамках

правил наука о переходном периоде стала «почти ортодоксией» – «стандартным набором», преобладающей темой и «способом постановки вопросов». Десятилетиями слово «тоталитарный» было неотъемлемым атрибутом названий книг и статей, теперь его заменило слово «переходный» (47).

В основе транзитологии лежит твёрдое убеждение, что, начиная с 1991 г., Россия совершает «переход от коммунизма к капиталистическому свободному рынку и демократии». Это убеждение, в свою очередь, вытекает из другого: каким бы тернистым ни был этот путь, чего бы он ни стоил России, «переход» для неё – единственное и безусловное благо. Вот почему американские учёные, политики и журналисты так часто называют его «историческим» и «великим» (48).

Транзитологи-практики не утруждают себя традиционным изучением истории, культуры, общественных настроений в России, а также трудоёмкими эмпирическими исследованиями. Всё это они отменяют как излишний «регионализм». (Они любят повторять, что советологи «потеряли предмет» своего изучения, но как мы увидим, именно транзитологи потеряли из виду Россию). Свой «теоретический» подход они считают гораздо более прогрессивным по двум причинам. Во-первых, он сугубо компаративный, т.е. рассматривает российский «переход» не как таковой, а лишь в сравнении с такими же или подобными процессами, имевшими место в другое время и в других странах (большей частью, на Западе), – и тем самым якобы превосходящий «регионализм». А во-вторых, как считают транзитологи, раз они используют заведомо универсальные концепции, методы и теории, взятые из сравнительных социальных наук, в основном политологии и экономики, то их подход является подлинно научным (49).

Результатом их претензий стали два ошибочных вывода. Первый, что благодаря транзитологии, 90-е гг. стали исключительно плодотворным периодом в изучении России. А второй, что открытие нового подхода принадлежит молодым учёным, эдаким академическим «младотуркам» (50).

На самом деле, транзитологию придумало старшее поколение русистов ведущих американских университетов, а они уже сформировали, обучили и выдвинули на первый план когорту молодых транзитологов. Отсюда – масштаб проблемы. По сути, целая отрасль науки – её старшее, среднее и младшее поколение – оказались во власти концепции, которая искажала и девальвировала профессию больше, чем тоталитарная доктрина.

Кстати, недостатки у транзитологии и тоталитарной ортодоксии одни и те же, только с разным знаком. Обеим школам присуща чётко выраженная идеологическая направленность, обе берутся объяснять всё: и прошлое, и настоящее, и будущее России. Как и предыдущая модель, транзитология трактует причины и последствия явления, исходя из одной – единственной идеи. Для тоталитаризма это была абсолютная власть государства в России и принципиальная невозможность перемен к лучшему; для транзитологии это – «гражданское общество» и безусловность таких перемен.

То есть, транзитология, как и предыдущая модель, является собой крайне избирательный метод; она сама решает, что ей изучать, на чём делать акценты, а что опускать, игнорировать, сводить к минимуму.

Эти недостатки, присущие также мышлению американских политиков и журналистов, нуждаются в более подробном анализе, и начать следует с самой идеи российского «перехода». Даже если отбросить сам термин «свободно-рыночный капитализм», который неверно характеризует нынешнее состояние капиталистической системы, зачем думать, что будущее России непременно должно быть таким, как американское настоящее? Существуют же и другие типы рыночной экономики и демократии. В основе этой идеи, думается, лежит обычное политическое чванство. Высокомерная и телеологичная, она (эта идея) явилась академическим выражением американского триумфализма постсоветской эпохи, псевдонаучной версией тезиса Фукуямы о «конце истории» и, как и большинство идей «Вашингтонского согласия», не вышла за рамки XX века (51).

Немногим более можно сказать и в пользу понимания представителями новой школы российского исторического прошлого. Здесь тоже изъясн кроется в базовой посылке. Почему начало российского «перехода от коммунизма» к капитализму датируется 1991 годом? «Коммунизм» в том смысле, какой издавна вкладывался на Западе в это понятие, в 1991 г. в СССР уже фактически не существовал: он был в большой степени «демонтирован» реформами Горбачёва. Но горбачёвский период в стандартных исторических описаниях обычно опускают (если не проклинают), частично потому что американские комментаторы вообще не привыкли видеть в советском хоть что-нибудь хорошее. Но были и другие соображения: «провалом» горбачевских реформ советская система подтверждала свою «нереформируемость», а «развалом» Советского Союза – нестойкость к переменам.

Не хотелось бы прибегать здесь к историческому отступлению, но читателям следует знать, что оба этих вывода достаточно голословны. В правление Горбачева, несмотря на отдельные политические провалы, советская система показала себя замечательно реформируемой – гораздо более реформируемой, чем могли предположить западные эксперты. Кроме того, документы свидетельствуют, что Союз не столько «рухнул», сколько был «разобран» небольшой группой высокопоставленных советских чиновников во главе с Ельциным в борьбе за власть и собственность.

Но какими бы ни были, в конце концов, ответы историков на эти сложные вопросы, они остаются решающими для понимания событий после 1991 г. – первой серьёзной вехи в истории посткоммунистической России. Но и здесь транзитологи, как и их предшественники – тоталитаристы, предпочитают избегать основополагающих вопросов во имя догмы (и, возможно, политической корректности).

Датируя начало российского «перехода» концом СССР, многие учёные оказались в сетях ещё одного заблуждения. Они приняли поддержанную американцами политику Ельцина, стартовавшую в это время, за единственно возможный тип

реформы («радикальную реформу») для России, с её монетаризмом, шоковой терапией и прочими мерами, оказавшими такое глубокое влияние на страну после 1991 г. Отождествление «реальной реформы» с ельцинизмом (как русские иногда называют эпоху его правления) часто имело неожиданные последствия, особенно для учёных, которые должны были бы это предвидеть.

На уровне фактов подобное отождествление выглядит либо фальшивым, либо неоправданно субъективным. С начала 90-х гг. был выдвинут целый ряд различных программ, нацеленных на демократизацию и маркетизацию России (52). Некоторые из этих альтернативных программ, авторами которых были как некоммунисты, так и коммунисты, были не менее реформистскими, чем ельцинская, и, возможно, более эффективными. Во всяком случае, они могли иметь менее болезненные последствия. Тем не менее, арбитры, в лице американских учёных и журналистов, не оставили им ни малейшего шанса.

Некоторые примеры демонстрируют странность американского образа мышления. Так, если следовать логике господствующих концепций «перехода», то «новый курс» Рузвельта не являлся подлинной реформой, так как не включал в себя «шоковую терапию» и монетаризм. Когда Евгений Примаков во время своего кратковременного премьерства в 1998–1999 гг. обратился к администрации Клинтона за поддержкой, ссылаясь на сходство его собственной политики с политикой Рузвельта, американские политики, журналисты и учёные отнеслись к его просьбе с нескрываемым подозрением.

Отождествление ельцинизма со столь чаемой «радикальной реформой» имело и моральные последствия – даже если не принимать во внимание тот факт, что сами американцы обычно не приветствуют что-либо радикальное. В политологии и философии, как и в различных словарях, понятие «реформа» означает улучшение жизни людей. Однако то, что политика Ельцина ведёт к существенному ухудшению жизненного уровня громадного большинства жителей России, было очевидно уже задолго до финансового кризиса 1998 г. Почему учёные или

кто-то ещё продолжали называть это реформами, остаётся этической загадкой.

Между тем, часть учёных (опять же наряду с политиками и журналистами) увязла в ещё более глубоком моральном болоте. Американские сторонники «радикальной реформы» в России понимают, что она неминуемо будет сопровождаться огромными человеческими страданиями, но готовы оправдать их во имя будущего. При этом потенциальных жертв реформы они предпочитают идентифицировать не по классовому или профессиональному признаку: к примеру, средний класс, или рабочие, которым не платят зарплату, или безработные женщины – а по признаку поколения. Да, переход жесток, поясняют они. Ему свойственна «дискриминация по возрасту. Старики проигрывают молодым» (53). Причина, конечно же, заключается в том, что молодые, которые по определению должны быть более демократичными и предприимчивыми, могут принять то, что неприемлемо для старшего поколения, советского по сути (54). Для того чрезвычайно сомнительного предприятия, которое большинство россиян именovalo «рыночным капитализмом», это, казалось, была не очень высокая цена. Но если учесть, что «стариками» в данной квалификации считались люди старше 39 лет (и даже старше 30 лет), то транзитологи по сути подписали приговор всем гражданам России среднего и старшего возраста (55). Стоит ли говорить, что никто из американских учёных, политиков или журналистов не одобрил бы ничего подобного в отношении собственной страны?

Такое моральное падение учёных показывает, что идея крестового похода полностью захватила и их тоже, как это ни прискорбно. «Реформы» ельцинского правительства произвели на некоторых из них такое оглушительное впечатление, что они их не только поддержали, но и приняли в них (не без помощи американского правительства и финансовых организаций, конечно) самое деятельное участие. Сегодня они готовы сделать то же самое для «реформатора Путина». Здесь мы сталкиваемся с ещё одним любопытным рецидивом «тоталитарной школы». Многие из «тоталитаристов» связывали свою научную

деятельность с интересами американского правительства в холодной войне. Транзитологи, по всей видимости, свою деятельность увязывают с сегодняшними интересами как американского, так и российского правительств. Но какими бы искренними ни были их намерения, подобная связь с официальной политикой – неважно, на чьей стороне – не делает чести учёным.

Все эти недостатки, однако, рисуют далеко не полную картину провала транзитологии. С наступлением XXI века стало понятно, что транзитологи просто-напросто «проглядели» Россию.

РОССИЕВЕДЕНИЕ БЕЗ РОССИИ

Язык есть основа любого описания, будь то научный анализ или газетный репортаж. Фальшивый язык делает фальшивым и описание, – предупреждал ещё Джордж Оруэлл. В своих попытках втиснуть российские посткоммунистические реалии в рамки американских и иных «компаративных» схем, награждать их именами, с которыми они не имели ничего общего, учёные и журналисты обесценили свой профессиональный язык, лишили его смысла.

Вот лишь некоторые примеры:

- Начиная с 1991 г., российская действительность представляла собой самый жестокий правительственный кризис мирного времени в XX веке; упадок сельского хозяйства, во многом превосходящий тот, что случился в начале 30-х гг. по вине сталинской коллективизации; беспрецедентная зависимость от импорта (в особенности, продуктов питания и лекарств); благополучие 2–3-х «потёмкинских» городов на фоне нищеты и полунисоты 75% населения; большее количество сирот, чем было после Второй мировой войны, стоившей Советскому Союзу 30 млн. жизней; превращение из супердержавы в государство-попрошайку, существующее на иностранные займы и терзаемое, согласно сообщениям российской прессы, «голодом, холодом и нищетой», чьи отдалённые районы «с ужасом ждут приближения зимы» (56). А американские учёные и журналисты называют всё это *реформой, замечательным прогрессом и примером успеха*.

- По всем значимым критериям Россия в 90-е гг. имела худшую среди развитых стран экономику и при этом получила титул *самого перспективного рынка*. Мало того, этот рынок был назван *свободным рынком*, несмотря на то, что форма и характер сделок на нем определялись не столько законами конкуренции, сколько президентскими указами, а главным способом разрешения споров являлось заказное убийство, и даже несмотря на то, что один из самых пылких его сторонников признал, что «основы рыночной экономики остаются неведомыми» в России (57).
- Экономическая система, в которой отсутствуют законы о национальном богатстве и собственности, а утечка капитала за границу во много раз превышает вложения в собственную экономику; система, которая является одной из самых коррумпированных в мире, – эта система именуется *капитализмом*. Российские граждане, получившие наибольшую выгоду от распродажи государственной собственности и расхищения общественных благ (просто «грабители», по мнению многих сограждан), почитаются «благородными разбойниками», *баронами грабежа*, словно они русские рокфеллеры и карнеги, заложившие основы национального достояния. Заведения, которые отмывают деньги, почти не имеют крупных вкладчиков и не дают кредитов на развитие бизнеса или приобретение жилья, почему-то называются *банками*, а предприятия, существующие за счёт государства и целиком зависящие от его прихотей, – *приватизированными предприятиями*. (В апреле 2000 г. будущий премьер-министр путинского правительства признался, что большинство банков в России «никогда не были банками в полном смысле слова») (58).
- *Приватизация*, провозглашённая *великим достижением* реформы, требует отдельного разговора. Пока мелкий

бизнес в России отчаянно борется за выживание во враждебной ему государственной и экономической среде (в 2000 г. в сфере мелкого бизнеса было занято всего 870 тыс. человек), тысячи крупных приватизированных предприятий якобы представляют новую капиталистическую экономику. В середине 90-х гг. учёные и журналисты заверяли читателей в том, что «русский Приватизационный центр... помогает превратить государственные предприятия в частный прибыльный бизнес». В конце 90-х гг. мы узнали, что производительность этого «бизнеса» составила лишь половину от того, что давали государственные предприятия. В немалой степени это было вызвано тем, что приватизация зачастую оборачивалась «прихватазацией» (59). Само слово «частный» в России необязательно означало «негосударственный» или «автономный». Основатель одного из крупнейших банков, к примеру, как-то назвал премьер-министра «мой хозяин» и добавил лишь с долей иронии: «Я ничем не владею — я лишь арендую».

«Финансовые группы сегодня, — поясняет российский учёный, — самым непосредственным образом зависят от государственных интересов и бюджетных ресурсов». А один авторитетный российский политолог считает, что правительство, если захочет, может уничтожить олигархов в одну минуту. Таким образом, даже крупнейшие «частные» собственники (а может быть, тем более они) готовы в любой момент покинуть страну, как только государство решит прервать с ними «договор» аренды. Недаром один экономист написал в 2000 г., что «приватизация в России была в большей степени формальностью, нежели настоящей реформой» (60).

- Другие *достижения реформы* носят ещё более причудливый характер. До середины 1998 г. невыплата правительством пенсий, зарплат и пр. вкуче с грандиозной

системой краткосрочных обязательств, процент по которым подчас выражался трёхзначным числом, оказывается, были *победой над инфляцией*. (Работа без оплаты навевает мысли об однокоренном слове «рабство», или «крепостничество», как это называлось в царской России) (61). Российский рубль, вплоть до 1998 г. искусственно удерживаемый на уровне четверти от его реальной цены, в основном за счёт вливаний миллионов долларов МВФ, получил статус *стабильной валюты* (62). Система бартерных сделок, или демонетаризация, в рамках которой совершалось более половины всех экономических сделок в стране, без тени иронии, была названа *монетаризмом*. А растущая дестабилизация ядерной страны получила название *макростабилизации*.

- Картина посткоммунистического общества, нарисованная американскими журналистами и учеными, тоже во многом носила вымышленный характер. Широкие, высокообразованные и потенциально способные к предпринимательской деятельности, круги советского среднего класса подверглись децимации «шоковой терапией» начала 90-х гг. Затем возникла узкая, сравнительно хорошо оплачиваемая прослойка молодых людей типа американских яппи, которая являлась островком благополучия и достатка в море всеобщей бедности. Однако, во-первых, это благополучие было временным, так как поддерживалось иностранными фирмами и их представительствами, в основном в Москве, а во-вторых, среди представителей этой прослойки не было ни крупных собственников, ни высокообразованных профессионалов: врачей, преподавателей, учёных и др. К тому же, финансовая катастрофа августа–сентября 1998 г. почти полностью уничтожила даже эту прослойку. И это всё было названо *созданием среднего класса в России* (63).

В том же духе, мизерный процент граждан, обретших благополучие в эпоху ельцинизма и демонстрировавших

американизированный стиль мышления и поведения, вдруг оказался *гражданским обществом* (исключительно идеологическая, а не социологическая категория, призванная включать или исключать практически всё, что угодно). Остальным гражданам оставалось лишь сожалеть, что им не достался столь высокий статус (64). Бедняки же, которых один ведущий экономист и даже сам президент Путин называли «проблемой № 1» страны, вообще редко удостоивались упоминания. Неудивительно, что пресловутые московские *супермаркеты* больше смахивают на «музеи, куда люди заходят поглазеть, а не купить» (65).

- Контроль и манипулирование всеми этими процессами 90-х гг. XX века было всего лишь замаскированной формой российского авторитаризма, названной, однако, *политической реформой и демократизацией*. Эта «демократизация» явила нам монархоподобного президента, правившего, в основном, с помощью указов, и не считаясь с парламентом, напуганным судьбой своего разогнанного предшественника. Впрочем, президент и сам чувствовал себя настолько небезопасно, что всё более полагался на офицеров госбезопасности, назначаемых премьер-министрами. В конце концов, он ушёл в отставку, но лишь после того, как назначил своим преемником главу бывшего КГБ и получил гарантии своей неприкосновенности в случае преследования. Вся эта декорация получила название *конституционной демократии*, даже несмотря на то, что политические последствия её были настолько неопределённые, что бывший министр внутренних дел не исключал возможности кровавого «индонезийского или даже албанского варианта» (66). (Похоже, все забыли российскую политическую историю, в которой было много конституций, но не было конституционализма).

Поддержку президенту оказывали (или не оказывали, в зависимости от олигархических интересов) в большой степени контролируемые, купленные или имеющие иные рычаги контроля средства массовой информации, именуемые *свободной прессой*. (В этой связи, один российский ученый назвал Ельцина не столько *гарантом демократии*, сколько гарантом олигархии) За пределами столицы отношения Кремля с полуфеодалными княжествами, которые в течение 90-х гг. не раз отказывались соблюдать конституцию, платить налоги, вводили ограничения на экспорт важнейших товаров и грозили введением собственной валюты, получили название *федерализма*. Характер этого «федерализма», больше напоминавшего потёмкинские деревни, был в полной мере продемонстрирован в 2000 г. Столкнувшись с перспективой обрести в лице Путина сильного лидера, способного лишить их голоса в парламенте, уменьшить их власть в регионе и восстановить традиционный контроль Москвы над провинцией, многие прежде «независимые» губернаторы поспешили капитулировать (67).

- В завершение этого перечня приведем пример, ещё более впечатляющий. Никогда прежде антизападные настроения в России не были столь сильны, как в конце XX века. В 1998 г. американская торговая палата в Москве советовала американцам не афишировать свою национальную принадлежность во время демонстраций протеста. Лидеры, по определению олицетворявшие американские ценности в России, – Ельцин и его «младореформаторы», в первую очередь, пользовались наибольшим презрением в стране. 96% опрошенных россиян, включая заведомо проамерикански настроенную молодёжь, назвали натовские бомбардировки в Югославии, в которых американцы играли первую скрипку, «преступлением против человечества». В 2000 г. примерно 81% россиян был уверен, что американская политика в целом носит антирос-

сийский характер, и даже те, кто был настроен прозападнически, полагали, что «железный занавес» вновь опускается на границы страны. И это притом, что российский «переход» объявлялся синонимом *вестернизации, присоединения к Западу* (68).

Невозможно отделаться от усмешки, читая все эти наименования, настолько далёкие от сути явлений, что вызывают в памяти оруэлловский «новояз». Вообще академическое и газетное описание России в 90-е гг., во многих отношениях было оруэлловским. В России искали, главным образом, «Россию, которая нам нужна». Даже когда было невозможно полностью закрыть глаза на суровую реальность, учёные и журналисты видели в ней лишь основание для изменения к лучшему. Недаром один американский профессор счёл оправданным «осторожный оптимизм экономистов». А влиятельный и известный журналист откровенно заявил: «Хотя не вызывает сомнения тот факт, что... переход болезненно сказывается на повседневной жизни в сегодняшней России, её перспективы на ближайшие годы и десятилетия, как никогда прежде, многообещающи» (69). (Прошло меньше двух лет после того, как это было написано, и Москву потряс грандиозный финансовый кризис, после которого «перспективы» десятков миллионов россиян стали ещё более «болезненными»).

Учитывая такое количество расхождений с реальностью, описания посткоммунистической России неизбежно носили выборочный характер. Учёные, как и журналисты, опирались на узкий круг источников, в первую очередь, на сведения коллег-транзитологов и официальные данные. При этом значимость одних явлений — например, достатка и процветания в пределах московской кольцевой дороги — всячески раздувалась, а других — таких, как растущая бедность в провинции и даже в столице, половина жителей которой в 2000 г. официально числились бедняками, — сознательно занижались. Ряд явлений вообще остался за пределами описаний. Так, начиная с 1991 г. Россия переживала жестокий экономический кризис,

однако даже слово это редко встречается в академических и журналистских описаниях 90-х гг., не говоря уже об анализе самого явления и его последствий.

Как ни парадоксально, но американские учёные и журналисты сообщали нам о России после коммунизма значительно меньше, чем тогда, когда она была частью закрытой Советской системы. Что же, в таком случае, в действительности произошло в России после 1991 г.? По настоящему важных событий было несколько, но особого внимания заслуживают два из них, причём ни то, ни другое не имеет никакого отношения к теории «перехода» и к «реформе» вообще.

Хотя сегодня среди учёных стало немодно говорить об этом (а журналистов, в силу профессии, никогда и не волновало), форма любых политических, экономических и социальных реалий определяется историческим процессом. Попробуем представить себе российскую историю с 1991 г. в предельно сжатом виде, но так, как её переживали сами россияне. Перед нами предстанет непрерывная череда болезненных шоков, всякий раз заставляющих общество содрогаться, – и безо всякой терапии.

- В декабре 1991 г. Ельцин с небольшой группой сторонников внезапно, без какой бы то ни было юридической или практической подготовки, уничтожил Советский Союз. Большинство россиян лишилось единственно возможного гражданства. Российская экономика, бывшая в течение десятилетий составной частью общесоюзной экономики, утратила многие жизненно важные связи, источники сырья, материалов, готовой продукции и рынки сбыта.
- В 1992–1993 гг. гиперинфляция, вызванная «шоковой терапией» и резким отпуском цен, в одночасье уничтожила сбережения большинства россиян, включая средний класс. То, что осталось, поглотили финансовые пирамиды, расплотившиеся из-за попустительства правительст-

ва, и валютный кризис 1994 г. Обещанная «демократическая» ваучерная приватизация не дала людям ничего взамен.

- В октябре 1993 г. Ельцин расстрелял из танковых орудий не только законно избранный парламент, приведший его к власти и защитивший его во время попытки государственного переворота в августе 1991 г., но и весь политический, конституционный порядок российской посткоммунистической республики. Помимо всего прочего, включая народный идеализм – а для большинства россиян выборы в парламенты 1989 г. и 1990 г. (тот самый, разогнанный) стали первым опытом демократии, – страна потеряла четыре года развития первой действительно полномочной законодательной власти в своей новейшей истории.
- В декабре 1994 г. Ельцин опрометчиво начал войну против Чечни – маленькой республики, пожелавшей отделиться от России. К моменту временного перемирия в 1996 г. эта война унесла десятки тысяч жизней российских граждан, многие из которых были этническими русскими; обессилила и обесчестила армию; увеличила и без того огромный дефицит федерального бюджета; поставила под сомнение принцип конституционного федерализма; и, наконец, что обычно не замечают, явилась первой гражданской войной в ядерной державе.
- В августе 1998 г., после ряда финансовых мероприятий, не улучшивших жизнь большинства россиян, правительство, несмотря на все обещания не делать этого, внезапно девальвировало рубль, объявило дефолт в отношении долговых обязательств и заморозило банковские счета. В результате сбережения граждан вновь оказались экспроприированными, но на этот раз больше всего пострадал средний класс, сформировавшийся после 1991 г.

- Осенью 1999 г. в Москве и других городах прогремели загадочные взрывы жилых домов, унесшие жизни около 300 человек и посеявшие панику среди городского населения России. Играя на общественных страхах, правительство Ельцина, возглавляемое бывшим шефом службы госбезопасности и будущим преемником президента, начало новую полномасштабную войну против Чечни, вернее, против того, что от неё осталось. К весне 2000 г. появились первые результаты: новые тысячи погибших, сотни тысяч беженцев, полностью разрушенный Грозный и угроза ядерных ударов с обеих сторон. Если XX век, как говорят, начался для России Первой мировой войной и последовавшей за ней Революцией, то начало XXI века ознаменовалось для неё новой, невиданной войной, конца которой в обозримом будущем не видно.

Первое, что надлежит отметить после краткого обзора этой девятилетней истории шоковой политики и экономики, это то, что подобные меры, осуществляя их советское правительство, встретили бы непременное осуждение со стороны американских политиков, журналистов и учёных. Второе – это наличие в исторических событиях определённой внутренней логики, или динамики, в соответствии с которой на долю каждого последующего события оставалось всё меньше альтернатив. В частности, чем дальше, тем больше отказывалась Россия от своей семидесятилетней советской истории, и те её элементы – институциональные, экономические, человеческие, – которые могли быть использованы как строительный материал для новой России, оказались, в конце концов, разрушенными.

И эта история бессмысленного и бесполезного посткоммунистического разрушения всячески приветствовалась и поощрялась американскими учеными и журналистами, подогнавшими под неё свою удивительную теорию. Это лишний раз напоминает нам о том, как холодно-безразличны могут быть американские миссионеры к человеческой трагедии, сопровождающей их крестовый поход.

По мнению многих теоретиков-транзитологов, российский «переход... требует разрушения всего здания» прежнего порядка, или «ancien régime» (до 1992 г.) до самого основания. Для России «желательно», пишет один гарвардский историк, «чтобы дезинтеграция продолжалась до тех пор, пока ничего не останется от её старых структур». Чем больше «битого кирпича», как говорится, тем лучше. А один экономист поясняет: «Успешная программа реформ должна быть резко негативной... Она должна быть нацелена на разрушение структур». Неудивительно, что ободрённый столь высокими авторитетами корреспондент мог с восторгом писать о «многочисленных актах необходимого разрушения» при Ельцине» (70). Когда дело касалось России или любой другой страны, кроме их собственной, учёные-экономисты были особенно категоричны: «Любая реформа должна носить разрушительный характер, и масштаб разрушений должен быть исторически беспрецедентным. Всё идёт на свалку, включая экономические и большинство политических и социальных институтов и заканчивая физической структурой производства, капитала и технологии». К сожалению, подобный нигилизм не остался в стенах университетских аудиторий. Как сожалел позднее сотрудник Всемирного банка, «некоторые солдаты экономической “холодной войны”, похоже, вообразили, что их миссия – сровнять с землёй “злокозненные” институты коммунизма и создать на их месте... новые и чистые “образцовые” институты частной собственности и рыночной экономики» (71).

Как нетрудно догадаться, за всеми этими абстрактными «институтами» скрывались реальные программы, учреждения и предприятия советской эпохи, необходимые для поддержания жизненного уровня десятков миллионов простых российских граждан, – от здравоохранения до пищевой промышленности. Они должны были быть «сметены» во имя «свободного рынка», который и сегодня, почти десятилетие спустя, всё ещё должен прийти им на смену. Один из результатов – демографическая катастрофа в России, беспрецедентная для мирного времени (72).

Транзитологи сваливают вину за это и ещё многое другое на «советскую систему, взорвавшуюся изнутри и рассыпавшуюся в пух и прах». Однако на самом деле, большинство из этих жизненно важных вещей ещё работало в 1991 г. Как заметил один российский ученый, «реальное разрушение имело место... в период 1992–1998 гг.» Вопреки мнению американских учёных и журналистов, в России существовали иные альтернативы коммунизму. К примеру, один из реформаторов, оппозиционный и Ельцину, и коммунистической партии, возражал: «Я думаю, для того чтобы строить, совсем необязательно сначала всё разрушать» (73). Тот факт, что так много американцев разделило нигилистический фанатизм Кремля, думается, может быть объяснён только идеологическим ослеплением крестового похода.

Но как ни объясняй, история посткоммунистической России с трудом укладывается в образ страны «на переходе», цель которого – достижение прогрессивного политического и экономического устройства. В действительности, российское развитие мало похоже на движение вперёд. Склонность к чрезвычайным мерам и презрение к постепенности, навязывание западных идеалов перемен сверху, уничтожение парламента, чрезмерная роль верховного лидера и бюрократических указов, использование правительством силы против собственного народа, – всё это мы уже проходили в курсе российской истории и до, и после 1917 г. Непонятно, зачем называть «реформой» и «прогрессом» то, что выглядит, как регресс (74).

Возможно ли вообще, чтобы исторический процесс, подобный этому, привёл к стабильному демократическому правлению и цивилизованной рыночной экономике, что твердили, как заклинание, транзитологи в 90-е гг.? Возьмём всего один аспект посткоммунистической российской действительности: всеобщую бедность. Подавляющее большинство народа оказалось лишено и законной заработной платы, и с трудом завоеванных социальных гарантий; его сбережения не раз конфисковывались – и всё в пользу небольшой, демонстративно богатой части общества. Уже одного этого достаточно, чтобы придать процессу российского развития регрессивную направленность.

В середине 90-х гг. на просторах России вновь зазвучал «проклятый» вопрос, не раз приводивший к погромам и кровавым чисткам, – «Кто виноват?». И вновь власть в Москве испугалась своего народа. Для студента, изучающего историю России нет ничего удивительного в том, что Ельцин и его семья начали отчаянно искать способы избежать судебного или внесудебного преследования, как только срок его президентских полномочий стал подходить к концу. Не удивится он и тому, что российская политическая и финансовая элита так стремилась отправить своих детей учиться за границу, туда, где они были бы в большей безопасности (как, впрочем, и их капиталы).

Итак, если период с 1991 г. для России не был «переходным», – а если и был, то процесс шёл отнюдь не в том направлении, которое предсказали транзитологи, – то что же представлял из себя этот период? Российские учёные, оценивая экономические и социальные последствия «реформ» 90-х гг., обычно прибегают к аналогиям. Один вспоминает разруху после Второй мировой войны, другой говорит о «геноциде», третий сравнивает с разрушениями после «средней мощности ядерного удара». По моим наблюдениям, слова типа *крах*, *распад*, *трагедия*, гораздо чаще приходят на ум большинству россиян, нежели слово «*переход*», если только оно не означает переход «от состояния кризиса к состоянию катастрофы» (75). Для них страна представляется не поездом, чинно совершающим свой путь по рельсам, от одной станции к другой, каким бы длинным ни был маршрут, а скорее сумасшедшим экспрессом, потерявшим управление и сорвавшимся с рельсов в пропасть. Что же конкретно произошло в России в эти годы?

Начать следует с экономического кризиса, постигшего Россию после 1991 г., – «великой депрессии переходного периода» – более глубокой и более длительной, чем американская «великая депрессия» 30-х гг. Даже до финансового краха в августе–сентябре 1998 г. (вопреки общепринятому мнению, он был вызван не «азиатской лихорадкой», а внутренними болячками самой российской экономики) российский ВВП

составлял лишь половину от того, что страна имела в начале 90-х гг., продукция мясного и молочного животноводства – четверть, реальные зарплаты – меньше половины уровня 1991 г. Для сравнения: во времена американской «великой депрессии» падение производства составило 27% (76).

К концу 90-х гг. даже относительно благополучные москвичи могли лицезреть «жалкие обломки российской экономики, торчащие из песка, как после кораблекрушения» (77). Но шторм, возможно, ещё не кончился. Несмотря на небольшой и, по всей видимости, временный экономический подъём 1999–2000 гг., вызванный, по большей части, высокими мировыми ценами на нефть и падением рубля, давшим преимущество отечественным производителям, «жалкие обломки» так и остаются обломками, реальная заработная плата продолжает падать, а безработица – расти, новые инвестиции минимальны.

Если капиталовложения считать кровообращением экономики, российская экономика находится на грани смерти все 90-е гг. В 2000 г. инвестиции составили лишь 20% от уровня десятилетней давности. Это означает, что Россия при Ельцине жила во многом за счёт накопленных при советской системе ресурсов, от запасов капитала до наработок в сфере образования, в то время как «реформы» только конфисковывали, перераспределяли и растаскивали её собственность и другие блага. Один провинциальный губернатор пояснял: «С 1991 г. мы шесть-семь лет жили за счёт предыдущего режима. Сегодня эти запасы исчерпаны на 100%» (78). Не произведя ничего нового и растратив бо́льшую часть из того, что имелось, «реформы» провалились.

Однако, в 90-е гг. в России происходила ещё одна, даже бо́льшая катастрофа. Предваряя тему, которая будет представлена дальше на страницах этой книги, скажу, что экономический и социальный распад нации был настолько глубок, что привёл к беспрецедентному явлению демодернизации страны в XX веке. Этот процесс остался фактически незамеченным в США, но не в России. Даже некая проельцински настроенная российская газета была вынуждена признать, что «Россия

выпала из сообщества развитых стран», а один российский учёный выразился более приземлённо, подчеркнув, что 90-е гг. закончились «крахом современной жизни» (79).

Статистические данные и наблюдения говорят сами за себя. К примеру, инфраструктура важнейших отраслей, обеспечивающих современный уровень жизни, – от науки и производства до здравоохранения и отопления – оказалась отброшена на десятки лет назад. (Один специалист даже заявил об «исчезновении национальной базы для исследования и развития»). Многие люди трудятся, не получая за свой труд регулярную заработную плату, а абсолютное большинство живёт на мизерные пенсии, социальные пособия и личные сбережения, которые позволяют с трудом балансировать на уровне бедности. Три четверти из них едят то, что выращивают на собственных участках земли, даром что Россия считается страной преимущественно городского населения. Вместо денег часто используется бартер. «По уровню здравоохранения, – сообщает эксперт, – Россия уже даже отдалённо ничем не напоминает развитую страну». На территории страны вновь фиксируются вспышки эпидемий брюшного и сыпного тифа, холеры и других, давно забытых заболеваний. Большинство детей, из которых миллионы не посещают школу, страдают от недостатка питания, а продолжительность жизни российских мужчин упала ниже 60-летней отметки, что соответствует уровню конца XIX века (80). Но самые ужасные последствия этого «перехода» назад, к временам, предшествующим эпохе модернизации, мы наблюдаем в отдалённых российских провинциях, где всюду идёт «стабильный откат от цивилизации». Вот как описывает провинциальный город волонтёр Американского корпуса мира: «Город загнивает и умирает... Работы нет совсем... Одни люди едят собак, другие отдают последние копейки за буханку хлеба... В отдельных районах города нет телефонной связи, так как воры украли кабель... Полицейские не способны их остановить. В квартирах – сломанные туалеты, нет газа, вода течёт только в кухне, горячей воды нет совсем... Но эти люди гораздо счастливее тех, кто живёт в Сибири. Там, местами, у людей совсем нет ни еды, ни тепла» (81).

Эпидемия «реформ» докатилась и до российской сельскохозяйственной глубинки, где отсутствие проблем с продовольствием позволяло выживать и в худшие времена. В январе 2000 г. один канадский журналист решил оценить плоды деятельности канадских миссионеров, по примеру США взявшихся переделывать крупные российские колхозы в маленькие семейные фермы и с этой целью приехавшие в Россию. Вот что он обнаружил: «Канадцев давно уже нет. Как, впрочем, нет и скота, засеянных полей, тракторов и даже крыш и стен коровников. Здания стоят пустые и разграбленные... Большинство ферм или закрыто, или дышит на ладан... Поля заросли сорняками и кустарником. Урожая не было уже два года».

Когда 17-летнюю девушку из российской глубинки спросили, о чём она мечтает, в связи с наступлением нового века, она ответила устами десятков миллионов россиян: «Двадцать первый век? Трудно говорить о двадцать первом веке, когда сидишь и читаешь при свечах. Какой двадцать первый – у нас девятнадцатый век!» (82).

В этой трагедии посткоммунистической России можно увидеть черты и старого, и нового. Ельцинские «молодые реформаторы» не раз заявляли, что выполняют историческую задачу модернизации России. В этом отношении, они являлись продолжателями старой традиции. Попытки модернизировать Россию сверху («догнать и перегнать Запад») неоднократно предпринимались российскими правителями от царей до комиссаров. Иногда это были относительно безболезненные попытки, иногда модернизация шла «через катастрофу» (83). Но никогда прежде этот процесс не приводил к утрате самого статуса современной страны.

Для американских учёных трагедия России имела ещё одно значение, полное скрытой иронии. Теории и концепции модернизации уже много лет являются преобладающими в академическом руссиеведении. Транзитологи, в этом смысле, тоже – наследники старой традиции (84). При всей новизне терминологии и стремлении предстать новой социальной наукой, транзитология на самом деле есть лишь современная версия

тех самых старых подходов, выразившаяся в формуле: «рос-
сийская модернизация = переход к капитализму и демократии
американского типа».

И вот теперь выясняется, что транзитологи – учёные
и журналисты, в одинаковой степени, – проглядели самое важ-
ное в истории России с 1991 г. и одновременно абсолютно
противоположное тому, что они собирались изучать и осве-
щать, – постепенный и неуклонный процесс демодернизации
страны. Итогом стало россиеведение и россиеведение без
России.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Русские полагают, что их политика обречена вечно маяться в поисках ответов на два проклятых вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?» В конце 90-х гг. американские политики и учёные тоже были заняты ответом на вопрос «Кто виноват?», но в их собственной версии: «Кто потерял Россию?» и выдвигали взаимные обвинения. Однако вряд ли кто-нибудь из них был заинтересован задать второй вопрос: что же нужно сделать, чтобы положить конец той деятельности специалистов по России, которая уже нанесла такой большой урон?

А ответ простой. Журналисты и учёные, чьи работы выглядят достаточно обоснованными, должны перестать создавать образ России, «которая нам нужна». Конечно, они делали это и раньше (я отмечал это в предисловии), причём неоднократно в течение XX века (85). Однако на сей раз результат оказался гораздо более серьёзным: абсолютно неверные, но общепринятые оценки и анализ положения дел в стране, обладающей ядерным и прочими видами оружия массового поражения.

Чтобы рассеять эти не только неверные, но и опасные убеждения, необходимо сделать, по крайней мере, три шага. Для начала журналисты и учёные должны дистанцироваться от американской политики и любых консенсусов по российской проблеме, какими бы широкими они ни были. Повар должен потакать вкусам клиентов, но учёные и журналисты не повара, демократическая культура предполагает их независимость от общественных appetitов. Однако в 90-е гг. многие из них

предпочли отказаться от своей подлинной миссии в угоду миссионерству (86).

Вторым шагом учёные и журналисты должны избавиться от псевдо-экспертов, в особенности тех из них, кто относится к России, как к любой другой стране, не считаясь с её историей, видит в ней просто «лабораторию» для испытания своих теорий (87). (Без сомнения, должно быть что-то особенное в стране, в которой и коммунизм, и капитализм оказались полностью дискредитированными за какие-то 80 лет) Среди тех, кто мнит себя экспертами, представители двух профессий сыграли особо пагубную роль в 90-е гг.: теоретики-экономисты и финансовые инвесторы. И те, и другие напоминали тех экспертов по вооружениям из другой эпохи, которые считались «советологами» лишь на том основании, что Советский Союз обладал вооружениями.

Разъезжающие по миру «шоковые терапевты» из различных университетов, межотраслевых институтов и официальных структур оказали особенно сильное влияние на мнение прессы о посткоммунистической России. Очень жаль, что большинство из них мало что знали об этой стране (кроме того, что у неё есть экономика) и нисколько не смущались, что их законы и рецепты по-марксистски универсальны. (Некоторые из них были настолько «не в материале», что их собственные предприятия в Москве закончились скандалом) (88). Справедливости ради, надо отметить, что не все экономисты разделяли взгляды приверженцев «шоковой терапии» и оказались правы. «Шоковые терапевты» потерпели в России сокрушительное поражение.

Понятно, почему прославленные экономисты, обладавшие престижными учёными степенями («второсортные экономисты из первосортных университетов», как презрительно назвал их один из действительно выдающихся их коллег), оказали такое большое влияние на учёных и журналистов. Но почему они посчитали достоверными информаторами финансовых инвесторов? Причина, говорят, в том, что они так много вложили в Россию (89), (а мы уже знаем, что случилось с их

вложениями). В чём дефект подобного объяснения, рассказали два американских журналиста, не согласных с «генеральной линией»: «Любой хороший бизнес-репортёр знает, что мало кто из биржевых аналитиков или брокеров, работающих в стране с развивающимся рынком, позволит себе говорить «под запись» что-либо негативное об экономике страны-хозяина, иначе никто не будет вкладываться в этот рынок» (90).

Инвесторы, экономисты и американские чиновники были признаны экспертами по посткоммунистической России и даже поставлены в один ряд с ведущими специалистами в этой области, потому что были главными действующими лицами в миссионерской трактовке событий. В то же время, люди, которые действительно знали Россию или предлагали иную интерпретацию событий, презрительно именовались «мудрецами от советологии», чьё место на свалке истории, и оставались не у дел (91).

Многие годы американские специалисты черпали цитаты и вдохновение для своих антисоветских произведений в творениях двух известных (даже американскому читателю) российских писателей, двух жертв коммунистического режима, — Андрея Синявского и Александра Солженицына. Но когда они выступили с протестом по поводу того, что произошло в их стране после 1991 г., их перестали замечать и даже подвергли насмешкам. Как заявил американский эксперт от журналистики, понимание Синявским «российского перехода» было «анализом, основанным на эмоциях, очевидных опущениях, дезориентации и анекдоте». В своё время заслуживший похвалу за умение проникать в суть явления, Синявский теперь подвергся бичеванию за «глубоко ошибочные суждения, основанные на весьма произвольных наблюдениях». Что касается Солженицына, то даже его биограф, ранее восхищавшийся им, назвал его «политическим динозавром», чьё время давно прошло (92).

В отличие от модных экспертов, актуальных лишь в течение одного политического сезона, подлинные специалисты по России должны искать свои ответы на вопросы и, что не менее важно, не бояться задавать эти самые вопросы, даже

если они звучат немодно. Начать здесь следует – и это будет третий шаг к пониманию посткоммунистической России – с истории. Я не хочу сказать, что журналисты, политологи и прочие специалисты по современности должны превратиться в историков, но некоторое общее представление о том, что происходило в России до 1991 г., им следует иметь. Судя по обобщениям, которые делают сегодня молодые транзитологи, и фактическим ошибкам журналистов, и те, и другие знают немного (93). Если бы они знали больше, они бы поняли, что Россия, как подметил однажды один российский реформатор, не может выскочить из своей истории, подобно тому, как мы не можем выпрыгнуть из своей кожи (94). Они бы знали, что многие мероприятия Ельцина, чьё восхищение Петром I считается общепризнанным, имели гораздо больше общего с обычной практикой российского руководства, нежели с демократией и социализмом. Они были бы озабочены тем, что «шоковая терапия» и другие меры, осуществляемые на американские деньги, только усиливают некоторые из худших российских традиций. И, наконец, они не стали бы так безумно отмечать альтернативные способы реформирования России, так называемый «третий путь», отличный и от ортодоксального советского коммунизма, и от догм американского крестового похода. Мало того, оглядываясь назад, они обязательно задались бы вопросом о более продуктивных и менее дорогостоящих возможностях, которые могли быть упущены с распадом Советского Союза в 1991 г.

Одна альтернатива из прошлого уже стоит в повестке сегодняшнего и завтрашнего дня посткоммунистической России. Дело в том, что настойчивое желание американских крестоносцев видеть российскую экономику полностью приватизированной и функционирующей по законам «свободного рынка», противоречит российской традиции. И до, и после 1917 г., за исключением полувекового отрезка 1929–1986 гг., на который приходится господство аномальной сталинской командной системы, в России всегда было то, что русские называют «смешанным укладом экономики». Он характеризуется сосуществованием

в условиях рынка двух секторов – государственного и частного. Государство при этом оказывает существенное влияние на рынок, но не управляет им.

Сами русские, когда их спрашивали об этом, начиная с конца 80-х гг., неоднократно отдавали предпочтение именно «смешанной экономике» (95). Сегодня она выглядела бы так: свобода частного рыночного предпринимательства в соединении с характерными чертами советской системы, включая гарантию занятости, некоторое регулирование и дотирование потребительских цен, разветвленную систему социального обеспечения и государственную собственность на ряд жизненно важных отраслей хозяйства. В связи с этим становится понятно, почему от 75 до 85% россиян, опрошенных в 1999 г. и в 2000 г., сожалеют о распаде СССР, а большинство из них считает брежневскую эпоху 70-х и начала 80-х гг. «золотым веком» (96).

Иными словами, большинству россиян милее идеалы европейской социал-демократии, нежели «условия» американского крестового похода. Попытка навязать им любой другой тип экономики, как это было сделано в 90-е гг., неизбежно будет иметь отрицательные последствия, прежде всего для демократии. Провал идеи «свободного рынка» в России, ставший очевидным к концу десятилетия, только упрочил общественные надежды на «смешанную экономику». Сегодня это – программное положение почти всех значительных партий в России.

Таким образом, простейший исторический ликбез позволит сфокусировать внимание на реальных событиях сегодняшнего дня, а не на мифах, а это, в свою очередь, является важнейшим шагом к пониманию того, что в действительности произошло в России после 1991 г. В русистические исследования должна вернуться Россия и, в особенности, её народ, чью судьбу, в бытность его ещё советским народом, так оплакивали американские политики, журналисты и академические учёные. Обо всех событиях, невольно или намеренно опущенных или затушеванных американскими специалистами в 90-е гг., не-

пременно будут написаны книги; здесь же позвольте привести только два примера.

Когда московские «реформаторы на американской тяге», в конце концов, покинут сцену — а это так или иначе скоро произойдёт, — в наследство они оставят, помимо миллионов преждевременных смертей, «социальную проблему № 1» — все-российскую бедность. На заре нового тысячелетия почти половина граждан России живёт за официальной чертой бедности (примерно 40 долларов в месяц) и ещё 25–30% не поднимаются выше этой черты. (Трагедия эта не только российская: в бывших советских республиках число людей, проживающих в бедности, возросло с 14 млн. в 1989 г. до 147 млн. в 1998 г., ещё до финансового кризиса) (97). Такое падение уровня жизни является беспрецедентным для мирного времени.

И это по сути единственный «переход», имевший место в посткоммунистической России. Да, бедность существовала и в Советской России, как не устают напоминать нам апологеты крестового похода, но никогда ещё в новейшее время это явление не носило такой масштабный, такой глубокий, такой отчаянный характер. И, что особенно важно с политической точки зрения, никогда оно не сопровождалось такой неприкрытой коррупцией во всех эшелонах власти и таким размахом нечестного обогащения. Эта катастрофическая реальность и есть сегодня главный контекст для правдивого журнализма, значимого научного анализа и человеческой политики — неважно, русских или американских.

Но хотя авторитетные отчёты один за другим живописуют масштабы российского обнищания и его чудовищные последствия для населения, американские чиновники, учёные и наблюдатели до сих пор либо не видят этого явления, либо не хотят видеть (98). Когда в конце 90-х гг. надежда на «сельцинские реформы» в Америке начала трещать по швам, причиной тому стали отнюдь не страдания русского народа, а кремлёвский дефолт в отношении западных кредитов и сообщения в прессе об отмывании российскими олигархами и чиновниками своих миллионов в американских банках.

В большинстве стенаний на тему «Кто потерял, или проиграл Россию?» речь шла вовсе не о 100 млн. россиян, лишившихся нормальной жизни, а лишь об утраченных американцами инвестициях, займах и репутациях (99).

Но если американцы безразличны к судьбе нищающего российского большинства, то этого нельзя сказать об их отношении к российским олигархам, «приватизировавшим» богатейшие государственные ресурсы и нажившим на них миллионные состояния. Даже бывший главный экономист Всемирного банка почти убеждён, что экономическое возрождение России невозможно без частичной возвратной национализации, особенно жизненно важных национальных ресурсов. Но когда в середине 2000 г. Путин начал наступление на олигархов за передел собственности, уход от налогов и нелегальный вывоз капитала за рубеж (75% опрошенных россиян одобрили эту политику Путина), «Washington Post» и «Wall Street Journal» строго указали ему на невозможность «возвращения к приватизационным сделкам» и нецелесообразность «противостояния» с олигархами (100). Редакторы американских газет и потенциальные инвесторы всегда ратовали за «господство закона» в России, но в этом случае они фактически выступили за полный иммунитет для крупнейших клептократов XX века.

В самом деле, начиная с середины 2000 г., американские журналисты, инвесторы и даже некоторые учёные старались оправдать и обелить «во многом несправедливо оклеветанных» клептократов. Для многих честных российских граждан, действительно преданных демократии, «олигархи олицетворяют неправомерный, криминальный характер ельцинского режима». Однако в наиболее влиятельных американских газетах их даже в кавычках уже не называют «олигархами», а на чистом американском языке именуют «магнатами»^{*} и «ведущими российскими бизнесменами» (101).

^{*} В американской прессе употребляются более разнообразные понятия: *tycoons*, *moguls*, *magnates*, не имеющие точных аналогов в русском языке. (Прим. перев.)

Возьмём Бориса Березовского, возможно, самого отъявленного российского клептократа, о котором даже Джордж Сорос, бывший когда-то его доверенным лицом в США, говорил, что тот способен на убийство. В сентябре и октябре 2000 г. «New York Times» и «Washington Post» предоставили Березовскому свои престижные первые страницы, на которых он изобразил себя жертвой режима, политическим диссидентом уровня Сахарова и был представлен редакцией просто как «русский промышленник», занимавший «несколько постов в правительстве Ельцина». Принстонский историк придал веса этой версии. По его мнению, неверно понятый Березовский на самом деле является «специалистом по информации», человеком «острого ума и... замечательной коммуникабельности», достойным называться «гением» в США (102). Естественно, в отношении миллионов российских бедняков мы не найдём такого сочувствия. Им остается молчать и следовать за подобными «гениями».

Впрочем, факт того, что простые россияне переживают трудные времена, иногда удостоивается признания. Но и тогда ему находят оправдание типа мифа о молодёжи, которая безоговорочно поддерживает проводимые с американской помощью реформы и получает либо получит от них наибольшую выгоду (103). Люди до 40, а особенно до 30 лет якобы более одобрительно относятся к этой политике, чем более старшие поколения. Но, чтобы делать обобщения обо всех молодых россиянах или хотя бы большинстве из них, необходимо предположить, вопреки фактам и здравому смыслу, что молодые шахтёры, рабочие, солдаты, учителя, студенты, отцы и матери и есть те, кто получил наибольшую выгоду от реформ, и что им безразлична судьба их собственных родителей, дедушек и бабушек.

На самом деле, как показывают исследования, если «переход» продлится, перспектива для молодых россиян будет выглядеть безрадостно. Молодые рабочие, например, обгоняют по уровню бедности более старших. Что касается детей, то даже им, 6–15-летним, будущее рисуется в «тёмных, депрессивных тонах».

Почему – нетрудно понять. Многие общественные структуры, заботившиеся о здоровье и воспитании ребенка, сегодня исчезли. Даже если не брать во внимание сирот, бездомных и беспризорных детей, от 50 до 80% детей школьного возраста в России имеют недостатки физического и умственного развития. Получается, что в результате пресловутого «перехода» к лучшей жизни, «дети обнищают скорее, чем их родители» (104). Короче говоря, огромное большинство молодых россиян может оказаться недостаточно здорово, недостаточно образованно, недостаточно живуче, для того чтобы «получить выгоду».

Недаром один известный российский экономист (когда-то он был признан и на Западе, но недолго) предупреждал, что его страна превратилась в «зону катастроф». И даже умеренный националист убеждён, что «Россия сегодня в самом глубоком за всю свою историю кризисе» (105).

В свете всего этого, можно ли сомневаться, что для Америки давно настало время окончить крестовый поход, прекратить требовать от России, чтобы она «придерживалась курса», и начать думать, чем мы можем помочь этой измученной нации, а, значит, и нам самим?

Но для того, чтобы это произошло, вдохновители и вожди крестового похода или хотя бы некоторые из них должны признать его изначальную ошибочность и колоссальный провал в итоге – не ради покаяния, а потому что последующий за этим процесс переосмысления предполагает участие всех ведущих специалистов по России различных профессий. Впрочем, даже сегодня что-то не видно, что они горят желанием сделать это. После краха в 1998 г. московской псевдофинансовой системы последовавшая катастрофа в России и в русско-американских отношениях вызвала две основные реакции: одни американцы отрицали сам факт катастрофы, другие отрицали свою вину в этом.

Льстивая поддержка, которую поначалу оказала Путину администрация Клинтона, говорила о том, что официальный спонсор американского крестового похода намерен уйти

в январе 2001 г. в отставку, так и не признав поражения. Знающие люди в России, известные своими давними демократическими убеждениями, предупреждали, что внезапный приход к власти малоизвестного Путина больше смахивает на кремлёвский «переворот» или на безальтернативное советское голосование, нежели на результат честных выборов, и может способствовать возвышению бывшего КГБ. Однако американская администрация поспешила провозгласить Путина «одним из ведущих реформаторов», с которым Соединённые Штаты могут «делать бизнес». Путину быстро простили разрушенный в ходе «освободительной» кампании Грозный, а его победу на выборах в марте 2000 г. приветствовали как «подлинно демократический переход» (106). Чтобы оправдать провал своей политики в 90-е гг., администрация Клинтона была просто вынуждена сделать Путина своим «Ельциным XXI века».

С ещё более примечательным упорством отстаивают свои дискредитированные ценности другие участники американского крестового похода. Казалось бы, учёные и журналисты должны реагировать на факты. Но даже в 1999–2000 гг., т.е. спустя много времени после финансового кризиса 1998 г., корреспондент «Washington Post», например, полагал, что «Россия выглядит потрясающе», а другой продолжал восторгаться «великим российским переходом» и тем, что «русские осуществили многое из того, о чём мы просили». Как и чиновники клинтоновской администрации, журналисты сообщали, что Путин занял Кремль в результате «свободной передачи власти», и надеялись, что он продолжит «демократические и рыночные реформы, которые не сумел реализовать Ельцин». Как писал московский корреспондент «New York Times», бывший шеф КГБ демонстрирует не только «чёткое понимание проблем демократии», но и «внешне эмоциональную приверженность» к её построению. Так что, несмотря на некоторые досадные «популистские комментарии», делает вывод журналист, Путин мог бы протолкнуть «самые радикальные реформы» (107).

Итак, с помощью новых инвесторов, жаждущих новых прибылей, образ «российского перехода» в американской прессе обрёл второе рождение. Вновь заговорили о российском экономическом буме, который вот-вот начнется, если ещё не начался, и о её рынке, «лучшем из всех» развивающихся рынков.

«Русские по-прежнему верят в рыночную систему». Анатолий Чубайс, несмотря на все скандалы, связанные с его именем на родине, в том числе и из-за его преступного и «сталинистского» поведения во время новой чеченской войны 1999–2000 гг., в американской прессе остается героем либеральной реформы. Более того, его считают «крестным отцом» нового поколения «самых блестящих российских экономистов», вошедших в команду Путина, главный из которых – приверженец «шоковой терапии» Греф. По мнению журналистов, иностранные инвесторы особенно оптимистичны в отношении нового президента из-за его «страсти к порядку» и «некоторой доли авторитаризма, который России не повредит» (108) Учёные тоже оказались глухи к российским реалиям. В 1999 г., когда от «перехода» остались одни руины, учёные-экономисты продолжали утверждать, что «сделано гораздо больше, чем кто-либо мог предположить». А один аналитик превозносил «грандиозность ельцинских достижений», якобы позволяющих «осуществить надежды большинства россиян». Ещё дальше в смысле количества «хороших новостей» пошли один политолог, один историк и один экономист. «Первый в истории России демократический переход» привёл к власти Путина, который продемонстрировал «острое понимание исторического момента». Это создало «блестящие перспективы» для осуществления в России действительно «значимой реформы». Реформа по-прежнему мыслилась как «радикальная реформа» – основанная на американской помощи программа Чубайса, пользующаяся поддержкой на Западе (109).

Неугасимой оказалась вера в необходимость и справедливость американского крестового похода. Даже в конце 1999 г. редактор «New York Times Book Review», от которого во многом зависит, какой резонанс получают книги о России, заверял

читателей: «Мало кто в Западной Европе и США сомневается в необходимости обретения бывшим Советским Союзом западного облика». Единственная «проблема», добавлял он, состоит в том, как этого достигнуть. Человеком, который знает «как», оказался международный обозреватель той же газеты. Он предложил сделать бо́льшую ставку на «молодых россиян», для которых американцы должны разработать «ясную стратегию» (110).

У читателя эти «истинные верующие», чьи идейные убеждения выстояли под напором целой горы фактов, могут вызывать искреннюю симпатию и даже восхищение. Возможно, они – квинтэссенция американской нации, политические мечтатели типа «великого Гэтсби», верящие «в зелёный свет» и бесстрашно ведущие свои лодки против течения. А может, они – несчастные Дон Кихоты, не подозревающие, что российские ветряные мельницы, с которыми они сражаются, полны исторических чудовищ и ядерного оружия.

Затем, в 1998 г., выяснилось, что «истинные верующие» заблуждались, а теперь, как заметил один русский наблюдатель, «наступило коллективное прозрение» (111). Подобно тому, как это уже было после позорного окончания американской войны во Вьетнаме, так много учёных, политиков и прочих официальных лиц обрушилось с критикой на итоги крестового похода в Россию, что казалось, никакого «Вашингтонского согласия» не было и в помине.

Известно, что миссионерские усилия администрации Клинтона долгое время пользовались внушительной поддержкой обеих партий в Конгрессе. Так, ещё до избрания Клинтона президентом США Ельцин удостоился редкой чести – выступить с обращением к Конгрессу на его совместной сессии. Правда, позднее руководство республиканского комитета устроило слушания по вопросу «Кто потерял Россию?». Все кандидаты от республиканцев на президентский пост в 2000 г. дружно заявили, что не они. Их товарищи в Конгрессе подготовили пространный доклад, обвиняющий российскую политику демократического кандидата, хотя в своё время большинство из них

поддержало её. Развязались языки и у высокопоставленных чиновников администрации Клинтона, которые заявили, выйдя из тени, что знали о провалах всё и с самого начала. Как подытожил международный обозреватель, Россия оказалась «потеряна для конструктивного сотрудничества с Вашингтоном». (Остаётся только гадать, почему раньше он «верил» в Ельцина) Сходным образом подавался материал и в других газетах и журналах, также без всяких ссылок на изменения мнения (112).

Примеров тому множество. Влиятельная американская газета описывала «романтизм» и «утраченные иллюзии» в отношении России, но не свои собственные. Один бывший московский корреспондент представил «миф», созданный вокруг деятельности американских «шоковых терапевтов» и российских «радикальных реформаторов», но не указал, что он сам активно поддерживал эту деятельность. Другой корреспондент, известный своими оптимистическими публикациями, с сожалением признавал, что «желаемое выдавалось за действительное». Ещё один корреспондент резко изменил свою позицию в отношении ельцинской экономической политики с положительной на отрицательную и получил Пулитцеровскую премию. Главный редактор «Wall Street Journal» обвинил кандидата в президенты от Демократической партии в том, что тот был «бездумным лидером группы поддержки» для официальной политики – роль, которую в 90-е гг. играла и сама газета. Был среди «заговоривших» и экономист из Всемирного банка, выступивший с разоблачениями политики МВФ и своей собственной организации в отношении России (113).

Учёные тоже оказались подвержены амнезии. Профессор экономики из Колумбийского университета сокрушался по поводу непродуктивности российской «реальной экономики», разваленной ранее по его же совету, а затем, тоже «позабыв» отметить свой поворот на 90°, предложил пересмотреть всю концепцию «перехода», которую прежде поддерживал. Историк старшего поколения из университета Беркли проинформировал читателей, что «российский либеральный эксперимент провалился самым откровенным и неожиданным образом», но

не сообщил им ни того, что он был в числе самых ревностных сторонников его проведения, ни того, что для некоторых результат не был таким уж «неожиданным». Политолог Стэнфордского университета и фонда Карнеги вопрошал: «Что произошло? Почему так быстро? В чём была ошибка?», забывая, что ошибочным, прежде всего, был его собственный анализ событий в России (114).

Что произошло и в чём была ошибка – то есть причина полного провала американской политики по отношению к посткоммунистической России – до сих пор не всем ясно и не всеми осознано. Если отбросить все патологоанатомические копания и взаимные обвинения участников, фактически никто так и не признал публично, что американский крестовый поход вместе с его экономическими «условиями» изначально был неверно задуман и оттого обречён на поражение. Крестовый поход провалился, но увы – нельзя сказать, вслед за известным политическим деятелем, «что попытка превращения России в либеральную демократию окончена» (115).

Напротив, американская политическая элита и учёные авторитеты продолжают верить, что Соединённые Штаты несут «абсолютную ответственность за то, чтобы российский эксперимент с демократией вышел удачно» и что для этого необходимо «диктовать национальную экономическую политику» (116). Многие из них надеются, что вскорости будут иметь новую возможность «переделать бывший Советский Союз» с помощью «гораздо более радикальных реформ» и «самых жёстких условий», а также с помощью России, которая «будет придерживаться взятого курса». Вот почему после избрания Путина президентом в марте 2000 г. МВФ и другие миссионеры поспешили возобновить свои связи с Москвой в ожидании «второй попытки» (117).

Но если дело было «не в том, что мы не справились с Россией», как настойчиво подчёркивал один академический авторитет, как же тогда объяснить провалы американской политики? Можно признать и твердить это как заклинание: «Россия никогда не была нашей, поэтому мы её и не теряли». Но,

несмотря на всю правдивость, это будет всё же слишком запоздалое признание: предпосылкой крестового похода было именно то, что Россию всегда считали «нашей», что брались её переделывать и удерживать от «собственных противоречивых замыслов».

А можно, что и делается на самом деле, обвинять в происшедшем всех и вся. Одни миссионеры обвиняют клинтоновскую администрацию и МВФ, которые якобы плохо проводили политику; другие возлагают ответственность на Ельцина и его министров, проявивших нерешительность; третьи винят российский парламент, а четвёртые – простых россиян, оказавшихся слишком «непонятливыми». (Как заявил один эксперт, «русские умудряются испортить всё, к чему прикасаются, даже такие простые и здоровые вещи, как голосование и делание денег») (119). Но больше всего винили «наследие 70-летнего коммунистического правления», как будто бы в 1992 г. предстоящая российская история была неизвестна, или её можно использовать без разбора для объяснения всех провалов американской политики (120)

Сам же крестовый поход избежал даже порицания. Мало того, самые ревностные миссионеры – чиновники, учёные, журналисты – ныне в чести и продолжают делать успешную карьеру, в то время как катастрофические последствия их миссионерской деятельности становятся всё заметнее. В 1999 г., к примеру, заместитель главы американского казначейства, который курировал американскую политику по отношению к России, получил высший пост, а его бывший начальник, на глазах которого десятки миллионов россиян оказались в нищете, благополучно переместился в частный сектор, гарантирующий ему минимум 30 млн. долларов только за первые два года. Гарвардский специалист по «шоковой терапии», объявленный в федеральный розыск и преследуемый американским правительством в 2000 г. за финансовые махинации в Москве, был награждён «самой престижной премией по экономике, не считая Нобелевской». Журналист, неверно освещавший события в своих репортажах, получил Пулитцеровскую премию.

Даже обвинённый в коррупции бывший российский премьер-министр Виктор Черномырдин до сих пор пользуется признанием в США (121).

Так почему же «самые фундаментальные, основополагающие вопросы», как вопрошает критик американской политики, остаются без ответа? (122). Это большая загадка ещё и потому, что некоторые из этих вопросов, пусть мимолётно, но поднимались в самых высоких кругах. В 1997 г. Алан Гринспан, председатель Федерального резервного собрания, высказал сомнение в возможности «автоматически создать систему свободного рыночного предпринимательства» в посткоммунистической России. Газета «Washington Post», долгое время поддерживавшая крестовый поход, сразу после финансового краха 1998 г. внезапно призналась: «Мы полагали, что знаем, как коммунистическая страна может превратиться в капиталистическую... Многое нужно переосмыслить». Такая же реакция была и у главы американской торговой палаты в Москве: «Мы все верили в процесс реформ, но, оказывается, мы ошибались» (123).

Почему сомнения не пошли дальше этого? Почему не произошло по-настоящему глубокое переосмысление того, что случилось? У бывшего высокопоставленного российского чиновника, занимавшего ряд постов в ельцинских кабинетах, на этот счёт своё, циничное, объяснение: «МВФ прикидывался, что видит реформы, Россия прикидывалась, что их проводит» (124) Этот ответ многое говорит о поведении самого автора, но большинство американских миссионеров были истинными верующими, чуждыми цинизма. Другой ответ предложил критик американской политики, процитированный выше. Он полагает, что причина могла быть в «отсутствии интеллектуальной честности» (125), но это, в свою очередь, требует пояснения.

Частично это можно объяснить коллективной памятью об эпохе маккартизма. (А как ещё можно объяснить заголовки в американских газетах типа «Красная тревога» или «Красная

угроза», когда на выборах 1996 г. возникла реальная возможность победы коммунистического кандидата? Или определение «одиозный», данное коммунистическому кандидату молодым американским учёным, притом, что олигарх Березовский у него подобных чувств не вызывал?) (126).

На протяжении всех 90-х гг. американский крестовый поход и всецелая поддержка Ельцина и ельцинизма выглядели или подавались как единственная альтернатива «угрозе возвращения коммунистов» в России. Никакая другая некоммунистическая альтернатива, по свидетельству бывшего участника событий, «даже не рассматривалась» (127). А большинство американских специалистов по России просто не могло себе представить иную альтернативу. Когда в конце 1998 г. Белый дом и МВФ спросили некоторых из них, есть ли у них новые идеи относительно России, таковых не нашлось. А в 2000 г. антикоммунизм был выдвинут в качестве первоочередной причины для поддержки бывшего офицера КГБ Путина (128).

У многих специалистов по России это могло вызвать законное беспокойство, что, критикуя базовую предпосылку американской политики, они рискуют быть обвинёнными в симпатии к коммунизму или, как принято говорить сегодня, в «ностальгии по Советскому Союзу». Возможно, читателя это удивит, но такие вещи до сих пор случаются. В последние годы я лично был свидетелем подобной порочной политической практики в своей профессиональной области, журналисты – в своей, и даже бывший главный экономист Всемирного банка наблюдал подобные вещи в своей: «С точки зрения сторонников этой практики «холодной войны», те, кто проявлял симпатию к переходным формам, так или иначе связанным с коммунистическим прошлым, сами оказывались виновными в “коммунистических симпатиях”» (129).

С другой стороны, этот фактор не нужно преувеличивать, особенно в свете «крамольных» вопросов, сформулированных в 1999 г. в «New York Times Magazine» одним британским журналистом: «Действительно ли президент, которого мы на Западе поддерживали, чествовали, славил, оказался хуже

коммунистов, которых мы помогли ему победить? Действительно ли рыночные реформы, которые мы продвигали и помогали оплачивать, были настолько непродуктивны, что с нашей помощью было создано государство-монстр типа Франкенштейна, которое не смогло перестроиться с методов постепенного реформизма 80-х гг. на «шоковую терапию», невыносимую для любой страны?» (130). Сам автор, обладавший безупречным статусом в высоких политических и финансовых кругах, ушёл от ответа. Но если в его вопросах убрать вопросительные знаки, то это будет звучать, как эпитафия американскому крестовому походу и, в некоторой степени, как реабилитация оклеветанных реформ Горбачёва.

Однако для того чтобы объяснить почти полное отсутствие конструктивной критики в адрес провалившегося крестового похода, по крайней мере, с американской стороны, нужны дополнительные аргументы. Возможно, их стоит поискать в природе тех профессий, которые оказались наиболее замешаны в российских делах: ни одна из них не отличается самокритичностью. У американских политиков и чиновников, как мы знаем, аллергия на самокритику, что подтверждается почти полным отсутствием в современной американской истории случаев отставки из правительства по принципиальным соображениям. Даже меньшие степени несогласия им несвойственны. «Вашингтонские политики, – считает один информированный наблюдатель, – фактически *никогда* не выражают своё мнение так, как это могло бы обидеть людей» (131).

Сильные конформистские привычки были свойственны и большинству учёных и журналистов. Но если учёные предпочитали консенсус и даже ортодоксию разногласию, то журналисты, как выразился один из них, были привержены «групповому мышлению» и «видели мир через призму стандартных шаблонов» (132). «Шаблоны» для России представители обеих профессий черпали в течение десятилетий – достаточно вспомнить Липмана и Мерца – из американской политики. Так было во время длительной «холодной войны» с Советской Россией и снова – во время десятилетнего крестового похода в посткоммунистическую Россию.

Уйти от «стандартных шаблонов» для них означает необходимость не только разобраться в себе, в своих мыслях, но и оглянуться назад, что также не свойственно обеим профессиям. В практике журнализма редко можно встретить признание ошибочности того или иного репортажа, анализа событий или редакторского мнения. Как сожалел по этому поводу один известный обозреватель, «места не хватает, чтобы оглядываться назад» (133). Учёные, хотя иногда и вынуждены оглядываться назад в своей работе, но делают это нечасто или слишком резко для той политически-деликатной области знания, которую представляет собой россиеведение.

В конце 90-х гг. несколько журналистов и учёных взялись переосмыслить представления об американской политике и посткоммунистической России. Обозреватель «Washington Post» охарактеризовал политику крестового похода как «реформы до руин», хотя и продолжал верить в необходимость помощи русским. Его коллега из «New York Times» пошёл чуть дальше: «Мы должны отбросить эту политику. Для подлинной реформы мы сделали больше плохого, чем хорошего» (134). Некоторые учёные тоже переосмыслили свою прежнюю позицию. «Мы ошибались», – заявил один, а другой объяснил, почему: «Начиная с 1991 г., мы видели российскую действительность сквозь идеологические линзы». А один молодой ученый даже признался: «Наше представление о больном было глубоко неверным» (135).

Но все эти примеры по-прежнему остаются исключениями. Их явно недостаточно, для того чтобы сказать всю правду о крестовом походе, а именно: США не имеют права так глубоко вмешиваться во внутренние дела России, а по сути – в её судьбу. Любая попытка сделать это будет заведомо обречена на отрицательные, даже губительные результаты, как это и случилось в 90-е гг. Мы пережили десятилетие опрометчивой и непродуманной политики США по отношению к первой ядерной стране в истории, волей обстоятельств оказавшейся ввергнутой в политическую, экономическую и социальную нестабильность. Времени для фундаментальной смены курса

остаётся всё меньше. Для того чтобы не оказаться в смертельном тупике, потребуется проявить то, что русские называют «гражданским мужеством». То есть, повторим ещё раз, инициаторы американского крестового похода и главные миссионеры должны признать, что они были неправы, и почему неправы. В демократической Америке политическая цена подобного мужества невысока, не то что в коммунистической России, где, тем не менее, многие люди были готовы её платить (136).

И этот ценностный контраст продолжает сохраняться. Как только вопрос «Кто виноват?» перерос в требование расправы с виновными, цена гражданского мужества в России опять начала расти. И опять появились русские, готовые, в отличие от американцев, пойти на этот риск. Теоретикам, практикам и адвокатам американской политики по отношению к России стоило бы принять во внимание отчаянный одного молодого российского политика. Не так давно и он, и его партия поддерживали Ельцина и его оплачиваемые американцами «радикальные реформы». Но в конце 90-х гг. он выдвинул «обвинение всем героям этой эпохи», включая себя самого и свою партию. Вот что он заявил: «Имена как правых, так и левых навечно останутся в списке тех, кто привёл к тому, что от России остались одни руины. Сегодня у нас ещё есть шанс признать свои ошибки, извлечь правильные уроки из того, что произошло со страной. Если мы не сделаем этого, это сделает народ; если народ не сделает этого, это сделает история; если история не сделает этого, это сделает Бог» (137).

Часть II

Американский
крестовый поход
и посткоммунистическая
Россия:
безумие и трагедия
1992—2000 гг.

Ибо глупцы спешат туда,
куда и ангелы ступить боятся.

*Александр Поуп,
английский поэт,
XVIII век.*

Вашингтон и другие столицы
[западных государств]
имеют свой огромный интерес
в написании истории
ельцинской эпохи,
начавшейся в Москве.

*Джим Хогланд,
«Washington Post» (1)*

Журналисты любят повторять, что их работа – это «первый, черновой набросок истории». Освещение американской прессы событий 90-х гг. в России, как мы видим, не тянет даже на черновик. В этой части книги я хотел бы представить альтернативный вариант изложения этого периода истории, складывающийся из девяти статей и одного интервью, опубликованных мною в одном еженедельнике и двух газетах. Две статьи были написаны для показаний в Конгрессе, остальные явились реакцией на текущие события (2). Выстроенные в хронологическом порядке, они образуют своеобразную аналитическую летопись событий в посткоммунистической России в контексте американской политики.

Все статьи и интервью даны здесь в том виде, как они впервые были опубликованы, за исключением постскриптов к каждой из них, данных 2000 г., дополнявших последний сюжет, и небольших исправлений. Текст одной статьи, сокращённый редакцией газеты, здесь приводится в полном виде, а в другую добавлены несколько строчек из статьи, опубликованной в то же время, но не вошедшей в состав книги (3). Я также

убрал некоторые отступления от основной темы, не представляющие интереса, и вставил отдельные слова и даты, чтобы конкретизировать тот или иной период. Многие статьи были написаны примерно тремя неделями раньше даты их публикации в прессе (даты приводятся в конце статей).

Эта часть книги преследует ещё одну цель. Американские учёные и другие комментаторы, не сумевшие правильно оценить посткоммунистические события 90-х гг., обычно объясняют свою неудачу тем, что, как выразился один известный историк, никто не ожидал, что Россия окажется сегодня в таком тупике. А один ведущий экономист, оглядываясь назад на события «переходного» периода, заявил: «Россия всем нам преподнесла сюрприз... И оптимисты, и пессимисты могли найти в ней подтверждение своих былых предположений, но оказались озадачены, в той или иной степени.» Или, как более кратко выразился один журналист, «все оказались неправы» (4).

Подобные утверждения не только грешили против истины, но и уводили в сторону от полноценной дискуссии на тему, что произошло в России и в чём была ошибка Америки. Они, как минимум, не учитывали и, значит, исключали аргументы, приводимые теми немногочисленными учеными (в том числе, мной), которые не поддерживали американскую политику и предупреждали о её возможных губительных последствиях. Среди них, например, были несколько экономистов иной, нероссийской специализации (5). (Вообще, следует отметить, что у администрации Клинтона всегда было достаточно критиков – даже тогда, когда это ещё не было модным – причём в основном среди консерваторов) (6).

Была и ещё одна важная вещь. Утверждать, что никто не понимает посткоммунистическую Россию, значит – возвращаться к старому и сегодня как никогда более опасному представлению, будто бы Россия, коммунистическая или любая другая, настолько ненормальна, что просто не доступна пониманию. Это идёт от высокомерия первых крестоносцев начала 90-х гг., уверенных, что они знают о России всё, и не желающих ничему учиться. С политической точки зрения, это значит

сводить огромную мировую державу с ядерным потенциалом до положения аномальной зоны, которую можно только изолировать и сдерживать

Отсюда – возрождение неудачного афоризма Уинстона Черчилля о том, что Россия – это «загадка, окутанная тайной и покрытая мраком», и распространившееся мнение о «пагубности» этой страны для американской политики и начинаний. Так, для одного весьма интеллектуального западного журнала, Россия превратилась в «странную страну, возможно, уникально странную страну». Даже администрация Клинтона, в полном несоответствии со своими миссионерскими задачами, согласилась с той банальной глупостью, написанной поэтом XIX-го века, которую очень любят повторять сентиментальные российские интеллектуалы и их сторонники на Западе: «Умом Россию не понять... В Россию можно только верить» (7). Всё это не просто неверно: отказ от разумного объяснения событий в мире, который углубляющийся российский распад делает всё более опасным, чреват непредсказуемыми последствиями.

Представленные ниже публикации, как и работы некоторых моих коллег, свидетельствуют, что Россию можно понять умом и, соответственно, умно к ней подойти. Для этого не нужно ни особых мозговых усилий, ни какой-то особой методологии или теории – только желание отбросить предрассудки и узнать как можно больше о российском прошлом и настоящем. Однако, учитывая то, насколько мои предположения, в конце концов, оказались правильными, я предпочёл бы ошибаться.

ЧТО ЖЕ НА САМОМ ДЕЛЕ ПРОИСХОДИТ В РОССИИ?

Март 1992 г.

Вопрос: *Традиционный разрыв между советской реальностью и восприятием этой реальности американскими средствами массовой информации был постоянной темой Вашей рубрики «Sovieticus» в «The Nation» в 80-е гг. Вы недавно вернулись из посткоммунистической России. Учитывая все изменения, произошедшие в бывшем Советском Союзе и конец советской цензуры, исчез ли этот разрыв?*

Стивен Коэн: Сегодня мы имеем гораздо больше информации о советских и особенно российских делах, чем мы имели до прихода в 1985 г. к власти Михаила Горбачёва. Улучшилось и американское освещение событий: оно стало менее примитивным и более подробным. Но в наших средствах массовой информации (особенно в том, что касается комментария) и в нашей политике возникло много новых стереотипов, мифов и ошибочных концепций. И хотя они полностью противоположны ошибкам и мифам «холодной войны», они также больше способствуют запутыванию, чем прояснению ситуации. И так же, как в годы «холодной войны» это может затруднить организацию полноценной, объективной, основанной на фактах, а не на эмоциях, дискуссии о России в сегодняшних Соединённых Штатах.

Главной проблемой, как обычно, является американская привычка рассматривать Россию через призму собственной идеологии: находить только то, что ищешь, и искать только то, что устраивает. В течение десятилетий это были чуждые нам «коммунизм» и «тоталитаризм». Теперь это «рыночная демо-

кратия» и «гражданское общество» американского типа. Многие комментаторы и некоторые корреспонденты выступают больше не как журналисты, а как группа поддержки «рыночного капитализма», который они не в состоянии отличить от коррумпированного «чёрного рынка».

Часть из них основывает свои оценки на мнении московских демократов, которых вряд ли можно считать полностью объективным источником и чьи радикальные взгляды могут быть не менее саморазрушительны, чем взгляды дореволюционной интеллигенции. Внесли свою лепту и наши именитые профессора. Один историк из Беркли заявил в «New Republic», что мы не должны требовать от Бориса Ельцина соблюдения самых высоких демократических стандартов; достаточно того, что он пытается делать много хорошего. Ельцин, безусловно, заслуживает нашей поддержки, но разве американские апологеты большевиков и самого Сталина не выдвигали в своё время подобных аргументов?

Каждый из нас имеет право надеяться, что Россия станет такой, какой, мы считаем, она должна быть. Но идеологические перспективы американских правых и левых не должны усложнять и без того предельно сложную историю и политику этой страны. Тем самым они способны лишь навредить нашей собственной политике в отношении России.

Вопрос: *Вы говорите о новых мифах, связанных с Россией. Приведите пример.*

Стивен Козн: Мифы — это не всегда полная выдумка. Обычно берётся какая-то часть правды и раздувается до невообразимых размеров — так, что она заслоняет, затеняет другие, не менее правдивые аспекты. Возьмём, например, расхожее утверждение, что «гражданское общество», тяготеющее к демократической рыночной системе, едва возникнув, стало движущей силой российской политической жизни и даже предотвратило попытку государственного переворота и отстранения Горбачёва в августе 1991 г. Для многих наблюдателей, считающих себя и свой

образ мыслей нормальными, учёных, журналистов, демократических активистов – это представляется новой ортодоксией. Раньше всё приписывали «кремлёвскому тоталитаризму»; теперь появилось новое, но столь же экстремистское и упрощённое объяснение.

Понятие «гражданского общества» в этом контексте вообще нельзя считать сколько-нибудь значимым и полезным. Взятое из истории западной демократии, оно представляет собой ещё одну попытку втиснуть российские традиции и реалии в нашу идеологическую конструкцию. Действительно, идея гражданского общества является больше философской, чем социологической, поскольку считается безусловно демократической. Но если это так, как тогда объяснить феномен нацистской Германии с её разновидностью гражданского общества? С другой стороны, это обобщающее понятие вряд ли может иметь практический смысл для 150-миллионного населения России. Опросы общественного мнения показывают, что огромное большинство россиян не понимает или не желает рынка и демократии. Более того, некоторые российские социологи обеспокоены тем, что значительная часть их страны больше напоминает «люмпенское общество», то есть полную противоположность гражданскому. Так или иначе, объяснять всё, исходя из законов и терминологии гражданского общества, было бы принципиально неверно. Несколько сот тысяч россиян, возможно, действительно активно противостояли августовскому путчу 1991 г.; остальные же оставались пассивными либо хранили молчание.

Мифы, популяризации которых во многом способствовал провалившийся путч, остающийся во многих отношениях загадкой, имели бы меньшее значение, если бы не были замешаны на правде. Борьба за рынок и демократию действительно является частью сегодняшней политической истории России, но началась эта сага ещё до путча, при Горбачёве, а не при Ельцине.

Рассмотрим теперь два других важных процесса.

Лидеры большинства бывших советских республик, особенно России, призывают сегодня к радикальным политиче-

ским и экономическим реформам во имя интересов общества. Даже если отбросить тот факт, что большинство этих заявлений могло быть сделано в надежде получить помощь США, сами эти лидеры – бывшие партийные функционеры, члены советской элиты, расколовшейся при Горбачёве. Сегодня они все вовлечены в яростную борьбу за собственность и власть, прежде находившиеся под контролем советского государства: промышленные предприятия, землю, банки, магазины, телевизионные каналы, издательства, жильё, транспорт и, разумеется, военную собственность. Подобно вчерашним марксистам, нынешние антикоммунисты понимают, что собственность есть власть, поэтому борьба разгорается повсеместно, от столиц до провинций. Некоторые из этих людей, возможно, даже многие, искренне верят в рынок и демократию. Но было бы глупо не замечать при этом начавшейся с конца 1991 г. политики конфискации, грозным эхом напомнившей об экспроприациях советской эпохи. Иначе трудно будет объяснить возрождение некоторых авторитарных традиций в бывших советских республиках, руководство которых, в том числе ельцинское, очень хочет казаться демократическим.

Второй процесс тесно связан с первым. Наше внимание традиционно приковано к московскому правительству Ельцина. Но в России и в некоторых других бывших советских республиках реальная власть в значительной мере переместилась из столицы в провинцию. Процесс этот начался ещё при Горбачёве, как следствие ослабления центральной политической власти и возрастания роли местных выборов и местных выборных органов. Сегодня этот процесс во многом подстегивается и углубляется экономической ситуацией. Нехватка товаров и развал системы распределения дали огромную власть в руки производителям. Крупные государственные предприятия – промышленные и сельскохозяйственные – до сих пор управляются представителями старой номенклатуры и расположены они в основном в провинции. Ни Ельцин, ни кто-либо ещё из московских лидеров не могут сегодня управлять Россией, тем более – реформировать её без поддержки (хотя бы молчаливой)

со стороны этой влиятельной провинциальной элиты. Реальная власть — производство и поставки товаров — находится в их руках. К примеру, они могут обречь на голод крупные города, являющиеся бастионами какой никакой существующей демократии, расплачиваясь друг с другом по бартеру. Многие представители этой экономической элиты стремятся «приватизировать» свои предприятия, чтобы получить более полный и непосредственный контроль над ними, но разве это имеет отношение к реальной маркетизации? Многие из них ныне прикидываются антикоммунистами, но разве это делает их демократами? А как насчёт тесных связей с местным военным командованием? Как бы то ни было, пока наши дипломаты и журналисты ищут будущее России в Москве, оно решается в большой степени, в обширной и далёкой провинции.

Вопрос: *Для человека, который всегда утверждал, что в советской системе возможны фундаментальные изменения, Вы не кажетесь вдохновленным от вида произошедших драматических перемен.*

Стивен Коэн: Хотя в 70-е — начале 80-х гг. среди учёных и журналистов преобладал пессимизм в этом вопросе, было нетрудно понять, что в советской системе грядут, в конце концов, большие перемены. В истории и политике нет ничего неизменного, и факторы, говорящие в пользу реформ, были уже тогда заметны. Гораздо труднее сегодня понять, что действительно изменилось безвозвратно, а что нет, что ушло, а что осталось. Возьмём, к примеру, утверждение, ставшее настолько аксиоматичным, что вряд ли кто-нибудь возьмётся оспаривать его: «Советская система рухнула».

Да, безусловно, это так, с одной стороны. Но с другой, не менее важной, это не так. Советская система у нас долгие годы ошибочно приравнивалась к коммунистической партии, а коммунизм — к «советизму», если это можно так назвать. Партия была очень важной частью этой системы, но далеко не всей системой. Например, партия контролировала государство, но

уже государство – «административно-командная система», как её называют, – контролировало общество, по меньшей мере, экономику. Так что же произошло? Компартия реально утратила свою монополию в политике ещё в 1989 г. (в этом важнейшем отношении созданную Лениным систему можно считать распавшейся ещё в результате горбачёвских реформ), но государственная администрация продолжала функционировать. Попытка переворота в 1991 г. привела к окончательному краху партии, но потерпела ли крах советская государственная система? Поверхностные изменения, сколь бы драматичны они ни были, не должны вводить нас в заблуждение. Многие связи в этой системе порвались, особенно те, что соединяли Россию с бывшими республиками, и те, что обеспечивали единое экономическое распределение. Множество городов, улиц, учреждений сменили свои названия.

Но давайте посмотрим теперь, что сохранилось. Экономика России, по крайней мере, на 95% продолжает оставаться в руках государства. Новые элиты не возникли. На региональном и местном уровне старое руководство сохранило, по большей части, свои позиции, лишь сменив членство в партии на должности в других властных структурах. Классовые отношения тоже остались прежними. Зарождающийся класс предпринимателей остается слабым и численно незначительным. Многие стереотипы общественного мнения тоже, по всей видимости, не претерпели существенных изменений. Большинство граждан продолжает надеяться на государство, дающее им социальные гарантии от рождения до смерти, что было определяющей чертой позднего советского коммунизма.

Всё вышесказанное приводит к выводу, что никакой новой революции в России не произошло, несмотря на всю «модность» темы. И если мы зададим более актуальный вопрос: о перспективах дальнейших реформ в рамках этой системы, вновь встанет проблема, которую не сумел одолеть Горбачёв и которая одолела его, – как на деле осуществлять маркизацию и демократизацию системы, в которой значительная часть местного чиновничества, превратившегося за десятилетия

в замкнутую касту политических, экономических и военных властителей, противостоит населению в целом? Я думаю, сделать это можно, но не просто и не скоро.

Здесь мы подходим к более сущностному вопросу. Были коммунизм (или советизм) действительно чем-то чуждым и навязанным России сверху, как настаивают сегодня многие западные и российские комментаторы? Если да, то мы вправе надеяться на быстрый скачок из прошлого. И мы можем поверить Ельцину, когда он говорит, что он президент «другой страны». Но если советский коммунизм в значительной (и значимой) степени вырос из российских авторитарных традиций и явился их логическим продолжением, – а я склонен думать, что это так – мы должны иметь в виду другую перспективу. Какие бы изменения в сторону модернизации и вестернизации с годами ни произошли, Россия не сумеет выпрыгнуть из своей кожи и уж точно не сумеет влезть в нашу.

Сомнения у меня вызывает и другое распространённое в прессе убеждение – о том, что Советский Союз был последним в своём роде. Да, Союз политически распался. Все пятнадцать бывших союзных республик объявили себя независимыми государствами. Некоторые из них добились дипломатического признания, другие делают шаги к созданию собственных армий и валют. Но и здесь мы вынуждены учитывать традиции и факторы, которые могут способствовать созданию нового союза из нескольких или даже большинства бывших республик.

Представьте себе, что эти «юнионистские» факторы – это как сети, опутывающие всю страну. Главная среди них, конечно, экономическая сеть, включая ЕЭС. Подавляющее большинство национальных промышленных предприятий не способно работать без связи со смежными предприятиями из других республик. Это также единая военная сеть. Несмотря на все претензии к военной собственности, советская армия продолжает нести службу в большинстве бывших республик и находится, в основном, под московским командованием. И, наконец, это человеческая сеть: 75 миллионов бывших советских

граждан, живущих за пределами своей этнической территории, в том числе 25 миллионов русских; миллионы межэтнических браков; миллионы людей, говорящих только по-русски, не будучи русскими, и миллионы русских, живущих за пределами России и не говорящих ни на одном другом языке. Неудивительно, что на недавнем референдуме в марте 1991 г. почти 77% населения проголосовало за сохранение Советского Союза.

Сегодня эти связующие нити, похоже, менее важны, чем националистическая политика новопровозглашённых государств, но попробуем забежать вперед. Большинство националистических лидеров – это бывшие коммунисты, вовлечённые в политическую борьбу у себя дома. Если их обращение в национализм не является ни полным, ни искренним, то как долго и продуктивно они смогут разыгрывать националистическую карту на пространстве, где веками доминировала Россия – и своими размерами, и своим влиянием? Ельцин, между тем, настойчиво заявляет, что имперский «Центр» перестал существовать вместе с советским правительством. Но Россия, или Москва, была центром Советского Союза. И советские министерства, правда, переименованные Ельциным в российские, продолжают существовать. Некоторые из них подверглись сокращению, другие – объединению, включая ведомства госбезопасности. Более того, русский национализм, сильнейший идеологический фактор сегодняшней московской жизни, явно не склонен сбрасывать со счетов 25 миллионов компатриотов, живущих за пределами России, или уступать без боя бывшую экономическую и военную собственность СССР, как это мы видим в дискуссии о вооружённых силах Украины.

Я не хочу сказать, что новый Советский Союз обязательно возникнет, я только утверждаю, что и в этой области больше хороших вопросов, чем ответов. И один из них – был ли прав Горбачёв, настойчиво считавший, что маркетизация и демократизация имели больше шансов на осуществление в реформированном Советском Союзе, нежели без Союза?

Вопрос: *Стало быть, Вы не испытываете большого доверия к Содружеству независимых государств, созданному в декабре 1991 г. после роспуска Советского Союза и правительства Горбачева?*

Стивен Коэн: Это хорошая идея, и мы должны были бы держаться за неё обеими руками. Но это бумажная идея, которая вряд ли способна преодолеть все те негативные обстоятельства, о которых я говорил раньше, от борьбы за собственность до продолжающих сохраняться союзных связей. На самом деле, республиканские лидеры, объединившиеся в Содружество, были движимы разными, даже противоречивыми целями. Часть из них надеялась, что это будет версия Союза, реформированного в духе предложений Горбачёва; другие видели в нём промежуточную станцию на пути к полной независимости. Неудивительно, что с момента подписания документа о создании СНГ мы видим в нём больше разногласий, чем согласия. Кроме того, невозможно создать государство или содружество государств в одночасье, просто декларируя его. Даже лучшие образцы подобных политических намерений потребовали десятилетий для их воплощения, а намерения, приведшие к созданию Содружества, были не всегда высшего политического порядка. В основе большей части этого процесса лежала цепь политических предательств. Министры Горбачёва – между прочим, представлявшие в основном государство, а не партию – предали его, устроив переворот в августе 1991 г. Вернувшись в Москву, Горбачёв поначалу достиг соглашения с Ельциным по ряду политических вопросов, но тот затем также предал его, а также руководителей неславянских республик, отправившись в декабре 1991 г. в Беларусь вместе с лидером Украины Леонидом Кравчуком, чтобы распустить Союз. Кравчук впоследствии предал Ельцина и российский Парламент, отказавшись соблюдать ряд военных и финансовых соглашений. И так далее. Спрашивается, что хорошего или прочного можно построить на предательстве?

Вопрос: *Большинство изменений, которые мы сегодня видим, есть результат почти семилетнего пребывания у власти Горбачёва. Будучи одним из немногих американских учёных, кто с самого начала верил в него как в истинного реформатора, как бы Вы могли сейчас оценить период его правления?*

Стивен Коэн: Это не так просто. Политические некрологи, ознаменовавшие отставку Горбачёва, очень различны. Западные комментаторы обычно признают, и справедливо, что роль, сыгранная им на международной сцене, обеспечила ему значительное и почётное место в истории. Окончание «холодной войны», освобождение Восточной Европы от коммунизма, объединение Германии и прекращение многолетней изоляции России от Запада, — за эти деяния он заслуживает уважения более, чем кто-либо другой. С другой стороны, многие люди, особенно в России, настаивают, что лидер, который привёл собственную страну к развалу, её экономику — к кризису, а свою партию — к краху, не может считаться успешным. Третьи пытаются найти равновесие: Горбачёв дал свободу, но отобрал колбасу.

Таким образом, необходимо учитывать множество факторов и последствий. И всё же полная научная оценка правления Горбачёва вряд ли будет возможна в ближайшие годы, и вот почему. Во-первых, советологи, долгие годы отрицавшие самую возможность изменений в советской системе, сегодня не имеют нужных критериев для определения степени успешности (или провала) подобных реформ. Во-вторых, Горбачёв попытался совершить нечто, действительно не виданное в истории: одновременный переход к демократии, рыночной экономике и реальному федерализму. Поэтому всякое сравнение с иными, менее грандиозными реформами в других странах может быть только относительным либо неверным. В-третьих, мы до сих пор не знаем, насколько свободен был Горбачёв в принятии решений в годы своего пребывания у власти, а значит, сколько неразумных решений вышло в эти годы непосредственно из-под его пера. Чтобы узнать это, нужны

воспоминания и архивы. И в-четвёртых, вполне возможно, что жизнь Горбачёва в политике продолжится, и эта его новая политическая жизнь изменит наши сегодняшние оценки.

Но самое главное, многое зависит от того, каково окажется будущее тех великих преобразований, толчок которым дал Горбачёв. Если Россия станет преимущественно демократическим государством с развитой рыночной экономикой, мирно сосуществующим с бывшими советскими республиками, историки смогут сказать, что Горбачёв был величайшим лидером XX века, давшим старт преобразованиям в своей величайшей стране. Но если Россия окунется в новый деспотизм, с воровской экономикой и имперской политикой по отношению к соседям, он, скорее всего, станет ещё одной трагической фигурой в историческом списке жертв неудавшихся реформ в России.

Вопрос: *Вполне справедливо. Но Вы, наверное, могли бы дать сегодня предварительную оценку.*

Стивен Коэн: Сегодня я оценил бы Горбачёва как одного из величайших реформаторов XX века и как величайшего реформатора в истории России. Противопоставив себя вековой российской и советской традиции, он взялся освободить свою страну от политического и экономического диктата государства и преуспел в этом гораздо больше, чем можно было представить. Между прочим, многие из тех, кто сегодня критикует внутренние реформы Горбачёва как недостаточно радикальные, это именно те люди, которые раньше вообще не верили в возможность реформ. Горбачёв, как никогда, приблизил Россию к реальному демократическому процессу. Он убедил даже влиятельные консервативные круги страны в необходимости существенной маркетизации и приватизации. А устранив ортодоксии, на которых держалась государственно-монополистическая экономика, он совершил подвиг, который принёс политический капитал будущим реформаторам. К тому же, Горбачёв был первым российским и советским лидером, кото-

рый предложил переговорный процесс в качестве основы для отношений между Российской империей и входящими в её состав нациями. При этом его деятельность не сопровождалась большим кровопролитием, что подтверждало его теорию о том, что радикальных целей можно достичь путём центристской тактики и консенсуса. И наконец, Горбачёв сумел достичь всего этого, несмотря на сильнейшее сопротивление оппозиционных сил. Поп-аналитики обвиняют его в том, что он-де двигался недостаточно быстро и решительно. Но о деятельности лидеров судят по тем препятствиям, с которыми им пришлось столкнуться. А горбачёвские реформы – от демонтажа политической и экономической системы до изменившихся отношений с США и вывода войск из Афганистана – столкнулись с активным сопротивлением, даже саботажем со стороны партийно-государственной верхушки.

Вопрос: *Вы ставите в заслугу Горбачеву прогресс на пути Советского Союза к демократии и полагаете, что будущее политическое развитие России способно оказать большое влияние на судьбу остальных республик. Каковы же перспективы демократии в России?*

Стивен Коэн: Шансы демократии в сегодняшней России всё ещё, как никогда, высоки. Но то, что они реализуются в ближайшем будущем, маловероятно. Мифология неудавшегося путча 1991 г. породила иллюзию, будто бы большие препятствия на пути демократии уже сметены. Да, некоторые антидемократические структуры были уничтожены или значительно ослаблены, но другие, как я уже говорил, сохранились. Неверно также полагать, что все антикоммунисты, называющие себя демократами, являются ими на самом деле (как я имел возможность убедиться на собственном опыте). К тому же, в России отсутствует масса аспектов, необходимых для функционирования демократии. Даже если не считать отсутствие рынка и демократической политической культуры, список «дефицита» всё равно получается длинным: законодательная

(парламент) и судебная власти, сравнимые по влиянию с традициями исполнительной; многопартийная система; регулярные выборы; независимая во всех отношениях общенациональная пресса и т.д. Даже реальной конституции у России пока ещё нет.

Но что ещё хуже, антидемократические тенденции в стране после неудачной попытки переворота стали нарастать. Это включает в себя не только ухудшение экономической ситуации – дефицит товаров, бешеный рост инфляции и безработица никогда не способствовали становлению демократии – но и другие, менее заметные факторы. Так, беспримерных масштабов достигла политизация армии. Это началось в 1989 г., когда Горбачёв был вынужден позволить офицерским активистам представлять армию в новом советском парламенте. Во время последней, решающей схватки между Горбачёвым и Ельциным в 1991 г. обоим пришлось прибегнуть к помощи военных. Ельцин победил тогда, благодаря обещанию бюджетных отчислений для армии, правда, весьма сомнительных. С той поры военные всё больше и больше увязали в политике. Недавно мы наблюдали их открытый выход на политическую сцену, когда в январе 1992 г. в Кремле состоялось собрание разгневанных офицеров – они были так близко от центра сцены! Не меньшую опасность представляли рискованные действия региональных командиров: в Прибалтике, например, где российские гарнизоны чувствовали себя особенно обездоленными; в Закавказье, где они могли оказаться втянутыми в гражданские войны; и в российской глубинке, где гарнизонное начальство являлось частью военно-промышленно-сельскохозяйственного комплекса. Даже если генералы не собирались брать власть, не следует забывать о полковниках и капитанах, которые были ближе к младшему офицерству и их бедственному положению.

Стоит обратить внимание и на другие антидемократические факторы. Прогрессивный консерватизм, впервые возникший в советских политических дебатах незадолго до путча, был им дискредитирован (на мой взгляд, несправедливо), а результатом стала ещё бо́льшая поляризация между теми,

кто называл себя радикальными демократами, и воинственными реакционерами, нашедшими новую опору в лице безработных коммунистических функционеров и обездоленных рабочих. Прибавьте сюда многочисленные «национально-патриотические» движения, одно из которых носит говорящее название «Наши». Русский национализм вполне мог бы носить либерально-демократический характер, но в нынешних условиях это трудно представить. Угрозу представляют чеченцы, татары и другие крупные нерусские меньшинства, жаждущие обрести бо́льшую самостоятельность в пределах Российской Федерации. А узколобый национализм, ещё одно наследие царизма

и сталинизма, подпитывается силами, настроенными резко против вестернизации, которая день ото дня становится всё более чрезмерной и примитивной. Достаточно взглянуть на всех этих бесчисленных западных советников, буквально наводнивших Россию, а также на государственное телевидение, заполненное импортными видеоклипами и мягким порно.

Вопрос: *Так Вы считаете, что Россия несколько не продвинулась на пути к демократии после провала путча и распада СССР?*

Стивен Коэн: Это зависит от того, что понимать под демократией. У России есть всенародно избранный президент и парламент. Это очень важно. Но в смысле процесса сегодня демократии меньше. Ельцин управляет страной по старой русской традиции, в основном, с помощью указов, а не на основе конституционного процесса или законодательной деятельности парламента. Некоторые из его указов вообще сомнительны, с точки зрения закона. Запрет политической партии и конфискация собственности, даже если это коммунистическая партия [которая находилась под запретом с августа 1991 г. по ноябрь 1992 г.] и советская собственность, не могут считаться демократическими прецедентами. В более широком смысле, сомнительной представляется и вся эта ельцинская кампания по

созданию «президентской власти», частью которой уже стали отсрочка региональных выборов в декабре 1991 г. и введение института полномочных представителей президента для контроля за положением дел в регионах. Подлинная российская демократизация должна двигаться в направлении политической децентрализации и создания представительного правления на всех уровнях. Ельцин же в своих действиях опирается, скорее, на царскую и советскую традицию централизации власти в Москве и навязывание её оттуда всей остальной стране.

Можно возразить, что эти меры необходимы для преодоления чрезвычайной ситуации и осуществления реформ. Действительно, часть из них, как говорят люди из окружения президента, носит всего лишь временный характер. Но тогда не нужно называть их демократическими; это только извращает и дискредитирует идею демократии в России. К тому же, не стоит забывать, что временные чрезвычайные меры в России имеют обыкновение превращаться в постоянные.

С другой стороны, я не разделяю широко распространённого мнения, зародившегося в Москве и подхваченного американскими средствами массовой информации, о том, что у России сегодня только один выбор — либо демократия, либо фашизм. И та, и другая возможность действительно существует, но между ними располагается широкий спектр авторитарных вариантов, которые кажутся более вероятными. Не склонен я разделять и другое распространённое мнение, тоже московского происхождения, о том, что растёт возмущение снизу и народ-де готов уже выйти на сцену. Возможность подобного развития событий очень мала; преувеличение есть результат до сих пор действующего заклатья 1917 года. Но Россия уже совсем не та страна, которой она была в 1917 г.

Вопрос: *Говоря о политическом классе, Вы упомянули растущую поляризацию. Значит ли это, что в стране нет единого мнения по поводу её будущего?*

Стивен Козн: Российская политика вращается вокруг двух вопросов: «Кто виноват?» и «Что делать?». Проблема сегодня

частично состоит как раз в том, что, не зная, что делать, многие люди слишком усиленно ищут ответ на вопрос, кто виноват. Здесь таится опасность развязывания новой «охоты на ведьм», чему немало способствуют призывы западных советников устроить суд над бывшими партийными функционерами — и это в стране, где 20 млн. человек были членами компартии.

Я думаю, Россия не сможет стать стабильным обществом, тем более, демократическим обществом, пока три основополагающих вопроса не будут решены на основе консенсуса. Во-первых, нужно ли отбрасывать всё созданное в советский период как негодное и даже преступное и опять всё начинать с нуля? Во-вторых, какая система больше подходит России: та, что имитирует западную модель, или та, что сочетает в себе западный опыт с российскими традициями и условиями? И в-третьих, с какой скоростью должна двигаться страна по пути преобразований? Прыжками, путём «шоковой терапии» или постепенно, шаг за шагом? (Отвечая на эти вопросы, важно понимать, что главная задача России на обозримое будущее состоит не в достижении товарного изобилия, как в США, а в ликвидации дефицита необходимого). Горбачёв всегда выступал за умеренный вариант решения этих вопросов. Опасность, присущая слишком радикальному подходу, который, похоже, сегодня преобладает, состоит в том, что Россия может оказаться объектом нового эксперимента, подобного большевистскому. Ни о стабильной, ни о демократической системе тогда не может быть и речи.

Вопрос: *Теперь, когда Ельцин дал старт реализации своей экономической программы, отпустив цены, что можно сказать о его подходе?*

Стивен Коэн: В экономической политике столкнулись две точки зрения: тех, кто стремится демонтировать государственную экономику и построить на её месте «свободный рынок», и тех, кто считает нужным соединить рыночную экономику с крупными фрагментами государственного сектора, — так сказать, шагать на двух ногах. В правительстве Ельцина есть

сторонники обоих подходов. Его нынешняя экономическая команда, во главе с Егором Гайдаром, исповедует радикальный подход и рыночную «шоковую терапию», а его вице-президент Александр Руцкой – сторонник политики горбачёвского типа. Руцкой, относительно молодой и весьма серьёзный политик, последнее время всё более тяготеет к национализму и критикует гайдаровскую команду за её «экономический геноцид». Будучи исключён из ближайшего окружения президента, он остаётся влиятельной фигурой на политической сцене.

Сам Ельцин поддерживает обе точки зрения. В политической области он явственно отвергает весь советский опыт и признаёт необходимость построения государства западного типа. А в экономической области он обещает частично сохранить государственную собственность и социальные гарантии, лежавшие в основе советского «социализма». Придя к власти на критике коммунизма, Ельцин сегодня, похоже, не видит достаточное количество аргументов в пользу его противоположности – капитализма. Если это так, то он, возможно, будет вынужден действовать всё менее демократически и делать всё больше дутых уступок общественному мнению в целях поддержания стабильности. В конце концов, возможно, он сформирует коалицию, объединившись с силами Руцкого.

Не вполне ясно, чего Ельцин надеется достигнуть, отпустив цены. (В Польше два года назад подобные меры привели к неоднозначным результатам) Ельцин говорит, что это вызовет трудности, но зато поможет произвести много товаров и будет способствовать широкой маркетизации. Он говорит, что цены и общая экономическая ситуация стабилизируются к концу 1992 г. Будем надеяться. Но Россия не Польша – маленькая мононациональная страна, где частное фермерство и зачатки рыночной инфраструктуры давно существовали. Между тем, ни существенной демонополизации, ни денационализации или приватизации промышленности, сельского хозяйства или хотя бы торговли в России пока не произошло. Процесс этот должен начаться в этом году, но не с производственного сектора, а, в первую очередь, с магазинов и жилья.

И никто не знает, будет ли недавно принятая земельная реформа работать в таких условиях, сможет ли она привести к созданию значительного слоя частных сельскохозяйственных производителей.

Конечно, отпуская цены, Ельцин вполне мог преследовать иные, менее афишируемые цели. Одна из них – отобрать у населения избыток денежных средств, срезать «рублевый навес», который экономисты называли инфляционным, но который состоял из средств, скопленных гражданами на жизнь. Другая возможная цель – сократить огромный дефицит государственного бюджета за счёт урезания дотаций на важнейшие потребительские товары. Ещё одна цель – убедить западные правительства и банки, что Ельцин следует их советам, и тем самым привлечь как можно больше иностранных капиталов в Россию и другой помощи. Однако трудно представить себе иной результат этой деятельности, кроме ещё более глубокого экономического и политического кризиса, возможно, уже в апреле этого года, учитывая, что люди были лишены (некоторые говорят, «ограблены») своих кровных сбережений и, возможно, работы. В худшем случае, подобные меры могли превратить в ничто и без того слабую базу реформы и привести к власти в Москве и провинции реакционные силы. В лучшем, они создали бы ситуацию, в которой Ельцин или любой другой лидер был бы просто вынужден, пока не поздно, попытаться реанимировать постепенный подход.

Вопрос: *Что должны или могли бы сделать Соединённые Штаты в связи со всеми этими изменениями в бывшем Советском Союзе? Есть ли у администрации Буша продуманная политика в отношении России?*

Стивен Коэн: Какая политика? Ничего более определённого, чем отчаянное стремление уберечь советский ядерный запас от детонации и пожелание всего наилучшего бывшим советским республикам. Мы претендуем на лидерство в международной программе экономической помощи, но даём при этом менее 7%

общей суммы, да и то, в основном, либо кредитами на покупку наших же сельскохозяйственных излишков, либо в долг, в то время, как европейцы дают более 75%. Мы обещали помочь России и другим республикам пережить особенно опасную в плане дестабилизации зиму, но вся наша помощь свелась к конференции по проблеме, состоявшейся в середине зимы. Обещанная в ноябре 1991 г. продовольственная помощь достигла советской территории только в начале февраля 1992 г. Мы даём массу «технических советов», но большинство из них весьма сомнительны. Между тем, мы поспешили признать независимость ряда республик, потому что посчитали провозглашение Содружества независимых государств актом развода, но это было всего лишь отделение. Теперь они сражаются за окончательное разрешение вопроса, а мы растрачиваем своё дипломатическое влияние.

Справедливости ради, следует признать, что это всё сложные вопросы и на них невозможно дать простые ответы. Администрация Буша имеет благие намерения, но будут ли совпадать с ними её действия? Во всяком случае, она не захотела оказать финансовую помощь Горбачёву, достаточную для того, чтобы предотвратить августовский путч. Но у администрации и людей вокруг неё могли быть и дурные намерения. Время от времени можно слышать, что США должны воспользоваться слабостью России, чтобы не дать ей стать вновь великой державой. Для этого необходимо, во-первых, не дать России восстановить своё влияние в бывших советских республиках, о чём предупреждает Генри Киссинджер, а во-вторых, навязать ей всеобщее одностороннее разоружение. Но великие державы не исчезают, а любой кризис не бесконечен. Если мы будем следовать всем этим глупым и опасным рекомендациям, что за Россия окажется перед нами в недалеком будущем?

Но ещё больше меня беспокоит одна единодушная идея, которой всё больше проникаются американские чиновники и общественные деятели, консерваторы и либералы. Идея эта состоит в том, что американская помощь России должна зави-

сеть от того, насколько точно она следует нашим экономическим и политическим советам. На практике это означает широкомасштабное американское присутствие в России, призванное помочь ей создать точную копию американской системы: экономических советников – в правительстве, советников по бизнесу – на предприятиях, политических консультантов – в партиях, специалистов по борьбе с коррупцией, по демонтажу вооружений и прочих. Короче, это означает большой крестовый поход во имя обращения России в нашу веру.

Вся эта политика миссионерства и вмешательства есть почти сплошная ошибка. Она подразумевает, что политическая, экономическая и социальная системы могут быть искусственно имплантированы, причём успешно, в иную, более старую цивилизацию; что мы можем мудро вмешаться в бурлящее противоборство российских идей и движений; и что, в конце концов, Россия будет нам за это благодарна. На деле же это означает, что мы публично привязываем себя к одной-единственной экстремальной программе – «рыночной шоковой терапии» – и должны будем нести ответственность за её болезненные социальные последствия. Не надо забывать, что политический маятник может качнуться в другую сторону. В России всегда были сильны антизападные настроения. Чрезмерная вестернизация не может не вызвать естественную реакцию протеста, и тогда на американцев будут смотреть как на носителей зла, «дикого» капитализма. А эксплуатация страны способна только углубить ненависть и направить её прямоком против нас. Так, возможно, планы администрации Буша «импортировать» русских учёных-ядерщиков и были продиктованы искренней заботой о предотвращении распространения ядерного оружия, но как должны отреагировать русские на утрату лучших умов?

Хотя подобная американская политика находит сегодня поддержку у многих россиян, не безразличных к судьбе своей страны, мы всё равно не имеем права, а также достаточной мудрости и силы, вмешиваться так глубоко и непосредственно в дела России. Посткоммунистическая Россия должна найти свой

собственный путь – или она никогда не обретет стабильность. Почему обязательно нужно думать, что третьего (четвёртого, пятого...) пути не существует? Запад начал с рынка и двигался по направлению к государственному регулированию и социальному обеспечению. Россия, наоборот, начинает с государственной экономики. Так пусть сама решает, в какую сторону ей идти! Где же наши хваленые демократизм и плюрализм?

Вопрос: *Так Вы считаете, что США должны сидеть сложа руки? Проводить политику легкого пренебрежения по отношению к России?*

Стивен Коэн: Я хочу, чтобы американская политика помощи российским реформам была гораздо более великодушной и гораздо менее эгоистичной, обусловленной и бесцеремонной. Сегодня многие силы в России признают необходимость маркетизации и приватизации. Разногласия возникают лишь по поводу того, как, как скоро и в каких размерах это нужно делать. И поскольку реформа признана основным направлением развития, при Ельцине или при других руководителях, давайте будем великодушно помогать издалека и позволим им самим решать. Многие русские экономисты понимают проблему гораздо лучше, чем блуждающие звезды из Гарварда, Стэнфорда, МВФ и других международных организаций, знающие мало или вообще ничего не знающие о России.

Соединённым Штатам следовало бы разработать план экономической помощи, сравнимый с планом Маршалла, но, увы, этого, по всей видимости, не случится. Учитывая наши собственные экономические проблемы и политические трудности 1992 г., года президентских выборов, у нас нет и не будет для этого необходимых условий. Но, всё равно, мы должны, как минимум, сделать несколько вещей и сделать немедленно, без ссылок на то, что помощь проваливается в «чёрные дыры» или идёт на «чёрный рынок», сделать ради нашей же национальной безопасности и национальной чести.

Нужно предоставить массовую гуманитарную помощь,

и не на одну зиму, а на несколько, тем гражданам, для которых маркетизация особенно страшна, — самым молодым и самым старым. Почему никто из наших прославленных политиков старшего поколения не организует дополнительную частную помощь, как это сделал Герберт Гувер в начале 20-х гг.? Необходима широкая долгосрочная низкопроцентная кредитная программа, для того чтобы Россия могла закупать за рубежом необходимые товары и технологии. Существующий долг России должен быть реструктуризован, выплата процентов по нему существенно отсрочена или даже прощена. Если западный частный капитал действительно играет важную роль в решении проблемы, нужно создать, как в Польше, стабилизационный фонд, чтобы сделать рубль конвертируемым. И, разумеется, пора отменить дискриминационные для российской экономики законы и установления времен «холодной войны».

Это всего лишь минимум, но это уже гораздо больше того, что мы делаем сейчас. Как говорят, мы не можем себе позволить выделить несколько миллиардов долларов в год, которые стали бы вкладом США в подобное международное предприятие. На самом деле, мы могли бы это сделать, достаточно лишь сократить расходы на оборону пропорционально сокращениям, проводимым сейчас в России.

Совершенно очевидно, что бо́льшая часть проблемы ещё не решена. Сорок лет «холодной войны» настолько милитаризовали наше мышление, что мы неспособны думать политически о наших национальных интересах в своей стране и за рубежом. Так, например, мир после «холодной войны» может оказаться куда более опасным, чем сама эпоха «холодной войны», и не только потому, что советские ядерные запасы, особенно боевые, рассеяны сегодня по огромной, далекой от стабильности территории. Безопасность способны принести только политические решения, но единственное политическое решение, которое выдвинуто на сегодняшний день, это превращение пятнадцати независимых государств, большинство из которых не имеет никакого демократического опыта, в копии Америки. Это не политика, а тщеславие. Что же каса-

ется собственно России, евроазиатской страны, то, возможно, основное бремя экономической помощи ей должны были бы нести европейцы. Но если реформированная Россия окажется ближе к Европе (к Германии, например), а не к нам, согласимся ли мы с таким естественным ходом событий?

Новое политическое мышление – вот что нам сегодня действительно необходимо, а вовсе не новые вооружения, которые мы продолжаем развивать. Иначе будущие историки, изучающие конец XX века, не смогут объяснить, почему так много неортодоксальных идей родилось в старой авторитарной советской системе и так мало – в демократической Америке.

«Nation», 02.03.1992

P.S.

В начале интервью читатели могут обнаружить следы неоправданного оптимизма. «Менее примитивное и более подробное» освещение американскими журналистами событий в России, о котором я говорил в начале 1992 г., быстро уступило место «новым стереотипам, мифам и ошибочным концепциям». Так что, несмотря на то, что информации и доступа к ней стало гораздо больше, репортажи из посткоммунистической России, по уже упомянутым причинам, оказались менее объективными, менее взвешенными и глубокими и в целом менее достоверными, чем те, что шли в 70-х – начале 80-х гг., в разгар «холодной войны», из опутанного цензурой Советского Союза (8).

Остальные четыре сюжета, затронутые в этом интервью, данным мною спустя менее 2-х месяцев после распада СССР, требуют уточнения, с позиции сегодняшнего дня.

Как я и предполагал, от крупномасштабной приватизации, начавшейся в 1993–1994 гг., больше всего выиграла бывшая советская элита – номенклатура. Новый Советский Союз не возник, но ностальгия по старому Союзу растёт в обществе год от года, начиная с 1992 г. (Среди российских политиков

стало популярно такое высказывание: «Тот, кто не жалеет о распаде Советского Союза, не имеет сердца. Тот, кто хочет воссоздать его, не имеет головы»). Частично как ответ на эти сантименты, президент России Борис Ельцин и президент Беларуси Александр Лукашенко подписали в декабре 1999 г. новый «Союзный договор», который почти сразу же был ратифицирован обоими парламентами. В январе 2000 г. Лукашенко формально возглавил новый Союз, а в апреле состоялось первое заседание органа, призванного играть роль его правительства. Что получится из этого нового Союза, присоединятся ли к нему другие бывшие республики, мы вряд ли узнаем в ближайшие годы. Известно только, что новый российский президент Владимир Путин склонен его поддерживать.

Не покинули политическую сцену и российские военные. Уменьшившаяся в размерах, ослабленная и деморализованная постоянными сокращениями бюджета и утратой чёткой миссии, российская армия то и дело оказывается втянута в те или иные внутренние конфликты. В 2000 г. роль армии в политической жизни опять возросла, в связи с чеченской войной и приходом к власти Путина. И, наконец, «реакция протеста» против западного влияния в России, которую я предвидел, действительно последовала, став значимым фактором политики конца XX – начала XXI века.

«ХОЛОДНЫЙ МИР»?

Ноябрь 1992 г.

В 1992 г., впервые по крайней мере за 50 лет, отношения с Россией не были проблемой, поднимавшейся в ходе американской президентской кампании. Фактически Россию почти и не упоминали. Если вспомнить о тлетворном влиянии, которое оказывала в течение многих лет политика холодной войны, то это можно считать хорошей новостью. К сожалению, однако, в основе лежало ложное и потенциально опасное убеждение, что с концом Советского Союза в 1991 г. Россия и США оставили позади все свои длившиеся десятилетиями конфликты и вступили, как заявили на своей встрече в июне Борис Ельцин и Джордж Буш, «в новую эру дружбы и партнёрства». На самом деле никакой «новой эры» нет, и провозглашение её на высшем политическом уровне и в средствах массовой информации может породить ещё один идеологический миф из тех, что многие годы препятствуют установлению стабильных отношений между двумя ядерными гигантами. Политический горизонт уже затягивается тучами серьёзных конфликтов в российско-американских отношениях, которые неизбежно скажутся на внутренней политике. Между тем, ни один из кандидатов в американские президенты, включая Билла Клинтона, ни словом не намекнул, как будет действовать в случае подобного конфликта и как это может отразиться на его предвыборных обещаниях.

Теперешний образ посткоммунистической России как лучшего друга Америки и её близкого партнера основывается на многих неверных представлениях о постсоветском развитии или даже на полностью неверной его картине. Этот образ в основном строится на предположении, что русская внутрен-

няя и внешняя политика вдохновлена США или по меньшей мере глубоко проамериканская. Он предполагает прежде всего, что Россия принимает демократию и капитализм западного типа, избегает имперской политики по отношению к другим бывшим советским республикам и фактически вступает в союз с США в мировой политике, включая политические проблемы, связанные с ядерным оружием. Между тем все эти сферы русской политики характеризуются путаницей, противоречиями и неопределённостью, но ни в одной из них и близко нет того, что отвечало бы американским представлениям о «правильной» российской политике.

Процесс демократизации России, начавшийся при бывшем президенте СССР Михаиле Горбачёве, после гибели коммунистической партии и ликвидации Советского Союза практически не продвинулся вперед. Можно сказать, что на деле он даже пошел вспять, в немалой степени из-за широко применяемой президентом Ельциным практики управления посредством президентских указов и его кампании по восстановлению «сильной исполнительной власти» за счёт парламента и местного самоуправления. Одновременно элита, совершенно не заинтересованная в дальнейшей демократизации (прежде всего – директора монополистических государственных предприятий и руководство армии и службы безопасности), вновь приобрела власть в посткоммунистической политической системе и в окружении самого Ельцина. В лучшем случае, можно сказать, что процесс демократизации оказался замороженным почти на год, не самый добрый знак в стране, где демократия только-только оперяется. Даже если оставить в стороне до сих пор живущие в обществе авторитарные традиции, Россия до сих пор не имеет настоящей Конституции, разделения компетенции между исполнительной и законодательной властями, независимой судебной власти, регулярных выборов, многопартийной системы, привычки к политическому диалогу и свободной прессы, способной обходиться без государственных субсидий. В отличие от американских энтузиастов немногие из убеждённых российских демократов

теперь называют существующий режим демократическим. Даже некоторые сторонники Ельцина признаются, что не верят в торжество демократии при нынешнем российском президенте.

В экономической жизни России, хотя и судорожно и болезненно, идёт процесс становления рынка. Но очень не похоже, что он ведёт к «свободному капиталистическому рынку», как этого хотят западные энтузиасты новой России. Шоковая терапия прыжка в капитализм, которой в начале этого года под давлением западных правительств и банков подвергли русское общество Ельцин и его главный министр Гайдар, не достигла ни одного из желаемых результатов. Вместо этого она привела к бурному и постоянному росту цен на потребительские товары, дальнейшему падению курса рубля, обеднению большинства русских семей, резкому спаду промышленного производства и продолжающемуся снижению народной поддержки либеральных экономических и политических реформ, да и самого Ельцина – первого и единственного в русской истории избранного народом руководителя. (По опросам общественного мнения, его положительный рейтинг сегодня не превышает 30% и уступает рейтингу его вице-президента Александра Руцкого, который с самого начала был против «шоковой терапии»). И если для своих западных приверженцев Ельцин продолжает произносить прокапиталистические речи, то у себя в стране он неуклонно движется от гайдаризма к совершенно иной программе своих самых серьёзных противников – коалиции «Гражданский союз», сплотившей руководителей государственных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, националистически настроенных офицеров, бывших коммунистических реформаторов и отошедших от радикализма радикалов. Эта программа призывает к специфически русской «смешанной экономике», «регулируемому рынку», с любовью смотрит на «китайскую модель» постепенной экономической реформы без демократизации и с презрением отзывается о МВФ и других предполагаемых западных архитекторах будущей России. При 90% экономики, всё ещё находящихся в руках государства, в России, бесспорно, будет доминировать полити-

ка «Гражданского союза», а совсем не та, на которой настаивают и которую ожидают США.

Отношения России с другими бывшими советскими республиками, по всей видимости, также не будут в обозримом будущем, да и вообще когда-нибудь, напоминать отношения между США и Канадой. Несмотря на резкое политическое размежевание, наступившее после 1991 г., многие из четырнадцати бывших советских республик всё ещё привязаны к России мощными узлами – такими, как незаменимые экономические связи, суровые военные реальности и нерасторжимые человеческие связи в виде больших этнических диаспор и смешанных браков. Неудивительно, что опросы показывают растущую ностальгию русских по старому союзу, а некоторые лидеры нерусских республик всё громче призывают к новому союзу. Если эти тенденции продолжатся, то небеспочвенное утверждение противников раскола о том, что Советский Союз на самом деле не «рухнул» в декабре 1991 г., а был уничтожен в результате заговора со стороны Ельцина и его украинского и белорусского союзников, может стать неотразимым аргументом в российской политике.

Не меньшее значение имеет взрывоопасное сочетание 25 млн. русских, живущих в бывших советских республиках вне России, и российской армии, которая продолжает находиться на этих территориях. Так или иначе эта армия уже вовлечена по крайней мере в четыре гражданские войны вне России – в Молдове, Грузии, Таджикистане и армянском анклав в Азербайджане – Нагорном Карабахе. И если число и интенсивность гражданских войн в бывших советских республиках будут расти, что очень вероятно, то вместе с этим будут расти имперская роль русской армии и потенциал новой русской гегемонии. (Почему-то в американских средствах массовой информации редко упоминают заявление бывшего советского министра иностранных дел, а ныне президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе, сделанное им в октябре 1992 г., о том, что «война между Россией и Грузией, по сути... уже идёт»). В Эстонии и Латвии, где российское меньшинство

оказалось лишено гражданских прав, оставшиеся элементы российской армии ведут себя довольно агрессивно, а 29 октября Ельцин отдал приказ о приостановке вывода войск из Прибалтики. Не решёнными остаются и многие взрывоопасные вопросы взаимоотношений России с Украиной.

Американские учёные и политики обычно думают, что за подобным «советским» поведением стоят российские сторонники «жёсткого курса», но и российские лидеры с демократическими убеждениями из окружения Ельцина не чураются такой политики. Вице-президент Руцкой является, возможно, самым ярым защитником военных интересов России за её пределами, но и глава внешнеполитического комитета в парламенте Евгений Амбарцумов – радикальный демократ, в своё время порвавший с Горбачёвым ради Ельцина – заявил недавно, что России нужна своя «доктрина Монро», обеспечивающая ей гегемонию на всей территории бывшего Союза. Подобные настроения присущи сегодня многим из тех, кого мы называем российскими демократами. Но хотели бы Соединённые Штаты видеть исторически сложившуюся систему своих взаимоотношений с Латинской Америкой в качестве модели для отношений посткоммунистической России с бывшими советскими республиками?

Наконец, совершенно нелепой является идея, что Россия теперь в международных делах будет следовать за Америкой – как будто конфликты с США могут быть только у марксистов-ленинцев. Внешняя политика, осуществляемая под руководством министра иностранных дел Андрея Козырева, сурово критикуется во многих политических кругах России как раз за то, что до последнего времени она производила впечатление «изготовленной в США». Американские комментаторы указывают на бывших коммунистов (кто из людей, находящихся теперь у власти в России, не бывший коммунист?) и других сторонников «жесткого курса». Но наиболее яркими критиками были как раз лидеры, которых мы идентифицируем с демократами, в том числе Амбарцумов, депутат-антикоммунист Олег Румянцев, помощник Ельцина Сергей Станкевич и посол

России в США Владимир Лукин, недавно выступивший с протестом против «инфантильного проамериканизма» в российской политике.

Очень трудно представить себе, что исход этой борьбы будет таким, на который надеются американские политики и комментаторы. Несмотря на хвастливые заверения Буша во время предвыборной кампании, ни одна из проблем, связанных с ядерной угрозой, на самом деле не была решена. Они были только прикрыты бумагами. Соглашение ОСВ-2, которое, если будет подписано, обещает существенные сокращения вооружений, ещё вызовет борьбу за ратификацию в российском парламенте. А если принять во внимание проблему плохо контролируемых ядерных реакторов и возможность захвата тактического ядерного оружия на бывших советских территориях, то мы должны признать, что ядерная угроза сейчас больше, чем при советском режиме.

Достаточно ли самого факта антикоммунистического правительства в Москве для того, чтобы ослабить американские страхи по поводу этой угрозы? Американские средства массовой информации достаточно много места и негодования уделили факту недавних продаж Россией своей стратегической технологии и оружия Китаю, Ирану и Индии, но почему-то не обратили внимания на потрясающее откровение, сделанное в сентябре маршалом Шапошниковым. Оказывается, российские межконтинентальные ракеты, которые в начале этого года якобы были перенацелены по приказу Ельцина с территории США, на самом деле перенацелены не были, в частности потому, объясняет Шапошников, что Америка не взяла на себя аналогичного обязательства. Ситуация вполне понятная, но далёкая от «дружбы и партнерства». Сюда же можно отнести и предупреждение, сделанное в октябре министром обороны России Павлом Грачевым, о том, что Россия может возобновить в середине 1993 г. проведение ядерных испытаний, если США не примут свой закон о запрете испытаний.

Что касается соперничества на международной арене, то Россия, очевидно, будет стремиться к хорошим отношениям

с западными державами. Но достаточно ли этого, чтобы удовлетворить идеологические ожидания Америки? По мере того, как в условиях прекращения глобальной холодной войны будут усиливаться расхождения между США и их западноевропейскими союзниками, перед Россией откроются большие дипломатические и экономические возможности. Она может найти на своём собственном континенте более близких друзей и лучших партнеров, чем США.

Символизм следующего факта также заслуживает внимания: Ельцин не считал возможным поехать в сентябре в прозападную Японию, хотя этот визит давно готовился, но зато объявил о намерении посетить в декабре соседний Китай – последнюю великую коммунистическую державу.

Ни одна из этих «неамериканских» тенденций в российской внутренней и внешней политике не ведёт к возобновлению холодной войны, которая была продуктом в основном исчезнувших исторических факторов. Но они означают, что советско-американские отношения, основанные на «дружбе и партнёрстве», на одинаковых национальных ценностях и интересах, – это новый миф и в высшей степени невероятная перспектива.

Какова же альтернатива? Многое, как и раньше, зависит от наших собственных восприятий и реакций, и здесь тоже таится большая опасность. Дело в том, что Россия мыслится сегодня американскими политиками и политологами почти исключительно в миссионерском контексте, основанном на предположении, что Соединённые Штаты могут и должны помочь превратить это принципиально иное общество в слепок с американской системы. При всём разнообразии будущих перспектив России, американизация явно не входит в их число. Недавние российские события были обусловлены не столько чьей-то злой политической волей, непониманием законов рынка и демократии или губительным влиянием сторонников «жёсткого курса», сколько глубоко укорененными традициями и сложившимися обстоятельствами. Одна из этих традиций – вера в особую судьбу России – уже привела к протесту против

основанной на помощи Запада ельцинской экономической политики и её болезненных последствий, а также против многочисленных западных «советников», наводнивших Россию.

Какова же будет реакция наших политиков и тех, кто формирует у нас общественное мнение, когда русская реальность опровергнет (а это неизбежно произойдёт очень скоро) распространённые сейчас мифы об американском посткоммунистическом друге и партнере? Если миссионерская политика продолжится, нетрудно предсказать обратную реакцию: в лучшем случае это будет реакция цинизма и безразличия к российским бедам, в худшем – чувство предательства и возрождения установок холодной войны. В любом случае первой жертвой этой реакции станут перспективы существенного уменьшения американских военных расходов, тот «дивиденд мира», который мы получили после «холодной войны».

Необходимой альтернативой является тот откровенный и основанный на здравом смысле разговор, которого так не хватало в президентской кампании. Реформирующаяся и стабильная Россия, живущая в мире со своими соседями, – это важнейший интерес Америки, но такая Россия может найти свой путь, исходя только из своих собственных, а не наших традиций и возможностей. Такое реформирование не нуждается в нашем политическом менторстве, но требует нашей финансовой поддержки. И если США не примут этого первого принципа посткоммунистической политики, то за холодной войной, вполне вероятно, наступит очень холодный мир.

*«Nation»,
23 ноября 1992 г.*

P.S.

Я не собираюсь брать патент на авторство термина «холодный мир» и даже не уверен, что я был первым, кто употребил его в данном контексте, но он впоследствии стал часто мелькать в американской и российской прессе и, что примечательно, –

даже прозвучал в заявлении президента Бориса Ельцина. (Моя статья была опубликована в Москве, на русском языке и под тем же заголовком) 5 декабря 1994 г., протестуя против планов администрации Клинтона по расширению НАТО на восток, Ельцин предупредил об опасности сползания Европы в «холодный мир» (9). (Не могу сказать, что я испытываю удовольствие от того, что выражение впоследствии употреблялось столь часто и порой не к месту).

Посмотрим теперь, как развивались другие сюжеты статьи. «Гражданский союз» вскоре распался, как и большинство других «центристских» движений- его преемников, лишь в конце 90-х гг. получивших поддержку. Однако его программа «смешанной экономики» находила всё больший отклик в обществе. Российская армия покинула страны Балтии и Украину, но её части ещё оставались в ряде других республик, наряду с опасностью возникновения гражданских войн. Так, например, во время чеченской войны 1999–2000 гг. военные отношения России с Грузией, граничащей с Чечней, как никогда, обострились.

В январе 1996 г. Ельцин заменил демонстративно проамерикански настроенного и непопулярного Андрея Козырева Евгением Примаковым на посту министра иностранных дел. «Радикальный антикоммунизм» Олега Румянцева закончился в октябре 1993 г. по причинам, которые станут вскоре понятны читателю. Бывший помощник Ельцина Сергей Станкевич позднее был обвинён в получении взятки и скрылся в Польше. (Последовавшие перемены привели к тому, что в 1999 г. Станкевич вернулся в Россию). Посол в США Лукин тоже вернулся в Москву, где стал вторым человеком после Григория Явлинского в партии демократических реформ «Яблоко».

Три бывшие советские республики, обладавшие стратегическим ядерным оружием, – Украина, Казахстан и Беларусь – действительно вернули его России. Но окончательная ратификация договора ОСВ-2, подписанного в 1993 г., должна быть произведена российским парламентом в 2000 г. К тому же новый союз России и Беларуси не исключает возможности обратного перемещения ядерного оружия на просторы самой

западной из бывших советских республик. Ракеты обеих сторон были в конце концов перенацелены, но это был не более, чем символический акт, поскольку возвращение к первоначальным целям — дело нескольких секунд. Действительно значительным шагом было бы лишить ракеты обеих сторон статуса «спускового крючка», слишком чувствительного к прикосновениям.

Что касается разногласий между США и их партнёрами по НАТО, способствовавших дальнейшему сближению России и Европы, то расширение НАТО в 1998 г., его война против Югославии в 1999 г., а также новая война России в Чечне в 1999–2000 гг. предотвратили возможность разрыва. Однако подобная возможность вполне может возникнуть в будущем, о чём я буду говорить дальше в книге.

МОЖЕТ ЛИ АМЕРИКА ОБРАТИТЬ РОССИЮ В СВОЮ ВЕРУ?

Март 1993 г.

События недавних лет привели нас к судьбоносному моменту в российско-американских отношениях. Появилась реальная возможность выстроить абсолютно новые, демилитаризованные отношения между этими сверхдержавами. Бывшие непримиримые соперники могут начать сотрудничать. Однако в то же время существует и опасное противоречие между сложностью российской посткоммунистической действительности и склонностью Америки к её упрощению. Примером может служить непродуманное вмешательство администрации Клинтона во внутреннюю политику России и поддержка попытки Бориса Ельцина прибегнуть к диктаторским «особым полномочиям». В настоящий момент Ельцин уже отказался от своей попытки, но подобные меры могли плачевно сказаться на чрезвычайно хрупком российском демократическом эксперименте.

Какое бы направление ни приняли взаимоотношения двух держав, ясно одно: Россия ещё очень долго будет занимать приоритетное место в американской внешней политике. От судьбы этой страны, с её историей, размерами, экономическим и ядерным потенциалом, во многом зависит международная безопасность в мире. Однако кризис, который охватил Россию, – политический, экономический, социальный и даже психологический – ещё далек от завершения, и это подтверждают последние события.

Между тем, внутри России продолжают расти антиамериканские настроения, чему в немалой степени способствовал

миссионерский и интервенционистский характер американской политики, начиная с 1991 г. И дело здесь не только в ксенофобии националистов, рассматривающих правление Ельцина как «оккупационный режим», существующий на американские деньги, но в более общей реакции протеста российского общества против американизации страны. Так, когда-то восхитившие Запад российские экономисты-рыночники, такие, как Николай Петраков, подвергли острой критике американских советников в правительстве Ельцина, назвав предлагаемые ими методы «шоковой терапии» и монетаризма «абсолютно неприемлемыми для России». А посол России в Соединённых Штатах Владимир Лукин, человек, хорошо известный своими прозападными взглядами, не раз возмущался «инфантильным проамериканизмом» российской внешней политики.

Российские политики и журналисты поначалу терпимо относились к миссионерской риторике американцев, поскольку за ней стояли обещания существенной американской помощи и инвестиций. Однако обещания так и остались обещаниями. Результат – растущее убеждение в том, что у американцев слова расходятся с делом (и деньгами) и что они заинтересованы только в том, чтобы эксплуатировать российские природные ресурсы, а вовсе не помогать русским перестраивать экономику.

Ещё большее возмущение у многих россиян вызывает активное вмешательство США в российскую политику. С самого начала американское правительство сфокусировало всё своё внимание и добрую волю исключительно на фигуре Ельцина и его тщательно отобранной команде, полностью игнорируя другие структуры и других лидеров, в том числе российский парламент с его спикером Русланом Хасбулатовым и вице-президента Александра Руцкого. Сорокапятилетний Руцкой, пользующийся значительной поддержкой в обществе и в политических кругах, имеет все шансы сыграть крупную роль, как в будущем, так и в нынешнем кризисе.

Между тем, эскалация американского вмешательства продолжается и сегодня. Сначала администрация Клинтона

запланировала на апрель 1993 г. проведение в Ванкувере встречи в верхах, с тем чтобы «помочь Ельцину» в продолжающейся конфронтации с российским парламентом. Затем она публично намекнула, что поддерживает намерение российского президента распустить законодательный орган, а ещё чуть позже – что одобряет его желание обрести «особые полномочия» в ущерб всем прочим демократическим институтам. Администрацией Клинтона даже рассматривался вариант, что Клинтон может поехать вместо Ванкувера в Москву, чтобы выразить солидарность с Ельциным.

В итоге правительство США оказалось в затруднительном положении. Шаг Ельцина вызвал оппозицию со стороны не только российского парламента, но и Конституционного суда, прокуратуры, министра юстиции, вице-президента, большинства местных законодательных собраний и демократической прессы. С пониманием отнеслись к нему только руководство армии, бывшего КГБ и милиции – и ещё администрация Клинтона. Фактически же за спиной Клинтона и Ельцина стояла целая армия американских политиков и конгрессменов, которые полагали, что провозглашённые Ельциным демократические цели оправдывают его средства.

О смертельно опасных последствиях подобной тактики говорит вся история XX века, особенно российская история. Даже если бы ельцинский гамбит удался, он повлёк бы за собой крах того минимального господства закона, которое только-только установилось в стране, и отдал бы её судьбу в руки военных и прочих силовых структур.

Американских политиков, возможно, убедило заявление Ельцина о том, что парламентское большинство является недостаточно реформистским. Но давайте вспомним, что этот «реакционный» российский парламент, как он именуется сегодня в американской прессе и правительственных отчётах, ещё совсем недавно вызывал восхищение своей героической поддержкой Ельцина во время августовского путча 1991 г.

Кроме того, в России, чья история изобилует примерами неумеренной исполнительной власти в ущерб законодательной,

просто не может быть демократии без парламента. А договоров по ограничению вооружений не может быть без ОСВ-2. Между тем, то явное неуважение, которое американцы проявляют к российскому парламенту и его руководству, делает ратификацию этого договора ещё более затруднительной. Неудивительно, что на прошлой неделе парламент принял специальную резолюцию, осуждающую «грубое вмешательство» Запада во внутренние дела России.

Ещё более заметным это вмешательство делается, если взять более низкий уровень политики. Американские экономисты, среди которых выделяется гарвардская группа, возглавляемая профессором Джеффри Саксом, официально консультируют российское правительство. Американские политические организации, имеющие доступ к федеральным фондам, одаривают удобные им российские политические фракции. Американская федерация труда принимает непосредственное участие в делах российских профсоюзов. Некоторые предлагают даже создать постоянный корпус западных «экспертов» в российских правительственных структурах, привлечь специалистов НАТО к делу перестройки российской армии и сделать доллар официальной российской валютой. Интересно, какова была бы реакция американцев, если бы русские играли подобную роль в американском правительстве и американской политике?

Неудивительно, что в российском обществе начинает нарастать протест против американского вмешательства. Благодаря навязанной американцами «шоковой терапии», миллионы русских семей лишились своих сбережений и оказались за чертой бедности. И многие из них считают, что беда, их постигшая, имеет ярлык «сделано в США». Конечно, это не так, но американская риторика даёт им все основания так думать.

Вспомним, как всё произошло. Распад СССР в 1991 г. вызвал в американских политических кругах одновременно тревогу и эйфорию: тревогу по поводу ослабления контроля за советским ядерным запасом, эйфорию по поводу американских перспектив в постсоветской России. Соответственно, и политика администрации Буша оказалась выстроенной в двух

направлениях. Такой она остаётся и при президенте Клинтоне: переговоры по вопросу демонтажа значительной части советских стратегических ядерных систем с предложением американской помощи, а также всяческое подстегивание российского перехода к демократии и капитализму, в том числе с помощью обещаний организовать для этого широкую финансовую поддержку. Некоторый прогресс в деле приближения «новой эпохи дружбы и партнерства», как было заявлено на саммите президентов Буша и Ельцина, безусловно, имеет место, но большая часть подобных заявлений была и остаётся политической риторикой.

Очевидно, что после окончания «холодной войны» Соединённые Штаты нуждаются в серьёзном пересмотре своего политического мышления. И начать здесь нужно с самих себя. Мы должны сказать себе: у нас нет никаких прав или иных заслуг превращать Россию в свою собственную копию. Мудрые политические решения требуют реалистического подхода. Следует четко осознать, что же происходит в посткоммунистической России:

- 1991 г. принёс важнейшие перемены, но они пока не дали значительных результатов. Новое пребывает лишь в зачаточном состоянии внутри старой советской системы, которая продолжает нести ответственность за выполнение жизненных потребностей граждан: в жилье, в работе, в снабжении продуктами питания и прочими товарами, в социальных гарантиях и т.д. Следовательно, если России и суждено пройти путь к демократии и рынку, то он будет долгим и трудным.
- Нет оснований полагать, что популярность антикоммунистических воззрений и практики в 1991 г. говорит о том, что весь российский народ однозначно высказался в пользу демократического «рыночного капитализма», как мы обычно полагаем. Опросы общественного мнения показали, например, стойкий рост популярности в массах

авторитарных методов руководства и явное предпочтение, отдаваемое ими армии и церкви, по сравнению с новыми демократическими институтами. Неудивительно, что парламент отреагировал на эти настроения, отправив в отставку премьер-министра Егора Гайдара, сторонника «шоковой терапии», а рейтинг Ельцина упал с 80% осенью 1991 г. до 30% всего год спустя, став ниже, чем у вице-президента Руцкого.

Американские политические деятели полагают, что борьба России за демократию и рыночный капитализм является главной в её политике. На деле же она часто теряется среди других проблем, вызывающих разногласия. Одна из таких проблем – национально-территориальное самоопределение России в посткоммунистическом мире. Должна ли Россия стать частью Запада или стоять особняком? Должна ли она оставаться «имперской» или уменьшиться в размерах? Должна ли вся огромная территория России управляться единообразно московским правительством или местными властями? Единогласия ни по одному из этих вопросов до сих пор нет.

Острая борьба продолжается и вокруг той гигантской собственности, находившейся прежде в монопольном владении Советского государства: природные ресурсы, банки, предприятия, средства связи, транспорт, здания, даже военная собственность. Хотя обычно эта борьба ведётся под знаменем «приватизации», зачастую она носит более коррумпированный характер, чем в советские времена. Ещё один жизненно важный конфликт – между московским Центром и огромной российской провинцией, куда в последние годы переместилась во многом реальная экономическая и политическая власть. Национальный вопрос (ряд провинций населён преимущественно нерусскими народами) добавляет остроты этому конфликту.

Таким образом, распознать «хороших» и «плохих» героев, действующих сегодня на российской политической сцене, очень трудно – особенно, если заранее исключить откровенных

экстремистов. Что мы можем сделать там, где лидеры, которых мы считаем «реакционерами и консерваторами», защищают идею и институт парламентаризма, а те, кого мы презрительно зовём «центристами», поддерживают равновесие власти? Где существует постоянная угроза в лице «экс-коммунистов», но где почти все лидеры с обеих сторон, включая Ельцина, и есть бывшие коммунисты? Как мы можем решить, кто из лидеров и какая из сил заслуживают поддержки, если сами русские (даже те из них, кто хорошо информирован) не могут этого сделать?

В любом случае, каким бы ни было российское политическое и экономическое будущее, оно не будет копией ни американского сегодня, ни советского вчера. Это будет, как любят повторять в Москве, некий «третий путь». Вот что говорил президент Ельцин своему народу в октябре 1992 г.: «Мы не ведём Россию к капитализму в какой бы то ни было форме. Россия просто не подходит для этого, Россия – уникальная страна. Она не будет ни социалистической, ни капиталистической». И неважно, верим ли мы в это; важно, что в это верит большинство россиян.

Реалистическое мышление необходимо нам также в области российско-американских отношений в более широком контексте глобальной политики. Российская политика должна создаваться в Москве, а не в Вашингтоне. Учитывая совершенно иные отношения, которые исторически связывают Россию, к примеру, с Китаем, Сербией, бывшими советскими республиками, естественно предположить, что её политика по отношению к ним (и даже к Европе) будет существенно отличаться от нашей. Но это ни в коем случае не повод для новой «холодной войны» или для отказа в помощи российским реформам – это лишь основание для более реалистического взгляда на российско-американские отношения. Недаром даже «самая большая надежда Америки», как называют Ельцина в клинтовой администрации, выступил против «американской тенденции диктовать свои условия», добавив, что ни одно государство не может командовать такой страной, как Россия.

Наконец, отношения посткоммунистической России со многими, если не со всеми бывшими советскими республиками ещё далеки от устойчивости. США, естественно, надеются, что все эти республики останутся независимыми государствами, однако ряд существенных факторов свидетельствует о возможности нового добровольного объединения этих государств, на федеративной или конфедеративной основе, вокруг России. И хотя представители одной американской научной школы, возглавляемой Генри Киссинджером, настаивают на том, что любое новое политическое объединение вокруг России будет непременно воспринято как возрождение русского «империализма» и вызовет протест, есть основания полагать, что это не совсем так.

Американские политические деятели обычно не уделяют много внимания этой серьезнейшей проблеме, а между тем, даже среди российских демократов слышны призывы объявить всю территорию бывшего СССР сферой российского влияния. Отзвуком этих претензий прозвучало недавнее заявление Ельцина о том, что Россия должна стать «гарантом мира и стабильности» в бывшем советском регионе.

Россия, конечно, никогда не была нашей, чтобы её выигрывать или проигрывать, но сегодня на карту поставлена наша национальная безопасность и много чего ещё. Поэтому мы должны помочь российским реформам и помочь щедро и конструктивно. Разумеется, Америка не может всё делать в одиночку, но если она действительно стремится к мировому лидерству, то это шанс реализовать его на практике.

Есть вопросы, решение которых не терпит отлагательства, и это, в первую очередь, вопрос о ядерной угрозе бывшего СССР. Любые перекосы и недоговоренности поспешно принятых предварительных соглашений в области стратегических вооружений, которые могли бы помешать ратификации договора с российской стороны, должны быть срочно исправлены. Российские запасы тактического ядерного оружия, приобретающие особую опасность в условиях надвигающихся внутри-

национальных конфликтов, должны подвергнуться решительному сокращению, так же, как и наши. Необходимо принять и неукоснительно проводить в жизнь программу безопасности построенных в советское время ядерных реакторов, чреватых повторением чернобыльской катастрофы 1986 г. и потенциальных объектов террористической угрозы.

Российский болезненный «переход» к рыночной системе всё ещё невозможен без массовой многолетней гуманитарной помощи, особенно продуктов питания и лекарств для детей и стариков – самых беспомощных жертв процесса, армия которых продолжает расти. Внешний долг России, уже достигший сумасшедшей суммы в 84 миллиарда долларов, должен быть реструктурирован – немедленно и в полном объёме. Нужно предоставить России новые кредиты и займы на более выгодных для неё условиях. Необходимо создать специальные фонды для финансирования программ помощи российским безработным и кредитования малого бизнеса. При этом, во избежание обвинений в интервенционизме, эти фонды должны иметь русское руководство и рублёвые счета. Американское правительство должно, наконец, решиться взять на себя гарантии для частного капитала, инвестируемого в Россию, к примеру, в её отсталую энергетику. И ещё надо что-то сделать, чтобы помочь бедствующим образовательным и научным центрам в России, бывшим своеобразной кузницей кадров для реформ в 80-е гг. и павшим жертвой реформ нынешних.

Потратив миллиарды долларов, пытаясь в течение 45 лет заставить Советскую Россию измениться, американское правительство может оказаться в будущем объектом строгого суда как граждан, так и историков, если не поможет измениться России сегодня, когда момент, наконец, настал. Собственные граждане припомнят ему, что своей политикой оно способствовало провалу ещё одного российского эксперимента с парламентской демократией и откату страны назад, к деспотическим традициям. Да и сама Россия, воспрянув и заняв вновь предопределённое место великой державы (а так непременно будет), не забудет, как другие державы обращались с ней

тогда, когда ей было трудно. От того, что мы сделаем или не сделаем сегодня, будут зависеть отношения с Россией наших детей и внуков.

*«Washington Post»,
28 марта 1993 г.*

P.S.

По сути, вся эта книга есть ответ на риторический вопрос, вынесенный в заглавие данной статьи. Отношение многих русских к американскому крестовому походу лучше всего и с присущим этому жанру остроумием демонстрирует политический анекдот: «Мы думали, что коммунисты ввали нам про социализм и капитализм. Оказалось, они ввали только про социализм».

«БЕЛЫЙ ДОМ ГОРИТ!»

Октябрь 1993 г.

В то время, как возможность диктатуры вновь обретает реальность в России, правительство Ельцина поспешило придать эпический характер кровавым событиям прошлой недели в Москве. Победителям в России вообще свойственно навязывать свою версию (по принципу: «сильный всегда прав») в качестве официальной истории страны, но впервые эта версия была подхвачена и одобрена американским правительством.

По версии президента Бориса Ельцина, он был вынужден отдать приказ о стрельбе по Белому дому из танковых орудий и об аресте двух ведущих своих политических противников, вице-президента Александра Руцкого и спикера парламента Руслана Хасбулатова, так как они подняли «преступный мятеж» против российской демократии. Президент Клинтон с одобрением заметил, что «если бы подобная вещь случилась в Соединённых Штатах», он бы тоже предпринял «жесткие действия». Но кто в действительности начал «мятеж»?

21 сентября 1993 г. Ельцин по сути нанёс мощный, возможно, даже фатальный удар по историческому и чрезвычайно хрупкому российскому демократическому эксперименту, прервав деятельность парламента и других элементов «законоправства» в Москве. Он пытался сделать то же самое и ранее, 20 марта 1993 г., но тогда потерпел неудачу. Все полгода, разделяющие эти попытки, известные российские политические обозреватели, в том числе и из ельцинского окружения, пытались предупредить, что подобный шаг может привести к существенному насилию — хотя бы потому, что парламентарии уверовали в свою демократическую легитимность и готовы активно её защищать. Тем не менее, зная всё это, Ельцин нанёс

удар снова. Результат, предсказанный заранее, мы сегодня и наблюдаем.

Администрация Клинтона, главная команда поддержки Ельцина на Западе, таким образом, совершила глубокую ошибку, поддерживая с самого начала действия Ельцина и оправдывая сегодня их фатальные последствия.

Демократизация в России началась в конце 80-х гг. под руководством тогда ещё советского лидера Михаила Горбачёва и переросла в первую серьёзную попытку такого рода во всей многовековой истории России. Уже к 1991 г. она привела к созданию отдельных, но существенных компонентов демократической системы – всенародно избранного парламента, президента и вице-президента, независимого конституционного суда и Генерального прокурора, относительно свободной прессы и выборных законодательных органов на местах.

К 21 сентября 1993 г. Ельциным были прекращены, постоянно или временно, полномочия того самого парламента, вице-президента, Суда и Генерального прокурора; наложен запрет на все парламентские публикации; введена цензура на общенациональных телевизионных каналах. Перед местными органами власти, не согласными с общей линией, замаячила угроза роспуска, а в Москву оказались подтянуты вооружённые силы безопасности. Иными словами, задолго до того, как 3 октября разгневанные сторонники парламента пошли на бессмысленный штурм телецентра, в Москве уже не было демократии, и у провинции немного оставалось шансов.

И администрация Клинтона, и все средства массовой информации США безоговорочно поддержали действия Ельцина, заявив, что они служат делу углубления демократии в России. Защищая Ельцина, два известных американских журналиста, один из которых считается специалистом по России, даже попытались реанимировать циничную поговорку сталинских времен: «Нельзя приготовить омлета, не разбив яиц». Видимо, придётся подчеркивать снова и снова, что история XX века, в особенности, русская история, если чему-то и учит, так именно тому, что даже самая демократическая цель не может

оправдать плохих методов, после которых остаются груды разбитых яиц, то есть надежд и жизней.

И как можно быть уверенным, что Ельцин сдержит своё обещание провести в ближайшем будущем справедливые парламентские и президентские выборы? Ведь это потребует от него, как минимум:

- отказаться от своих слов о том, что все депутаты, не перешедшие на его сторону во время кризиса, являются членами «кровавого фашистско-коммунистического» заговора, — слов, прозвучавших зловещим эхом сталинского террора 30-х гг., выросшего из обвинений в «право-троцкистском заговоре»;
- освободить из тюрьмы политических оппонентов;
- отменить запрет на деятельность оппозиционных партий и движений, включая крупнейшую в России коммунистическую партию;
- прекратить преследование его многочисленных противников и критиков по всей стране;
- снять ранее введённые запреты в отношении средств массовой информации;
- предоставить оппонентам свободный доступ к национальному телевидению, откуда почти 90% российских избирателей черпают информацию (то, чего он не сделал в апреле 1993 г., перед референдумом, и теперь, во время противостояния с парламентом);
- позаботиться о том, чтобы новый закон о выборах, над проектом которого работает назначенная им комиссия, был максимально справедливым;

- восстановить Конституционный суд в той форме, чтобы он являлся хотя бы минимальной гарантией соблюдения закона в ходе избирательной кампании.

Но даже если Ельцину удастся соблюсти весь этот политический этикет, ему явно не свойственный, что он будет делать, когда власти на местах, настроенные в подавляющем большинстве оппозиционно его сентябрьскому конституционному перевороту, откажутся проводить новые выборы и выполнять его указы на своей территории? Это сценарий новой гражданской войны и дальнейшего распада ядерной России. Политический раскол в армии только усугубляет картину.

Втянув армию и другие силовые структуры в свой конфликт с парламентом, Ельцин фактически сделал их судьями, определяющими политическую судьбу России. Интересно, как он собирается уменьшать эту роль, сводить её до задач, выполняемых армией в демократическом обществе? И, учитывая специфический американский интерес, собирается ли он сокращать и без того большую роль армии в российской внешней политике?

Зачем вообще надо было подвергать едва оперившуюся российскую демократию такому большому риску? С точки зрения Ельцина, парламент, ставший средоточием реакционеров-коммунистов и фашиствующих националистов, представлял собой непреодолимое препятствие на пути рыночных и демократических реформ и являлся причиной всё углубляющегося кризиса. Это обвинение привычно подхватила американская пресса, в большинстве своём не только ничего не знающая про этот российский парламент, но и путающая его с советским аналогом образца 1989 г. Но даже если этот парламент был так плох, как утверждает Ельцин, неужели то, что он сделал, было лучше? Почему нельзя было просто подождать до 1995 г., когда срок полномочий этого парламента подойдёт к законному концу?

Конечно, в руководстве, составе и недавнем поведении главного российского законодательного органа было мало

привлекательного, но его история заслуживает внимания. Это тот самый парламент, который был избран в результате первых свободных выборов в 1990 г., который бросил вызов Горбачёву и КПСС, сделав Ельцина своим первым председателем. Это тот самый парламент, который сделал Ельцина в июне 1991 г. всенародно избранным президентом, приняв соответствующую поправку к конституции; который предоставил ему убежище в своём Белом доме во время путча в августе 1991 г.; который ратифицировал подписанный Ельциным договор об отмене СССР в декабре 1991 г. и который позволил ему в течение года управлять страной с помощью указов.

По причинам, остающимся неясными до сих пор, и вопреки советам ведущих российских специалистов по рыночной экономике, Ельцин остановил свой выбор на мерах, известных под названием «шоковой терапии». К концу 1992 г. эти меры привели к обнищанию большинства российских семей, к установлению в экономике законов «дикого капитализма» и к невиданным масштабам спекуляции государственной собственностью и природными ресурсами. Они также сделали невозможным всякий консенсус в вопросе о посткоммунистическом будущем нации и тем самым лишили Ельцина поддержки в парламенте и в политических кругах вообще.

По мере нарастания социальных проблем, экстремисты с обоих концов политического спектра стали проявлять всё бо́льшую активность, тесня центристов и побуждая лидеров исполнительной и законодательной ветвей власти отказываться от компромиссов. Извечный российский политический вопрос «Что делать?» уступил место другому: «Кто виноват?». Не парламент и не советская конституция, а именно эти, произрастающие из самой глубины российской почвы, реалии лежали в основе кризиса страны, и они неминуемо нашли бы отражение и во вновь избранном законодательном органе.

Но и Ельцину есть за что ответить перед судом истории. Его высочайший долг как первого российского всенародно избранного президента был в том, чтобы продемонстрировать и попытаться привить навыки демократии (на практике, а не на

словах) своей нации, просторы которой ещё не покинули древние демоны деспотизма. Ему выпало возглавить нацию, уже измученную и натерпевшуюся от потерь – потери своей страны в 1991 г. и своих жизненных стандартов в 1992 г. – и он должен был привести её к социальному консенсусу и политическому компромиссу, а не к новой конфронтации, способной только обострить её проблемы и усилить антилиберальные, антизападные, антисемитские настроения.

Апологеты Ельцина настаивают, что он до последнего искал компромисса с парламентом. Какой это мог быть компромисс, демонстрирует аналогичный пример лета прошлого года. Тогда, отвернув предложенный парламентом проект новой конституции, основанной на принципе разделения властей, он потребовал, чтобы роль законодательного собрания сводилась к простому одобрению президентских указов, в противном случае оно подвергалось роспуску, а должность вице-президента вообще упразднилась. Подобным требованиям воспротивился даже его «ручной» парламент. По сути дела, ещё задолго до сегодняшней открытой конфронтации Ельцин вернулся к старой российской – царской и коммунистической – традиции «сильной руки», к образу правителя, который осуществляет «народную волю» вопреки идеям и козням врагов.

Недавняя победа над парламентом находится в русле этой традиции культа руководителя – традиции, которая сыграла очень большую роль в избирательной кампании Ельцина и на которую он до сих пор во многом опирается. Шесть российских и советских законодательных собраний было распущено в XX веке, из них четыре – после 1917 г. и во имя высшей демократии. И только Ельцин создал образ, который, благодаря телевидению, будет долго стоять перед глазами и звучать в ушах: «Белый дом горит!»

Из всего этого совершенно очевидно можно извлечь два урока, о которых не стоит забывать членам американского Конгресса, сегодня с готовностью аплодирующим ельцинским действиям. Во-первых, подлинная демократия где бы то ни было, особенно в России, невозможна без действительно независимого

и полноправного парламента или конгресса, каким бы непопулярным и непопулярным он не был. И во-вторых, в России распушенные парламенты не возникают легко и быстро снова.

Сторонники Ельцина в России и Америке будут утверждать, что эти уроки не имеют значения. Пусть тогда они объяснят хотя бы некоторые из множества событий, которые шли вразрез с их схемами или историческими описаниями. Путчисты, затеявшие заговор против президентов Горбачёва и Ельцина в августе 1991 г., не рискнули приказать танкам открыть огонь по зданию парламента. Ельцин это сделал. Два человека, стоявшие бок о бок с Ельциным в дни путча, Руцкой и Хасбулатов, сегодня сидят в печально знаменитой политической тюрьме Лефортово, и им грозит самое суровое обвинение, в то время как путчисты 1991 г. остаются на свободе. Среди тех депутатов, кто отказался покинуть Белый дом 4 октября, был и Олег Румянцев – 33-летний парламентарий, чьи героические усилия написать действительно демократическую конституцию для России (его проект был отвергнут Ельциным) привели к тому, что газета «Washington Post» назвала его в 1990 г. «Джеймсом Мэдисоном России», а американский Фонд поддержки демократии наградил его комитет грантом и признал самого Румянцева выдающимся оратором в 1991 г.

Что касается администрации Клинтона, то она позволила использовать имя Америки для прикрытия силового переворота; способствовала роспуску законодательного собрания, от которого ожидали ратификации очень нужных договоров о ядерном разоружении; ускорила рост протеста против нашего вмешательства во внутренние дела России и высокомерно отвернулась от ряда партий и политических лидеров, с которыми когда-нибудь нам или нашим детям ещё придется иметь дело. Администрация заявляет, что была удивлена решением Ельцина прекратить деятельность парламента, но поскольку всегда считала его самой большой или даже единственной надеждой демократии в России, то была вынуждена поддерживать действия президента.

Удивление Клинтона и его советников выглядит более чем странно, если учесть, что первую попытку прикрыть парламент Ельцин предпринял не без участия США ещё 20 марта и в следующие полгода до 21 сентября не раз давал понять, что намерен сделать это снова.

Кроме того, если признать, что администрация права и Ельцин есть единственная фигура в России, достойная поддержки и признания, то на ком или на чём будет держаться американская политика, если шестидесятидвухлетний и не очень здоровый президент внезапно уйдет со сцены? Наконец, если американская администрация действительно верит в то, что Ельцин и его методы – это «единственная надежда демократии в России», как она говорит, то это значит, что на самом деле надежды нет никакой. И хотя пророчество оказалось ложным, оно быстро реализует себя.

*«Washington Post»,
10 октября 1993 г.*

P.S.

После разгрома парламента, тогда носившего имя Верховного Совета, Ельцин отказался от своего обещания, данного им во время конфликта, провести досрочные президентские выборы летом 1994 г. (На самом деле выборы состоялись в 1996 г., как и было первоначально запланировано). Но выборы в новый парламент – Государственную Думу и референдум по новой Конституции России состоялись уже в декабре 1993 г.

Конституция, наделявшая президента исключительными полномочиями за счёт других ветвей власти, прежде всего, Думы, была принята, но результаты референдума при этом почти наверняка были фальсифицированы. (Более 50% зарегистрированных избирателей просто не приняли участия в голосовании) (10). Тем не менее, принятая Конституция оставалась основным законом России и в 2000 г., когда Владимир Путин унаследовал суперпрезидентскую власть, созданную специально для Ельцина.

Шоком для Кремля и его сторонников на Западе стал факт внушительной победы оппозиционных партий над проельцинскими силами на парламентских выборах в декабре 1993 г. Спустя два месяца новая Дума приняла закон об амнистии, на основании которого Руцкой и Хасбулатов были освобождены из тюрьмы. В 1996 г. Руцкой был избран губернатором Курской области и в политическом отношении стал более лоялен к Ельцину. В 2000 г. он поддержал ельцинского преемника Путина, но чуть позже, по сомнительным, с точки зрения закона, причинам и, вероятно, не без поддержки Кремля, кандидатура Руцкого оказалась снята с перевыборной кампании в Курске. Хасбулатов, учёный-экономист по образованию, вернулся к своей профессии, но не оставлял надежд проявить себя на политическом поприще, на сей раз – в его родной Чечне, истерзанной неутихающим военным конфликтом. В 2000 г. он предложил себя в качестве альтернативного промосковского лидера Чечни, и Путин, похоже, не исключил полностью такую возможность.

Кровавые события, произошедшие в центре Москвы 3–4 октября 1993 г., – впервые с 1917 г. – и, особенно их последствия ещё долго будут волновать историков. Для одних совершенно очевидно, что, освободившись от сдерживающих его парламентских пут, Ельцин пошёл по пути ещё более фатальных ошибок, среди которых программа приватизации, породившая олигархическую собственность, первая (1994–1996 гг.) и вторая (1999–2000 гг.) чеченские войны. Кроме того, использование Ельциным силы в октябре 1993 г. привело к тому, что в своей политике он стал всё больше опираться на силовые структуры, особенно бывшего КГБ. Другие историки будут продолжать настаивать, что, выступив против парламента, Ельцин тем самым спас посткоммунистическую Россию от «красно-коричневой» чумы.

Между тем, сами русские не имеют точного представления даже о количестве жертв октябрьских событий. Ельцинское окружение сообщило о 150 убитых и 800–1 000 раненых. Сторонники поверженного парламента настаивают, что жертв

было намного больше. Антиельцинские силы продолжают чтить память «расстрелянного Белого дома и его защитников». Предложив объявить в 1999 г. импичмент президенту (впрочем, несостоявшийся), они внесли разгром парламента в список преступлений Ельцина. Более иронического взгляда на события придерживается одна моя знакомая: она сохранила свой «бесценный» приватизационный чек, отпечатанный в 1992 г., так как на нем изображён тот самый Белый дом, вскоре расстрелянный.

Так же, как и весь Запад и, особенно, Соединённые Штаты, большинство российских демократов поддержало использование Ельциным силы в борьбе против парламента, но некоторые из них вскоре признали, что это была «жесточкая ошибка» (11). В США подобных публичных признаний не было.

В своё время российские демократы, вставшие на сторону парламента, провозгласили: «Мы не забудем и не простим того, что делал Запад в эти страшные дни». Возможно, если бы американская политика содержала хотя бы намёк на сожаление, США могли бы рассчитывать на прощение. Однако, когда в июне 2000 г. Клинтон, приехавший в Москву для встречи с президентом Путиным, выступил перед российским парламентом, он даже не упомянул о событиях 1993 г. Дума отреагировала на речь американского президента довольно прохладно; многие депутаты, явно в знак протеста, даже не почтили заседание своим присутствием.

Рассчитывать на то, что американская официальная позиция в отношении событий октября 1993 г. изменится в ближайшем будущем, по-видимому, не приходится, и на то есть, как минимум, две причины. Новой американской администрации пришлось бы полностью отказаться от политики своей предшественницы, администрации Клинтона, оказавшей «полную поддержку» Ельцину и поздравившей его с победой после того, как он приказал стрелять из танков по парламенту.

Во-вторых, влиятельные американские газеты до сих пор характеризуют тот парламент не иначе как «откровенно мятежный российский законодательный орган», который поднял

«коммунистический мятеж», или «бунт против Кремля», и поэтому решение Ельцина применить танки «легко объяснимо».

В то же время, многие русские ещё долго будут помнить, как три недели спустя после беспрецедентного в новейшей европейской истории (не считая поджога германского рейхстага в 1933 г.) покушения на парламент американский госсекретарь приехал в Москву поздравить Россию с её «возрождением как демократической страны» (12).

ПРОВАЛ АМЕРИКАНСКОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Февраль 1994 г.

С посткоммунистической Россией связан самый крупный и, одновременно, самый предсказуемый провал внешней политики США конца XX века. Всё, чего мы желали для страны, имеющей столь большое значение для американской безопасности: демократия, процветающая экономика, прозападный политический истеблишмент, существенное сокращение ядерных вооружений и гарантия ядерной безопасности, — свелось на нет усилиями самого американского правительства.

Американские политики и учёные запоздало заговорили об этом провале, но и они ещё не имеют полного представления о его действительных масштабах и причинах. Вопросая «Кто потерял Россию?» и тыча друг в друга пальцами, рьяные приверженцы глубоко ошибочной политики, начатой при Буше в 1992 г. и получившей дальнейшее развитие при Клинтоне в 1993 г., утверждают, что эта политика провалилась, потому что Запад не обеспечил российских реформаторов достаточной и своевременной финансовой помощью. В своём самооправдании они не учитывают тех уроков, которые нужно обязательно извлечь и усвоить, если мы не хотим, чтобы американская неудача в России обернулась крупномасштабной катастрофой.

Ошибочной, как я неоднократно повторял, была уже сама базовая посылка американской политики, начиная с 1991 г.: о том, что США могут и должны вмешаться во внутренние дела России, для того, чтобы превратить её в американскую копию и послушного партнёра. Эта безумная миссионерская идея почти полностью противоречила российским традициям,

а также реалиям и возможностям сегодняшнего дня, и потому была контрпродуктивной.

Характерно, что Соединённые Штаты говорили российскому руководству во главе с Борисом Ельциным: если вы будете следовать нашим рецептам экономической реформы – «шоковой терапии», позволяющей сходу «прыгнуть» в капитализм, – и нашим советам в международных делах, мы дадим вам достаточную финансовую помощь, своих специалистов и место подле себя (или в нашей тени) на мировой арене. Руководствуясь своими причинами, Ельцин соглашался или делал вид, что согласился принять предложение, которое обе стороны тут же окрестили «дружбой и стратегическим партнёрством». Размахивая этим флагом, администрация Клинтона взялась за дело с ещё большим рвением, чем её предшественница, администрация Буша.

Подведём неутешительные итоги этой американской политики:

- Перспективы для мирного развития рынка и демократии в России сегодня хуже, чем они были два года назад, и гораздо хуже, чем они были всего лишь год назад, когда Клинтон пришёл к власти. Российская экономика находится сегодня в свободном падении, испытывая множественные кризисы производства, капиталовложений, потребления, рубля и др. Кроме того, с тех пор как прошлой осенью Ельцин уничтожил конституционный порядок в стране, у России нет реальной политической системы, если не считать попыток создать режим личной власти президента. В результате, антидемократические, военные и прочие силовые структуры играют сегодня гораздо большую роль во внутренних и внешних делах страны, чем это было год назад.
- Далека от американских предписаний оказалась и российская внешняя политика. Её противодействие как предполагаемому расширению НАТО на восток, так и западной

кампании против Сербии, – это лишь последние примеры, подтверждающие тот факт, что российская политика делается в Москве, а не в Вашингтоне. Между тем, почти ничего не было сделано, чтобы уменьшить реальную угрозу, исходящую от всевозможных ядерных объектов на территории бывшего СССР, – более реальную, чем при советском режиме. Ряд разрекламированных договоров по сокращению вооружений, например, так и не был ратифицирован.

- Что касается ставки, сделанной американцами на Ельцина как на популярную фигуру, удобный инструмент для достижения американских целей, то 85% граждан России, принявших участие в выборах в Государственную Думу в декабре 1993 г., проголосовали против его политики и его партии. И это при том, что Ельцин определял правила, контролировал телевидение и щедро платил своим сторонникам. Особенно прискорбно то, что в значительной мере этот антиельцинизм вызван протестом против американского вмешательства в российские дела, что проявлялось, в том числе, в различных жестах, которые делал «друг Билл» в пользу «друга Бориса».
- Несколько позже неосведомлённость американской администрации в российских делах привела к тому, что президент Клинтон поверил в «потёмкинскую деревню» – обещаниям, данным Ельциным на саммите в Москве. Анонсы по поводу состава и направления деятельности ельцинского кабинета были сразу же нарушены. «Прорыв» в деле убеждения Украины отказаться от ядерного оружия выглядел весьма сомнительно после того, как в Крыму был избран пророссийски настроенный президент, ратующий за присоединение черноморского побережья к России, и украино-российские отношения обострились. А в Беларуси, которую Клинтон посетил после

Москвы, прозападный президент оказался смещён сразу же после его отъезда.

- Наконец, в самих Соединённых Штатах администрация Клинтона породила такое множество иллюзий и ложных надежд, что это привело к антироссийской реакции в нашей собственной стране – прежде всего против продолжения помощи русским реформам. Закоренелые вояки времён «холодной войны» начали возводить свои баррикады. «Мы дали медведю попытку, – заявил в «Time» Чарльз Краутхаммер. – Она не сработала». Возможно, новая «холодная война» между Россией и Америкой ещё не маячит на горизонте, но «прохладный» или «холодный» мир сегодня более вероятен, чем провозглашённая «эпоха дружбы и партнерства». (Достаточно представить американскую реакцию в случае возникновения нового союза вокруг России из одной или нескольких бывших советских республик).

Но есть и более неприятная новость. Даже те, кто предупреждал об опасностях, таящихся в американской политике, не могли предвидеть, насколько глубоко клинтоновская администрация увязнет в болоте российской политики. Нам говорят, что Соединённые Штаты должны поддерживать Ельцина, потому что он – законно избранный российский президент. Но Клинтон и его ближайшие помощники пошли гораздо дальше. Превысив всякие нормы международных отношений, они стали группой поддержки Ельцина, его сообщниками и подельниками и тем самым втянули Америку в некоторые из его весьма сомнительных и даже безнравственных деяний.

Чтобы оценить степень и значение этого соучастия, нужно взглянуть на Ельцина глазами огромного большинства российских граждан. Для них он радикальный лидер, навязывающий сверху (старинная русская традиция) чрезвычайно радикальную политику, за которую они никогда не голосовали. Три чрезвычайных мероприятия Ельцина имели наиболее бо-

лезненные, шоковые последствия. В 1991 г. он внезапно упразднил СССР, единственную родину большинства россиян. (Мнение американцев здесь не в счёт). В 1992 г. он применил к экономике России «шоковую терапию», лишившую множество людей их кровных сбережений и достойного уровня жизни. И, наконец, в 1993 г. он сверг с помощью танков законно избранный парламент и весь посткоммунистический конституционный порядок, ранее представляемый гражданам как законный.

Неудивительно, что шоковый режим Ельцина породил, вместо «русского перехода», о котором столько трубили на Западе, поляризованное общество, отмечающее любые разновидности умеренности и центризма в политической жизни. Но экстремизм всегда порождает экстремизм. Недаром ельцинская политика привела к победе на думских выборах в декабре 1993 г. крайнего националиста Владимира Жириновского.

Давайте посмотрим теперь, какую роль сыграли американцы во всех этих событиях. Даже если исключить случаи прямого вмешательства, американское правительство бешено аплодировало факту уничтожения СССР, нисколько не заботясь о психологических, экономических и прочих последствиях этого события для рядовых граждан, включая опасность гражданских войн в ядерной войне. Когда «шоковая терапия» разоряла десятки миллионов россиян, наше правительство кричало: «Ещё!» и с презрением относилось к не «настоящим» реформаторам, коими считало всех экономистов-рыночников «не-ельцинского» толка. На закономерный рост парламентской оппозиции Ельцину в 1992–1993 гг. американская администрация отреагировала по-ельцински же, обозвав парламент «цитаделью красно-коричневой реакции». Российский процесс демократизации лишился тем самым двух самых важных вещей – влиятельного парламента и признанной оппозиции. Администрация Клинтона поддержала уже первую попытку Ельцина прикрыть парламент в марте 1993 г., а затем, не обращая внимания на стремление умеренных российских политиков предотвратить более серьёзное столкновение, громко приветствовала финальный, танковый акт трагедии – и, вместе с ним,

торжество российской антидемократической традиции неограниченной исполнительной власти. И вот теперь новая ельцинская «конституция», лишённая демократического принципа разделения властей, провозглашается американской администрацией «демократическим прорывом».

Могут ли быть после этого сомнения в том, что американская миссионерская политика, с таким энтузиазмом поддержанная Конгрессом, средствами массовой информации, академическими кругами, скомпрометировала, извратила и наши цели в России, и наши самые большие ценности? Крестовый поход за глобальное обустройство настоящего и будущего России (аналогичные планы строятся и насчёт Украины) должен рано или поздно закончиться. Что за политику мы будем проводить потом?

Ответ на этот вопрос нужно искать уже сегодня и не в Вашингтоне, международных финансовых организациях или американских университетах, а в самой России.

Истерзанная, поляризованная, разгневанная Россия нуждается в умеренных, постепенных, мирных реформах. Новые «шоковые» методы не способны привести ни к чему хорошему. Российские «умеренные» – «центристы», зажатые между Ельциным, крайними националистами и правоверными коммунистами, – ведут отчаянную борьбу за право консолидации в политическую силу, способную направить процесс реформ в нужное русло, с Ельциным во главе или без. Для того чтобы сделать это, их лидеры должны сначала преодолеть свои собственные разногласия, обиды и амбиции. Так, хотя недавнее заявление премьер-министра Виктора Черномырдина о необходимости соединения рыночной экономики с российскими особенностями и традициями и отражает философию всех центристов, другие «умеренные» (например, бывший глава Конституционного суда Валерий Зорькин) никак не могут простить ему проельцинской позиции во время октябрьских событий 1993 г.

Так или иначе, но подобный умеренный блок есть главная надежда России, вставшей на путь рыночных и демократи-

ческих реформ, даже если это не укладывается в американские представления о том, как нужно делать реформы. А раз так, то это главная надежда для Америки тоже, поскольку мы заинтересованы в том, чтобы Россия занималась прогрессивными реформами у себя дома, а не пыталась наверстать утраченную власть на мировой арене.

Но как отреагирует на центристскую оппозицию Ельцину администрация Клинтона, которая, несмотря на всю свою приверженность центризму в американских делах, не терпит «умеренности» в российской политике? Если она извлечёт правильные уроки из своих миссионерских провалов в России, то она придет к выводу, который я повторял неоднократно: у Соединённых Штатов нет ни права, ни мудрости, ни власти вмешиваться во внутренние дела России, и любые попытки сделать это вызовут ответную грозную реакцию. Следуя этому выводу, США должны отказаться от своего чрезмерного присутствия в России, прекратить свои догматические проповеди и долларový диктат и подтолкнуть Россию к поиску своего собственного пути, в рамках её условий и возможностей.

А когда (для пессимистов – если) русские найдут свой собственный путь, даже если он будет непохож на наш, Америка сможет предоставить им достаточную и достойную финансовую помощь. В противном случае, у Соединённых Штатов не останется ни друзей, ни партнеров в России после Ельцина.

*«Nation»,
28 февраля 1994 г.*

P.S.

Как я отмечал ранее, Украина в конце концов перевела свои запасы ядерного оружия в Россию, но отношения между этими крупнейшими из бывших советских республик всё ещё оставляют желать лучшего, и большинство других проблем, затронутых в статье, только обострилось.

Особая роль Владимира Жириновского в российской политике может служить ещё одним примером неверного освещения российской действительности в американских средствах массовой информации. После того, как его партия с совсем неподходящим названием «Либерально-демократическая» завоевала на парламентских выборах в декабре 1993 г. больше всех голосов (около 23%), эта демонстративно ультранационалистическая, даже квази-фашистская фигура оказалась в центре внимания Кремля, клинтоновской администрации и американской прессы. На Жириновского указывали как на пример того, что ждёт Россию и мир после Ельцина. Даже когда ЛДПР потеряла почти половину голосов своих избирателей на выборах в декабре 1995 г., её лидер продолжал играть роль пугала в американских репортажах, наряду с коммунистами, завоевавшими большинство в Думе.

На самом деле, после 1993 г. Жириновский и его партия почти по всем решающим вопросам становились на сторону Ельцина, включая поддержку его преемника Путина. В свою очередь, Кремль поддерживал Жириновского как фактор давления на электорат, предоставляя ему финансовую помощь и возможность выступления на подконтрольных Кремлю телевизионных каналах. Для сравнения: антидемократическая по определению, компартия по своему голосованию в Государственной Думе гораздо ближе к демократической партии «Яблоко» Григория Явлинского. Это ещё один пример того, насколько российские реалии не совпадают с упрощёнными американскими стереотипами.

«КТО ВИНОВАТ?»

Декабрь 1995 г.

За рамками репортажей в американской прессе остается сегодня один взрывоопасный вопрос российской политики. Это тот самый демонический вопрос, который с XIX века с завидной регулярностью встаёт перед Россией в несчастливые периоды её истории: «Кто виноват?» Возмущение и страсти, которые он каждый раз порождает, поляризуют политическую жизнь, втягивают страну в лихорадочный поиск «врагов народа» и способствует утверждению диктатур, которые обвиняют новых врагов в стране и за рубежом. И это может случиться вновь. Сегодня всё больше рядовых граждан, наряду с политиками и представителями интеллигенции, рассматривают то, что президент Ельцин и его западные сторонники в 1991 г. называли «радикальной реформой», как «криминальную революцию», а её вершителей призывают отстранить от власти и осудить.

Не следует думать, что этот призыв свести счёты всего лишь отголосок исторической традиции. Это реакция широких масс на современную политику и её последствия. Политика эта включает в себя внезапный и тайный акт ликвидации СССР в 1991 г.; экономическую «шоковую терапию», которая, как минимум, половину страны поставила на грань нищеты, начиная с 1992 г., и одновременно, дав толчок невиданной коррупции, позволила обогатиться 5–8% «новых русских»; разгром в 1993 г. всенародно избранного парламента, а вместе с ним и всего первого конституционного посткоммунистического режима; войну, начатую Ельциным против сепаратизма чеченской республики в 1994 г., унесшую десятки тысяч жизней (в том числе многих русских) и превратившую в руины некогда цветущую столицу Чечни – город Грозный.

Большинство западных комментаторов, очевидно, полагают, что всё вышеперечисленное было обусловлено необходимостью и сделано во благо, как твердит администрация Клинтона, и что лишь русские экстремисты могут думать иначе. Действительно, «непримиримая оппозиция», как называют обычно ультранационалистов и коммунистических фундаменталистов, всегда считала Ельцина агентом западных держав, замысливших в своё время развал Советского Союза, а теперь эксплуатирующих российскую экономику путём превращения её в сырьевой придаток и рынок сбыта товарных излишков. Для подобных оппозиционеров при Ельцине Россия была «убита, разграблена, изнасилована, унижена и растоптана».

Но знаменательно то, что подобные обвинения сегодня всё чаще находят отклик в среде трезво мыслящих российских политиков. Влиятельные антикоммунистические и демократические газеты, некогда всюду поддерживавшие Ельцина, сегодня называют его экономическую политику «преступлением против национальной безопасности страны», а ставшее результатом этого падение уровня жизни и ухудшение здоровья нации – «катастрофой», сопоставимой с военным временем. Они разоблачают коррупцию в исполнительной ветви власти, называют премьер-министра Виктора Черномырдина «главным мафиозо» и бичуют «преступную» чеченскую кампанию.

К примеру, «Общая газета», главный редактор которой был когда-то близким союзником Ельцина, вышла не так давно с двухстраничным заголовком: «Борис Ельцин виновен – перед законом, перед народом, перед историей». Чуть позже она процитировала одного близкого к кремлёвским кругам политика, якобы сказавшего о правительстве Ельцина: «Никто не избежит народной кары. Всех разграбивших Россию ждёт собственный нюрнбергский процесс».

Неудивительно, что, как я и предупреждал больше года назад, ельцинский режим стал бояться собственного народа и того дня, когда он может потерять власть. Никто из российских или советских лидеров никогда не оставлял свой пост

добровольно, и Ельцин, учитывая его «подвиги» перед страной, вряд ли собирался стать первым, во всяком случае, без гарантий безопасности после отставки. Управлявший в основном с помощью указов (только за один год он издал 2300 указов), часто шедших в разрез с резолюциями парламента и даже с Конституцией, и использовавший в 1993 г. танки, чтобы арестовать своих бывших сподвижников, Ельцин, лишившись власти, стал бы мишенью политики возмездия, которая неизбежно последует. И не только он один. Такая же опасность поджидает многих из его назначенцев и других слуг режима, а также ряд «олигархов» и прочих «новых русских», чересчур разбогатевших, благодаря щедрой раздаче государственной собственности и льготным лицензиям.

Вот почему ельцинские приспешники больше года обдумывали возможности отмены выборов, особенно президентских, назначенных на июнь 1996 г., и назначения преемника, повязанного с режимом «кровью и собственностью». (Многие российские аналитики полагали, что в качестве предлога будет выбрана война в Чечне). Учитывая плохое здоровье Ельцина и его рейтинги, не превышающие 10%, многое теперь может зависеть от лидеров оппозиционных партий. Недавно мне довелось интервьюировать ряд официальных кандидатов в президенты, чей политический диапазон колеблется от либерального демократа до коммуниста и националиста. Все они предупреждали об опасности повторения кровавого возмездия в истории России, но при этом ни один не исключил возможности «законного» пересмотра того, что случилось после 1991 г. И все, как один, беспокоились, что Кремль не даст провести президентские выборы в следующем году, во всяком случае, справедливые выборы.

Едва ли не единственной надеждой ельцинского режима выйти сухим из воды, то есть из власти, с выборами или без, могла стать порождённая им всепроникающая коррупция. Так много политиков и бюрократов разного толка погрязло в различных формах коррупции, что вряд ли кто из них желал установить прецедент наказания за злоупотребление властью.

Нынешняя Дума, например, решительно отказалась не только отменить, но даже уменьшить депутатскую неприкосновенность. (Не секрет, что многие кандидаты в депутаты стремятся получить заветные «корочки» именно для того, чтобы обрести защиту от судебного преследования).

Миллиарды долларов государственной собственности, розданные Кремлем горстке бывшей советской номенклатуры и новым капиталистам, также могут сыграть непредсказуемую роль. «Обделённые», поддерживающие ныне различные анти-ельцинские оппозиции, могут начать передел собственности в свою пользу. Однако, если при этом экономическое положение миллионов семей не улучшится, подобная кулуарная сделка способна только обострить пресловутый вопрос «Кто виноват?».

От окончательного ответа на этот вопрос зависит судьба России и мира. Администрация Клинтона, возможно, думает, что должна сделать всё, чтобы помочь своему «партнёру» Ельцину и его сторонникам остаться у власти. Многие русские политики и политологи убеждены, что США вновь, как и в декабре 1993 г., закроют глаза на любые нарушения в ходе избирательной кампании, вплоть до отмены выборов, если это сможет помочь Ельцину.

Однако, если американцы сделают это, они совершат большую ошибку. В условиях, когда фактически весь спектр российских политиков чувствует себя оскорбленным американскими планами расширения НАТО на восток и присутствием натовских военных на Балканах, даже молчаливая поддержка всякой попытки ельцинского режима избежать демократического суда может только осложнить российско-американские отношения.

Администрация Клинтона одобряет почти всё, что сделано Ельциным, на том основании, что он представляет реформу и стабильность в ядерной России. Но о какой стабильности можно вести речь, если произошедшие изменения ассоциируются у большинства граждан с преступлением и вызы-

вают к жизни проклятый вопрос? Единственная надежда, что на этот раз Россия будет решать, кто виноват, демократическим путем.

*Полный текст статьи,
опубликованной в «New York Times»,
11 декабря 1995 г.*

P.S.

После продолжительной борьбы внутри ельцинского окружения по поводу того, отменять или нет президентские выборы 1996 г., они всё же состоялись в срок, определённый Конституцией (13). В первом туре Ельцин и кандидат от компартии Геннадий Зюганов далеко оторвались от других претендентов, набрав соответственно 35,3% и 32% голосов. Второй тур Ельцин выиграл с перевесом в 13,5% (53,8% против 40,3%).

С учётом неограниченных, почти царских полномочий президента, вольного тратить на выборы любые деньги, назначать любых чиновников и контролировать национальное телевидение, эти выборы едва ли можно назвать «честными», но это всё равно лучше, чем отмена выборов. Никто из серьёзных обозревателей и не сомневался, что Ельцин победит, но многие подозревали, что перевес, достигнутый им в финальном туре, был преувеличен.

Однако, более важным для оценки политической культуры того времени является тот факт, что многие россияне, возможно, даже большинство из них, были убеждены, что Ельцин ни за что не оставит добровольно свой пост, даже если проиграет. Масла в огонь подлил сам Ельцин, заявивший группе западных наблюдателей: «Возможно, я и не выиграю эти выборы, но уж точно, не проиграю». Когда накануне решающего поединка я напрямую спросил об этом одного кремлёвского обитателя, он откровенно ответил: «Лучше борьба и даже гражданская война, чем снова коммунисты у власти» (14).

Администрация Клинтона, естественно, сделала всё возможное и невозможное, чтобы помочь Ельцину сохранить

власть. По её инициативе незадолго до выборов в Москве состоялся «саммит поддержки», а МВФ выделил дополнительный кредит в 10 миллиардов долларов. Кроме того, администрация выступила с оправданием продолжающейся чеченской войны, сравнив её с Гражданской войной в США, а Ельцина – с Линкольном, и направив в Москву своих военных экспертов. Посол США в Москве, Томас Пикеринг, даже попытался оказать давление на одного из соперников Ельцина в первом туре, Григория Явлинского, убеждая его отказаться от борьбы в пользу Ельцина (15).

Однако, как читатели могли догадаться, переизбрание Ельцина в 1996 г. не сняло вопроса «Кто виноват?» Попытка Думы объявить импичмент президенту провалилась, но проблема осталась и обострилась вновь, когда в западной прессе прошла информация о тайных банковских счетах Кремля и, возможно, самого Ельцина за рубежом. 90% россиян, опрошенных в конце 1999 г., не доверяли своему президенту, а 53% – желали бы видеть его на скамье подсудимых. Как во времена Сталина, на улицы вышли манифестанты с плакатами «Ельцин – враг народа» (16).

Страх расплаты продолжал расти в верхах и стал едва ли не определяющим фактором политики в 1999–2000 гг. (Всё больше высокопоставленных персон стремится обрести место в Государственной Думе, чтобы обезопасить себя от судебного преследования. Во всяком случае, на выборах 1999 г. таких персон было гораздо больше, чем в 1993 г. и в 1995 г). Ельцинское окружение очень надеялось, что нашло во Владимире Путине, главе бывшего КГБ, возобновившем войну в Чечне, того самого преемника, повязанного «кровью и собственностью», которого оно искало в 1995 г. Став президентом, Путин первым делом издал указ о невозможности судебного преследования в отношении Ельцина и даже привлечения его в суд для дачи свидетельских показаний (17).

Попытка Коммунистической партии через Думу наложить запрет на этот указ президента не удалась. Однако, в свете того, что случилось в 90-е гг., маловероятно, что это была

последняя попытка. И действительно в конце 2000 г. думские оппозиционеры направили запрос в Конституционный суд по поводу законности указа Путина, а сам Путин подвергся резкой критике за проект беспрецедентного закона, который гарантировал бы всем российским президентам – прошлым, настоящим и будущим – полную неприкосновенность от всякого рода преследования. Что касается администрации Клинтона, то, как было сказано, она поспешила поздравить Путина и Кремль с «демократической передачей власти».

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ИЛИ ТРАГЕДИЯ?

Декабрь 1996 г.

Отмечая сегодня пятую годовщину кончины Советского Союза, мы не слышим в американских комментариях по поводу этого события ничего или почти ничего о той подлинной национальной трагедии, которая разворачивалась в эти годы в России. Вместо этого нам твердят об успехах России в процессе «перехода к рыночной экономике и демократии», несмотря на некоторые «неровности пути». В доказательство приводят массовую приватизацию, появление финансовых рынков, низкую инфляцию, «стабилизацию», признаки наступающего экономического «взлёта», прошедшие в этом году президентские выборы, действующий парламент и «свободную прессу».

Мало кто из комментаторов может пояснить, что в действительности стоит за этими «достижениями». Что возникший в России частный сектор представлен в основном бывшими, но всё ещё действующими советскими монополиями во главе с бывшими же коммунистическими функционерами, составившими ядро полукриминального российского «бизнес-класса». Что рост инфляции сдерживается за счёт месяцами не выплачиваемых зарплат десяткам миллионов нуждающихся рабочих и служащих. Что экономический «бум» обещают уже многие годы, в то время, как экономика продолжает погружаться в депрессию сильнее и глубже той, что пережила Америка в 30-е гг. Что кампания перевыборов президента Ельцина была одной из наиболее коррумпированных в современной европейской истории. Что парламент не имеет реальной вла-

сти, а апелляционный суд почти полностью зависит от президента. И что честной конкуренцией и подлинной свободой не может похвастать ни российский рынок, ни российское телевидение, потому что и то, и другое контролируется теми же финансовыми олигархами, которые сидят нынче в Кремле и определяют политику ельцинского режима.

Однако, с точки зрения человеческого измерения, это всё не так важно. Важно то, что для огромного большинства российских семей нет никакого «перехода», а есть один сплошной крах жизненно важных вещей: от реальных зарплат, социальных гарантий и здравоохранения до уровня рождаемости и продолжительности жизни; от промышленного и сельскохозяйственного производства до образования, науки и культуры; от безопасности дорожного движения до борьбы с организованной преступностью и коррупцией; от вооруженных сил до ядерной безопасности. Такова действительность, лежащая в основе «реформы», которую американские комментаторы продолжают превозносить как единственно возможную и желанную.

Впрочем, отдельные фрагменты беспрецедентного, жестокого и губительного российского кризиса находят отражение в американских средствах массовой информации. Но нигде и никогда подлинные масштабы приватизации, обнищания населения, дезинтеграции среднего класса, губительные последствия чеченской войны 1994–1996 гг., а также коррупции и лжи в официальных органах власти не были показаны в полном объеме. Почему? Почему американские комментаторы не оплакивают сегодня бедственное положение русского народа, хотя делали это с завидной настойчивостью, когда речь шла о советском народе? У Соединённых Штатов тысячи специалистов по России. Почему лишь единицы из них пытаются говорить всю правду о постсоветской России? Почему вообще, несмотря на несравнимо больший доступ к информации, большинство репортеров, учёных и специалистов говорят нам сегодня о России меньше, чем тогда, когда она была частью Советского Союза?

Причин, по-видимому, несколько, и все они больше связаны с американской действительностью, чем с российской.

Как и во времена «холодной войны», большинство американских комментаторов сегодня мыслит (или говорит) в параметрах официальной вашингтонской политики по отношению к России. А базовыми предпосылками политики Вашингтона, начиная с 1991 г., были российский «переход» к капитализму и «стратегическая» роль США в этом процессе.

Американские бизнесмены, крупные фонды, представители академической среды, связанные с Россией, тоже имеют свой интерес в «переходе». Для американского бизнеса это обещание прибыли; для фондов – расширение границ их деятельности; для учёных – новая парадигма («транзитология»), сулящая гранты, позиции, контракты. Столкнувшись с фактом, что результаты российского «перехода» всё больше расходятся с их ожиданиями, американцы предпочли клеймить «наследие коммунизма», а не собственные рецепты, либо надеяться на то, что «дикий» капитализм в конце концов перерастет в цивилизованный, как это случилось в Америке, забывая, что Россия – не Америка.

Иными словами, американцы вновь увидели в России то, что они хотели там видеть. На сей раз это был якобы счастливый итог окончания советского коммунизма и нашей «великой победы» в «холодной войне». Кто из нас, из тех, кому этот итог кажется сомнительным; кто полагает, что мир стал менее безопасным из-за всего, что произошло в бывшем СССР после 1991 г.; кто уверен, что рядовые российские граждане (даже пресловутый коммунистический электорат) оказались обречены на чрезмерные и несправедливые страдания; кто понимает, что были менее дорогостоящие и более гуманные способы реформирования России, нежели навязанная Ельцину «шоковая терапия», – кто из нас не желал бы сказать всё это публично, не боясь быть обвиненным в ностальгии по Советскому Союзу или даже в симпатиях к коммунизму? Эпоха маккартизма давно миновала, но не исчезла привычка клеймить тех, кто бросает вызов господству той или иной ортодоксии в российском вопросе. А предполагаемый «переход к рыночной экономике и демократии» и есть сегодняшняя ортодоксия.

Но так ли это важно, что говорят сегодня американцы о России? Возможно, те из нас, кому не нравится миссионерская политика клинтоновской администрации и её настойчивое стремление удержать Россию «в рамках курса», хотели бы, чтобы Америка говорила и вмешивалась меньше. Но в одном отношении американские комментаторы имеют, безусловно, большое значение. Когда-нибудь сегодняшние российские дети спросят, как вела себя Америка, что она чувствовала и говорила в эти трагические для их отцов и дедов времена. И от того, что они услышат в ответ, во многом будет зависеть, как они будут строить свои отношения с нашими детьми и внуками.

*«Nation», 30 декабря
1996 г.*

P.S.

Эта статья, главная мысль которой легла в основу и получила дальнейшее развитие в первой части данной книги, возможно, самая известная (чаще всего перепечатывалась) и самая спорная из всех, написанных мною в 90-е гг. Реакция была широкая и бурная: посыпались статьи и письма и электронные сообщения в адрес редакции и мне лично.

Много было одобрительных и даже восторженных откликов, но не меньше было и критики. Часть негативных откликов, естественно, сводилась к неубиенной логике: тот, кто критикует американскую политику, ельцинское руководство и российский «переход», тот сторонник вчерашнего Советского Союза и сегодняшней коммунистической партии (18). Другие абсолютно не понимали, как можно «приготовить омлет, не разбив яиц».

Наиболее интересные выражения, однако, были высказаны профессионалами, теми, кто принял непосредственное участие в «переходе» и искренне верил в него. Так, одна англоязычная газета, издаваемая в Москве проельцински настроенными экспатриантами, опубликовала целых два редакционных

отклика на мою статью в одном выпуске (19). Я расценил это тогда не только как знак внимания, но и как показатель того, что редакция этой газеты уже предчувствовала близкий крах своей идеи, даже несмотря на только что прошедшие пере-выборы Ельцина и относительно стабильную финансовую ситуацию.

Но самое большое впечатление на меня произвёл один ночной телефонный звонок, нашедший меня в Москве сразу после публикации статьи в «Nation». Звонивший, чиновник средней руки, работавший в европейском отделении МВФ, желал поговорить конфиденциально. Как он объяснил, он взялся за труд разыскать меня, чтобы выразить благодарность: «Вы написали то, что было очень нужно сказать, но ни я, ни мои коллеги сказать не могли». Он сказал также, что распространил копии моей статьи в МВФ и Всемирном банке.

Мне было очень лестно узнать из первых рук, что у меня и других критиков американской политики в отношении России есть сочувствующие в официальных структурах, но беспокоило то, что среди них нет и, по всей видимости, ещё долго не будет желающих сказать это вслух. Их молчание напомнило мне тех многочисленных «скрытых» диссидентов в среде бывшей советской и партийной бюрократии, которых я знал когда-то, но у тех, по крайней мере, были для этого серьёзные причины.

ДРУГАЯ РОССИЯ

Август 1997 г.

Всякий, кто думает, что пропаганда в советском стиле есть дело давно минувших дней, должен обязательно посетить Москву этим летом 1997 г. В июле значительная часть «свободной прессы», контролируемая Кремлем и олигархами, воспользовалась первой годовщиной перевыборов президента Ельцина, чтобы отпраздновать «успехи» его правления, особенно с тех пор, как он благополучно вернулся к должности после операции на сердце, перенесённой им несколько месяцев назад.

Среди официально провозглашённых достижений «стабилизации» было то, что Ельцин вновь обрёл «молодой задор» в политике, а Россия – свой «статус великой державы» на Западе, иллюстрацией чего можно считать «нормализацию отношений с НАТО» и участие Ельцина в майском саммите «семёрки» (теперь номинально «восьмёрки») в Денвере. Но самым поразительным утверждением было то, что российская экономика, после шести лет потрясений и кризисов, находится, оказывается, на пути к возрождению. Как заявил в своём радиообращении к нации президент Ельцин, «ход событий изменился, падение прекратилось».

За три недели пребывания в Москве мы не обнаружили почти ничего из того, что могло бы подтвердить эти заявления кремлёвской администрации, нашедшие затем отражение в заявлениях американской администрации и в американской прессе. Все политики, с которыми мы встречались, – либерального, коммунистического, националистического толка, по условной классификации западной прессы, – в один голос твердили, что сегодняшняя хрупкая политическая стабильность России

держится, по большей части, на фигуре Ельцина, но никто не знает, как долго ещё он сможет пребывать у власти, каково реальное состояние его здоровья. Мало кто верил официальным сообщениям на этот счёт, зато многие полагали, что его приступ «усталости» в Денвере на самом деле был признаком нового ухудшения его состояния. Да и нынешний затянувшийся «отпуск» президента, в свете предыдущих случаев его отсутствия в Кремле, выглядит скорее как медицинская реабилитация, нежели как просто отдых, несмотря на все сказки о его рыбацких подвигах. И скандальное (даже по российским меркам) назначение советником президента его дочери, Татьяны Дьяченко, только усилило общественные подозрения в том, что Ельцин находится в почти полной зависимости от узкого круга его персональных ставленников, возглавляемых ныне первым заместителем премьер-министра Анатолием Чубайсом.

Что касается отношений России с Западом, то большинство её экспертов по международным отношениям говорит не о нормализации, а о надвигающемся кризисе. Они называют символическим факт отсутствия российского президента на июльском саммите НАТО в Мадриде, где президент Украины Леонид Кучма подписал широко разрекламированное соглашение с североатлантическим альянсом. Не склонны они недооценивать и заявления американских официальных лиц о том, что экспансия НАТО на восток только начинается и что двери открыты в бывшую советскую Прибалтику – Литву, Эстонию и Латвию, – шаг, вызывающий стойкое сопротивление Москвы. Даже сторонники Ельцина в России уверены, что настоящий конфликт с НАТО и, следовательно, с США ещё впереди.

Самая же большая ложь для большинства россиян заключается в том, что страна находится на пороге экономического бума. Повторяющих это утверждение западных наблюдателей, возможно, мог сбить с толка особый статус российской столицы (дальше которой они обычно не ездят). Действительно, в Москве сейчас больше «Мерседесов», чем в любом другом городе мира, и быстрыми темпами идёт процесс формирования новой знати. Строятся новые сверкающие здания и реставри-

руются старинные особняки, в которых затем размещаются крупные банки, многочисленные представительства транснациональных корпораций и элитное, хорошо охраняемое жильё для новых русских богачей. Появилось множество «западных» кафе и магазинов, в которых эти «новые русские» оставляют за один раз многомесячную зарплату рядового гражданина. Благодаря иностранным инвесторам, жаждущим выгодных сделок в России, возросла роль московского фондового рынка, ещё недавно ничего из себя не представлявшего в экономическом отношении. Между тем, преобразование внешнего облика города во многом связано ещё с одной причиной – грядущим 850-летием Москвы. Правда, размах, с которым идёт подготовка к этому мероприятию, совсем в духе советской традиции, объясняется в меньшей степени заботой о городских нуждах, а в большей – политическими амбициями мэра Москвы Юрия Лужкова, называемого иногда «московским Муссолини».

Впрочем, подавляющее большинство россиян не видит в основе московской экономики ничего, кроме беспредельной коррупции. С благословения олигархов, заправляющих в политике и финансах, многочисленные акты присвоения, конфискации и слияния бывшей советской государственной собственности подаются под видом «рыночной приватизации». (В статье, опубликованной в июле в «New York Times» и посвящённой созданию, путём слияния, крупнейшего российского инвестиционного банка, даже не было упомянуто, что стоявший за сделкой финансист, в прошлом – заместитель министра ельцинского правительства, разыскивается по обвинению в растрате 500 млн. долларов из госбюджета). Достаточно сказать, что ежегодное бегство капитала (порядка 24 млрд. долларов, даже по оценкам российского правительства, которое само этому способствует) превышает все зарубежные инвестиции и кредиты, вместе взятые, включая полученные от МВФ и Всемирного банка.

Но какими бы ни были объяснения, Москва остается островком относительного процветания (или «воровской вотчины», как её ещё называют) на фоне общенационального упадка.

В столице сконцентрировалась бо́льшая часть приватизированных и накопленных в 90-е гг. богатств, а также 80% всех инвестиций в экономику России. Остальная часть страны бьётся

в сетях тяжелейшего в истории XX века кризиса, и это подтверждает даже официальная статистика. Падение производства составило с 1991 г. 50% и всё ещё продолжается. Безработица к началу будущего года составит не менее 10%. Размеры капиталовложений уменьшились за прошлый год на 18%, а за первый квартал этого года – ещё на 8%.

Разговаривая с русскими, живущими в провинции, мы не встретили никого, кто наблюдал бы хоть какие-то признаки улучшения ситуации. Напротив, люди с отчаянием говорили об «умирающей нации»: замерших заводах, пришедших в упадок фермах, загрязнённых реках, недоедающих детях, крахе образования и здравоохранения. По данным официальной статистики, не меньше 25–30% российских граждан живут в самой настоящей бедности, но даже эти цифры не дают представления о том, что в огромной современной стране XX век сменился XIX-ым, массы людей вынуждены вести натуральное хозяйство, выращивая на крошечных огородиках то, что им нужно для выживания, и не имея возможности всё это купить.

О стабильности в провинции речь тоже не идёт. Десятки миллионов граждан, в том числе рабочие, учителя, врачи и военные, месяцами не получают зарплату. В некоторых регионах, где ситуация особенно отчаянная, наблюдается рост гражданского неповиновения и протеста, пусть эпизодического, но столь драматического свойства, что невольно вызывает в памяти недавние события в Албании. В Кузбассе шахтёры, протестуя против невыплаты зарплаты, пригрозили применить оружие. На Дальнем Востоке рабочие и пенсионеры перекрыли железнодорожные магистрали и мосты, а жены не получающих зарплату офицеров парализовали деятельность военной авиабазы, перегородив своими телами взлётные полосы. Рабочие верфи по ремонту ядерных подлодок опечатали верфь, захватили в заложники директора и удерживали до тех пор, пока из

Москвы не пришли деньги. Учителя и врачи города Кимры оккупировали здание муниципалитета и заблокировали в нём чиновников, пока те не пообещали выплатить недополученные зарплаты и пособия.

В данный контекст вполне укладывается и призрак военного «мятежа», неожиданно возникший внутри самого ельцинского лагеря. Оставшееся фактически незамеченным в американской прессе, «дело Рохлина» летом этого года потрясло Москву. В открытом письме Главнокомандующему, разосланном им в гарнизоны по всей стране и затем опубликованном в оппозиционной прессе, генерал Лев Рохлин обвинил Ельцина в том, что он окружил себя вконец коррумпированными советниками, намеренно развалил армию и оборонный комплекс, предал национальные интересы России, согласился с экспансией НАТО и, значит, с американским «диктатом», навязывающим Европе политический и военный порядок.

Подобные обвинения уже давно выдвигались коммунистами и радикальными националистами, но Рохлин – это было другое дело. Один из руководителей российской армии при Ельцине, он был избран в Думу от основной проправительственной партии и возглавил в ней комитет по делам вооружённых сил. Два положения его письма, в этой связи, заслуживают особого внимания. Ельцин, писал он, намеренно разорял армию в пользу внутренних войск, которые намеревался использовать как преторианскую гвардию в случае народных волнений. «Россия превращается в полицейское государство», – предупреждал он. И призвал военных «сомкнуть ряды» и защитить себя от ельцинского правительства.

Письмо произвело эффект разорвавшейся бомбы. Кремль был близок к панике. Окружение Ельцина сравнило письмо Рохлина с «подстрекательской» коммунистической агитацией в армии в революционном 1917 г., а президент немедленно выступил по национальному телевидению с обещанием выплатить военным все задолженности по денежному содержанию до сентября. (В начале июля правительству удалось выплатить задолженности по пенсиям, но чиновники признались, что не

представляют, как государство на грани банкротства сможет выплатить все задолженности по зарплате, ещё меньше – будущие жалования и пенсии). На фоне всех разговоров Кремля о стабильности, его тревога в этом случае выглядит вполне объяснимой. В одном недавнем исследовании отмечалось, что 60% российских экспертов по военным делам считают, что переворот, мятеж или полный распад армии возможны в течение 18 месяцев. Правда, некоторые высокопоставленные политические деятели заметили в кулуарах, что если опираться на сравнительные политологические критерии, российские военные должны были бы взять власть ещё 2–3 года назад.

В свете всего вышесказанного возникает вопрос: могло ли воссозданное Ельциным правительство «младореформаторов» во главе с А. Чубайсом и Б. Немцовым, на полном серьёзе затевать новый раунд «шоковой терапии», на сей раз за счёт отмены льгот на жильё и коммунальные удобства? «Ещё одна доза этой так называемой “терапии”, – предупреждал бывший президент СССР Михаил Горбачёв во время встречи в своём фонде, – способна вызвать социальный взрыв. Люди не получают свои зарплаты, а правительство собирается поднять им плату за жильё! О чём оно думает?».

Объяснения по Москве ходили самые разные. Одно из них предполагало, что «молодые волки», пребывающие у власти, действительно верят в свой радикальный монетаризм, в то, что «шок» даст начало росту, или в то, что они должны соблюдать все условия МВФ и тогда получают необходимые кредиты. Другое широко распространённое мнение, подпитываемое угрозой Ельцина вынести тело Ленина из Мавзолея, а урны с прахом более 200 советских деятелей – из кремлёвской стены, заключалось в том, что Ельцин якобы хочет спровоцировать новое противостояние с коммунистическим парламентом осенью этого года, с последующим роспуском Думы и установлением преторианского режима, как и предупреждал Рохлин. Существовало даже мнение, что все разговоры о «дальнейших реформах» есть не что иное, как камуфляж, прикрытие последнего передела государственной собственности, после которого олигархи и их капиталы окончательно скроются на Западе. (По

свидетельству московской прессы, многие высокопоставленные государственные чиновники и другие влиятельные лица уже обезопасили своих детей, отправив их учиться в зарубежные школы).

Многие сторонники Ельцина на Западе могут возмутиться, услышав последнее обвинение, но их герой и *de facto* глава российского правительства Анатолий Чубайс уже оказался в центре финансового скандала. (На самом деле, затеянная Немцовым кампания по борьбе с коррупцией вряд ли имеет под собой серьёзные основания, во всяком случае, в Москве в это никто не верит). 1 июня «Известия», наиболее авторитетная и в целом прокремлёвская газета, сообщили, что Чубайс получил беспроцентный кредит в 3 млн. долларов в одном ведущем банке, которому он, в свою очередь, помог приобрести контроль над одной крупной нефтяной кампанией. Кроме того, существуют подозрения, которые сейчас проверяются параллельно в Москве и Вашингтоне, что Чубайс мог присвоить деньги, переводимые американским Агентством международного развития через Гарвардский университет для сети созданных им центров приватизации. Если уж сам Чубайс, творец приватизации и святой покровитель правящей в России политико-финансовой олигархии, не может чувствовать себя в безопасности, то что говорить о других членах ельцинского режима?

И если они всё-таки ощущают себя безнаказанными, то это благодаря отсутствию в России действенной оппозиции. Коммунистическая партия, которая остается самой крупной и хорошо организованной партией в стране, испытывая сильное давление радикальных элементов, выступила недавно с призывом провести осенью общероссийскую «политическую забастовку». Многие обозреватели, однако, сомневаются, что у компартии достанет решимости довести дело до конца. Её лидер, Геннадий Зюганов, проигравший в 1996 г. президентские выборы Борису Ельцину, уже несколько раз срывал в парламенте голосование по вопросу недоверия правительству, усиленно лоббируемое лидерами двух других, меньших и не схожих между собой, оппозиционных партий в Думе – либе-

ральным демократом Григорием Явлинским и националистом Сергеем Бабуриным. Вне пределов московского политического истеблишмента серьёзные оппозиционные фигуры тоже пока не наблюдаются. Грозный бас генерала Александра Лебеда оказался в значительной степени приглушен телевизионным замалчиванием, а лидеры профсоюзов, похоже, не хотят мобилизовать своих членов.

Опыт других стран показывает, что в условиях кризиса новые лидеры появляются часто только под давлением отчаянных обстоятельств. Будущие российские лидеры, возможно, уже возникли где-то в далекой провинции – в местном профсоюзе, политическом движении или даже военном гарнизоне – но мы и вся страна ещё об этом не знаем. Однако, может быть и так, что сегодняшняя оппозиция, так же как и Кремль, просто боится своего народа, который, по всем оценкам, живёт сегодня хуже, чем до 1991 г. Широко распространённые сравнения с 1917 г. или Албанией делаются скорее ради политического эффекта, чем действительно принимаются в расчет. В то же время в политических кругах ощущается серьёзное беспокойство, что «бесконечное» терпение русского народа на самом деле имеет свой предел, и когда он наступит, никто не сможет удержать ситуацию под контролем. Во всяком случае, весьма показательно, что сегодня, когда все московские политические силы уже ведут подготовку к следующим парламентским и президентским выборам, намеченным соответственно на 1999 и 2000 гг., никто опять не уверен, состоятся ли они в срок и состоятся ли вообще.

*В соавторстве с Кампиной
ван ден Хювель, «Nation»,
11 и 18 августа 1997 г.*

P.S.

В июле 1998 г. генерал Рохлин, чья политическая популярность продолжала расти, был убит в своём доме при обстоя-

тельстввах, до сих пор во многом неясных. Власти обвинили в убийстве его жену (она сначала дала признательные показания, но затем быстро от них отказалась и с тех пор настаивала на своей невинности) и арестовали её. В январе 2000 г., в соответствии с российским законодательством, её выпустили из тюрьмы до суда, который состоялся девять месяцев спустя. В ноябре 2000 г. Тамара Рохлина была признана виновной и приговорена к 8 годам заключения (чуть позже срок был сокращён до 4 лет). Несмотря на это, некоторые русские до сих пор уверены, что жену генерала подставили и что его смерть была политическим убийством.

Мятежа в армии не произошло, хотя некоторые российские аналитики полагали, что генералы могли бы сделать это, если бы Кремль попытался отобрать у них возможность полной победы в новой чеченской войне, которая началась в 1999 г. Стоит также отметить, что семь административных округов, созданных президентом Путиным в мае 2000 г. для контроля за руководителями 89 российских регионов, точно соответствуют границам военных округов. Движение в поддержку армии, созданное Рохлиным, после его смерти сблизилось с компартией и во время выборов в декабре 1999 г. не сумело набрать достаточно голосов избирателей, чтобы создать свою фракцию в Государственной Думе.

Финансовые скандалы вокруг фигуры Чубайса и его команды в конце концов привели к его отставке с высокого политического поста (20), но Ельцин тут же назначил его руководителем одной из крупнейших (и богатейших) государственных монополий – электрической, и на время Чубайс сохранил своё влияние в Кремле. Как и стоило предполагать, в 1999 г. Чубайс и другие «либеральные» реформаторы активно поддерживали нового премьер-министра, бывшего главу КГБ и будущего президента России, Владимира Путина. Несмотря ни на что, многие наблюдатели в США до сих пор считают Чубайса «образцом» реформатора для России и надеются на его возвращение к власти. Политическая коалиция, которую он создал вместе с другими «младореформаторами» перед парла-

ментскими выборами 1999 г., «Союз правых сил», получила поддержку президента Путина (наряду с прокремлёвским «Единством») и 8,5% избирателей, чего вполне хватило, чтобы войти в новую Думу.

Молодой генерал в отставке Александр Лебедь, пришедший третьим к финишу президентской гонки 1996 г. и поддержавший во втором туре Ельцина, получил пост главы Совета национальной безопасности и в этом качестве вёл переговоры об окончании первой чеченской войны. Однако неумеренные амбиции генерала вынудили его вскоре расстаться с Кремлем (или Кремль – с ним). В 1998 г. Лебедь был избран губернатором Красноярского края. Однако, несмотря на по-прежнему ограниченный доступ на общенациональное телевидение и видимое падение популярности, Лебедь остаётся значительной политической фигурой.

После 1997 г. на политическом небосклоне России появились два новых национальных лидера: Примаков и Путин. Их появление было вызвано определёнными обстоятельствами, но непосредственным автором обоих стал Ельцин. К тому же ни тот, ни другой не имели отношения к провинции. Провинциальные губернаторы играли большую роль в национальной политике, но в основном на заднем плане, формируя блоки поддержки различных московских политиков, таких как Зюганов, Примаков, Путин и мэр Лужков. В 1999–2000 гг. большинство из них примкнуло к Путину.

То, что экономическая «стабилизация» была псевдостабилизацией, о чём мы писали в этой августовской статье 1997 года, подтвердил российский финансовый кризис, разразившийся год спустя. Уровень жизни вновь резко упал. Даже в «потёмкинской деревне» под названием Москва число людей, живущих в бедности, составило 50%. Что касается «последнего передела госсобственности», то, по мнению многих российских политиков и комментаторов, всерьёз он начался в 1999 г. Это можно было объяснить как стремлением накопить необходимые суммы для избирательной кампании президента в марте 2000 г., так и желанием «хапнуть» в последний раз, в случае если Ельцин и его окружение должны будут покинуть

Кремль, — или и тем, и другим вместе.

Ельцин всё-таки покинул Кремль, но тело Ленина осталось на своём месте: в Мавзолее на Красной площади. Путин, принявший ряд советских символов и заключивший альянс с коммунистами в Думе, по всей видимости, не собирается исполнить неоднократную угрозу своего предшественника и выносить тело из Мавзолея.

РЕФОРМА ЛИ ЭТО?

Сентябрь 1998 г.

Никогда ещё, пожалуй, американские представления о России не были столь беспомощны и опасны, в смысле расхождения с действительностью, как в эти дни, когда экономический кризис в России вышел из-под контроля. Зациклившись на пресловутом «переходе от коммунизма к рыночному капитализму», почти все американские правительственные, информационные и академические, источники строят свои комментарии по поводу событий в России на двух глубоко ошибочных посылах: что проблема состоит, по сути, в «финансовом кризисе» и что исцеление – в более быстром и решительном применении политики «реформ», проводимой президентом Ельциным с 1992 г.

Принимать российскую агонию за разновидность «азиатского гриппа», то есть полагать, что речь идёт о том, чтобы просто слегка укрепить пошатнувшиеся фондовый рынок, банковскую систему и национальную валюту за счёт девальвации рубля и помощи Запада, а также более строгого контроля за распределением бюджетных средств и сбором налогов, – это всё равно, что переставлять стулья на палубе «Титаника». Главная проблема России состоит в том, что в ней происходит беспрецедентная, всеохватная экономическая катастрофа: в мирное время, в течение почти семи лет идёт процесс неуклонного разрушения. ВВП сократился, как минимум, на 50%, а по некоторым оценкам, даже на 83%, капиталовложения – на 80%, а численность мясного и молочного скота – на 75%. Если не считать энергии, страна почти ничего не производит; большинство потребительских товаров, особенно в крупных городах, – импортного производства.

Катастрофа эта – экономическая, а значит, и социальная – настолько велика, что приходится говорить о ещё одном беспрецедентном явлении: подлинной демодернизации страны XX века. Когда происходит распад всех возможных инфраструктур: производства, технологии, науки, транспорта, отопления и канализации; когда десятки миллионов людей не получают причитающуюся им зарплату; когда почти 75% общества живёт на уровне прожиточного минимума или ниже, а миллионы людей попросту голодают; когда продолжительность жизни мужского населения упала до 58 лет, недоедание стало нормой для детей школьного возраста; когда болезни, с которыми, казалось, было покончено, вновь становятся эпидемиями, а от социальных гарантий остались одни воспоминания; когда интеллигенты с высшим образованием вынуждены сами вырашивать себе пищу, чтобы выжить, а более половины экономических сделок в стране происходит по бартеру – вот когда можно действительно говорить о «переходе» – трагическом переходе назад, в предшествующую модернизации эпоху.

Даже если бы каким-то чудесным образом завтра удалось возобновить экономический рост, России понадобились бы десятки лет, чтобы наверстать потерянное в 90-е гг., а вернуть миллионам людей отнятые у них «переходом» годы жизни уже не сможет никто. Характерно, что тщательное статистическое исследование профессора Стивена Шенфилда из Брауновского университета показывает, что впереди Россию ждёт, возможно, ещё более крупная и более безвыходная экономическая и социальная катастрофа.

Так почему же американские комментаторы называют всё это «реформой»? В России, естественно, о реформах уже не говорят, если не считать проклятий в адрес Ельцина и его политики, особенно той, что осуществлялась с подачи клинтовой администрации. Российские экономисты и политики всех мастей сегодня судорожно пытаются сформулировать альтернативную экономическую политику, которая могла бы спасти их нацию. При этом явно более привлекательным для них является «новый курс» Рузвельта, нежели неолиберальные

монетаристские ортодоксии американского госдепартамента и казначейства, МВФ, Всемирного банка и множества западных советников, сделавших так много для сегодняшнего российского положения.

Но всё это не мешает президенту Клинтону, когда он приедет в Москву в сентябре 1998 г., публично заявить президенту Ельцину (как он делал это не раз и как сделал это вице-президент Гор во время визита в Москву): «Держитесь курса!». Для большинства россиян это будет означать, что Америка приветствует то, что случилось с их страной и ей нет никакого дела до их поломанных жизней.

*«Nation»,
7–14 сентября 1998 г.*

P.S.

В 2000 г., как было сказано в первой части этой книги, большинство американских чиновников, журналистов, инвесторов и учёных продолжало считать, что проводимая Ельциным с американской помощью экономическая политика является единственной реальной программой реформ для посткоммунистической России. Отсюда их сетования на то, что Россия «не придерживается курса», и надежды, что всё это будет исправлено при Путине. В самой же России фактически не осталось людей, верящих в эту политику. Между тем, демодернизация страны, утрата того, что было достигнуто в XX веке, продолжается, как продолжают и трагические гуманитарные последствия «реформ».

«КТО ПРОИГРАЛ РОССИЮ?»

1998—2000 гг.

С тех пор, как правительство США начало свой крестовый поход за превращение России в копию американской системы, оставалось лишь ждать, когда эта миссионерская затея приведёт к катастрофе и всеобщему воплю: «Кто проиграл Россию?». То, что это мероприятие оборачивается катастрофой, было ясно с самого начала, но американцы поняли это и стали показывать друг на друга пальцами в поисках виновных только после московского финансового обвала в августе–сентябре 1998 г.

Но и тогда вопрос возник не как попытка понять, почему всё так произошло и в чём ошибка американской политики, а по другим, эгоистическим мотивам, имеющим, к тому же, опасные последствия. Это уже было пятьдесят лет назад, когда американские политики и пресса настойчиво желали знать: «Кто проиграл Китай?». Для тех, кто забыл: тогда всё закончилось разгулом маккартизма и застоём в политической жизни.

Поэтому вопрос о России должен найти разумный ответ как можно раньше, до того, как он станет смертоносным, с политической точки зрения. Крах ельцинизма – особенно опустошительной экономической политики, основанной на «шоковой терапии» и монетаристских методах, – был также и крахом российской политики администрации Клинтона, как бы упорно она (администрация) не отказывалась это признать.

Но это не значит, что администрация или Соединённые Штаты «проиграли» Россию. Если понимать под этим растраченные возможности для российской демократии, экономического процветания и социального благосостояния, то это скорее президент Ельцин и его «радикальные реформаторы»

проиграли Россию. Никто и ничто не заставляло их навязывать своему народу глупые и догматические предписания американского руководства, несмотря на предостережения лучших российских экономистов. Неудивительно, что большинство российских граждан сегодня бросает гневные взгляды в сторону Кремля, задавая свой «проклятый» вопрос: «Кто виноват?» – и вопрос этот звучит всё громче и требовательнее.

Но Америке тоже есть что терять в России, и это «что-то» не менее важное – её моральная репутация. Почти десять лет американское правительство, во имя сомнительной экономической догмы и так называемых ельцинских «реформ», закрывало глаза на страдания подавляющего большинства русского народа, качество и сама продолжительность жизни которого неумолимо падали год от года. Возможно, Ельцин и проиграл Россию, но мы можем проиграть там свою душу.

Есть кое-что и для «реалистов», далёких от моральных соображений в международных делах. Политика Клинтона в отношении России и политика Ельцина привели к тому, что международная и американская безопасность оказалась под большой угрозой. Впервые в истории страна, имеющая огромные запасы ядерного оружия, топлива, реакторов и прочих смертоносных вещей, оказалась в глубочайшем кризисе, а её экономические, социальные, административные и политические структуры – на разных стадиях распада. Если этот процесс продолжится – а вместе с ним неизбежно продолжится кризис российской ядерной безопасности – мы столкнёмся с беспрецедентно опасной ситуацией. Угроза, реально исходящая сегодня из России, давно превысила ту, что существовала в относительно стабильную и понятную эпоху «холодной войны». Однако этот факт администрация Клинтона также отказывается признавать.

На самом деле, у американской администрации была реальная возможность изменить ход вещей – в 1998–1999 гг., но она не воспользовалась ею. Почти полный крах, постигший российскую финансовую систему летом 1998 г., заставил Ельцина отправить в отставку последний из его кабинетов «моло-

дых радикальных реформаторов» во главе с неопытным и некомпетентным Сергеем Кириенко. (Некоторые американские официальные лица и комментаторы, правда, назвали его «лучшим российским правительством», возможно, потому что оно находилось под сильным влиянием их любимцев – «младореформаторов» Гайдара и Чубайса, которые, потеряв уважение и доверие в России, были вынуждены уйти за сцену).

На место Кириенко Ельцин сначала попытался вернуть бывшего премьер-министра Виктора Черномырдина, ещё одного дискредитировавшего себя политика, которого американская администрация когда-то прочила в российские президенты, но получил отпор в Думе. Понимая, что нынешний кризис и отсутствие заслуживающих доверия альтернатив представляют угрозу его собственному положению, Ельцин решил обратиться к фигуре человека, не связанного ни с провальной экономической политикой последнего кабинета, ни с финансовыми олигархами. Им стал 68-летний Евгений Примаков, занимавший в своё время высокий пост в перестроечном правительстве Горбачёва, а затем, при Ельцине, возглавлявший внешнюю разведку и внешнеполитическое ведомство.

Страна, доставшаяся Примакову, билась в сетях жестокого экономического кризиса. Семь лет депрессии, даже без учёта августовского краха 1998 г., вдвое сократили ВВП, разрушили основы системы жизнеобеспечения, обанкротили государство и «повесили» на него 168 миллиардов долларов внешнего долга. Около 75% россиян проживало за чертой бедности или непосредственно перед ней, хронически не получало зарплату, его банковские сбережения были заморожены, имеющиеся на руках деньги обесценились, а от советской системы социальных гарантий почти ничего не осталось. Страна утонула в коррупции, преступности, болезнях, пьянстве и преждевременной смертности.

Неудивительно, что, став премьер-министром в сентябре 1998 г., Примаков направил основные усилия на то, чтобы помочь людям, смягчить негативные последствия кризиса, приостановить бегство капиталов (24 млрд. долларов в год) за

рубеж, возродить национальное производство и стабилизировать положение в стране. О «монетаризме» и «радикальной реформе» речи не шло. Центрист по натуре, он сформировал коалиционный кабинет, в состав которого вошли как коммунисты, так и антикоммунисты (последние были представлены членом либеральной партии «Яблоко»). После торжествовавшей столько лет политики конфликта и принуждения Примаков предпочёл искать консенсусные пути для преодоления национального кризиса.

Кабинет министров Примакова оказался первым за весь период ельцинского правления, начиная с 1992 г., который получил поддержку большинства в парламенте. Опираясь на эту поддержку, Примаков предложил, в дополнение к своим экономическим инициативам, начать борьбу с коррупцией в высших эшелонах власти и с этой целью разобраться в делах пресловутых олигархов, создать широкую центристскую коалицию для противостояния растущему экстремизму как справа, так и слева, гарантировать проведение в срок очередных выборов президента и обеспечить непопулярному и постоянно критикуемому Ельцину неприкосновенность личности после того, как срок его полномочий подойдет к концу. В итоге, в начале 1999 г. Примаков стал самой популярной политической фигурой в стране.

Для администрации Клинтона премьерство Примакова представляло реальную возможность дать новый старт американо-российским отношениям. Это был шанс помочь ядерной стране обрести стабильность, реабилитировать репутацию США в ней и обеспечить себе партнёров на пост-ельцинский период. Администрация этого не сделала. Мало того, как раз тогда, когда Примаков летел в Вашингтон, совершая свой первый официальный визит с момента вступления в должность, силы НАТО начали бомбить Сербию, дружественную России славянскую республику, и российский премьер был вынужден вернуться домой.

В истории отношений клинтоновской администрации с правительством Примакова нет полной ясности, но похоже,

что у нового российского премьер-министра в Вашингтоне (и в американской прессе) врагов не меньше, чем в Москве. Американские официальные лица не любят его за дружбу с Саддамом Хуссейном, идущую ещё из тех времён, когда Примаков в качестве арабиста и советского корреспондента работал на Ближнем Востоке, за связи, которые он поэтому должен был иметь с КГБ, и за то, что он всегда лоялен к Горбачёву (21).

Однако, больше всего, похоже, Вашингтон пугает тот факт, что Примаков, которого «долгое время не принимали в расчёт» (как выразился о нём один американский источник), якобы возглавил «коммунистическое правительство», – утверждение, абсолютно не соответствующее действительности, но усиленно пропагандируемое отставленными «радикал-реформаторами» в Москве и рядом влиятельных чиновников и журналистов в США. Будь это так, приход к власти в России подобного правительства не только стал бы «самым страшным сном клинтоновской администрации» и сделал бы более драматическим провал американской политики, но и заметно усложнил бы шансы вице-президента Гора на президентских выборах в 2000 г. (22).

Как бы то ни было, американская администрация отнеслась к Примакову весьма прохладно и приложила, по-видимому, все усилия, чтобы ускорить его отставку, что Ельцин и сделал в мае 1999 г. В частности, Вашингтон, всегда с готовностью осуществлявший финансовую поддержку российских правительств при Ельцине, – даже того, которое затеяло кровопролитную первую чеченскую войну 1994–1996 гг., – Примакову в подобных просьбах отказал. Официальная причина, привычно подхваченная американскими печатными изданиями, была – «отказ от реформ». На самом деле, кабинет Примакова отказался от так называемого «свободного рынка» и монетаристской политики, которые вот уже шесть лет были неременными условиями для получения Россией помощи, не потому, что был против реформы или против рынка как таковых, а потому что именно эти меры во многом способствовали российскому экономическому коллапсу. В поисках путей выхода из

ситуации и спасения своего народа, правительство Примакова решило обратиться к политике государственного регулирования и сокращения расходов, близкой антикризисным реформам Франклина Рузвельта.

Но даже эта откровенная апелляция к американскому опыту не смогла смягчить жёсткой позиции администрации Клинтона. По-видимому, два коммуниста в правительстве значили для неё гораздо больше, чем страдания миллионов людей. Столь же малопонятным выглядит и утверждение администрации, что любая новая финансовая помощь России будет обязательно разворована, хотя воровства и некомпетентности хватало и в предыдущих правительствах американских протее – «радикальных реформаторов». Напротив, в отличие от них, команда Примакова ни в чём подобном не была замечена. (Стоит ли удивляться, что после отстранения Примакова МВФ решил предоставить кредиты Кремлю?).

Обстоятельства отставки Примакова, совпавшей по времени с натовскими бомбардировками Сербии, испортили американскую репутацию в России ещё больше. Учитывая, что большинство граждан в России и фактически вся политическая элита были до предела возмущены бомбардировками, Примаков с его популярностью и большим международным опытом имел все шансы стать идеальным главой правительства в условиях самой жёсткой конфронтации с Западом.

Однако Ельцин вдруг назначил своим личным представителем в зоне конфликта американского любимца Черномырдина, а спустя месяц сместил Примакова с поста премьер-министра и заменил его Сергеем Степашиным. Степашин, чьей главной заслугой была верность Ельцину в различных политических обстоятельствах, включая чеченскую войну 1994–1996 гг., сделал карьеру в Министерстве внутренних дел, где дослужился до генерала. Накануне попытки импичмента, которая лишь чудом не удалась, Ельцин явно чувствовал необходимость обезопасить себя, и премьер-преторианец казался ему в этом плане более надёжным, чем премьер с большим полити-

ческим и дипломатическим опытом, пользующийся к тому же поддержкой народа и большинства парламента (23).

Что касается Черномырдина, то его удивительное посредничество в югославских делах, благодаря которому американский альянс сумел достичь своих главных военных целей – капитуляции югославского президента Слободана Милошевича и оккупации Косово силами НАТО – без потерь и значительных уступок, шокировало многих россиян. Этот «балканский Мюнхен» (24) ещё более усилил подозрения в зловещей роли Вашингтона в делах Кремля и несчастьях страны.

Тем не менее, как показали события с мая 1999 г. до весны 2000 г., клинтоновская администрация явно полагала, что антипримаковская политика оправдала себя. Но что она дала российской реформе или Соединённым Штатам? Примаков выражал собой надежду на гражданский мир, социальную справедливость и стабильность в России. После его отставки последовали гражданская война, интриги олигархов и политика, построенная на общественных страхах.

За отстранением Примакова в России стояли влиятельные силы, которым был нужен такой премьер-министр (и временно преемник Ельцина), который смог бы защитить их и их интересы, – преторианец, или русский Пиночет, как говорили в Москве и как признался в своих мемуарах полтора года спустя сам Ельцин (25). Ельцин, кстати, по каким-то причинам, не доверял обещанию Примакова гарантировать иммунитет президента после истечения срока его полномочий – несмотря на соответствующие решения парламента. Российских финансовых олигархов, которые, в свете недавних скандалов с отмыванием денег, уже не могли рассчитывать на безопасное убежище на Западе, страшило обещание Примакова начать расследование их приватизационных дел. «Молодые радикал-реформаторы» ненавидели его за отказ осуществлять навязанную ими стране «шоковую терапию». Все они являлись, по сути, союзниками клинтоновской администрации в 1999–2000 гг. (Легко понять, почему Березовский и другие олигархи предпочли бы

видеть новым президентом США нынешнего вице-президента Альберта Гора).

Страх являлся определяющим в поведении Ельцина и его окружения, называемого мафиозным термином «Семья». Вскоре они пришли к выводу, что даже генерал Степашин, политически конфликтная фигура, «слишком мягок» и «недостаточно решителен» для них. В августе 1999 г., меньше чем через три месяца со дня назначения, они сместили Степашина со своего поста и назначили премьер-министром бесконфликтного, но практически неизвестного Владимира Путина, перед этим возглавлявшего бывший КГБ. В своих мемуарах, вышедших только в конце 2000 г., Ельцин признается, что выбрал Путина в качестве возможного наследника ещё до назначения Степашина и что на него произвели особое впечатление путинская лояльность и решимость, с которой тот защищал «бывшего босса», обвинённого в коррупции.

Кадровый офицер госбезопасности, Путин ушёл в отставку в 1991 г., после чего его деятельность была связана с двумя видными политическими фигурами (оба впоследствии оказались под подозрением в коррупции), пока в июле 1998 г. Ельцин не назначил его главой службы безопасности. В отличие от Примакова, премьер-министр Путин (как и ранее Степашин) получил безоговорочную поддержку президента Клинтона. Создавалось впечатление, что в Вашингтоне тоже предпочитают русского Пиночета русскому Рузвельту.

Между тем, в Москве готовилось кое-что похуже кровопролития, учинённого в Чили Пиночетом, и по сравнению с чем Примаков и его политика будут вскоре выглядеть «продемократическими». Уже в марте 1999 г. – в противовес более поздним официальным заявлениям о том, что это было сделано лишь в ответ на провокации, имевшие место в августе–сентябре, – Кремль начал тайную подготовку к возобновлению военной кампании в Чечне (26). (В Москве полагали, по-видимому, что продолжающаяся война НАТО против Югославии служит законным основанием для подобных планов) То, что последовало за этим, можно было бы назвать «мошеннической

войной» («wag-the-dog war», по аналогии с известным в России американским фильмом, где для того, чтобы сделать «проходной» кандидатуру президента, понадобилась «маленькая победоносная война»), нацеленной на то, чтобы привести в Кремль выбранного Ельциным преемника. «Это война не за Кавказ, а за Кремль, – говорили русские. – Победа позволит кремлёвскому кандидату [Путину] стать президентом, а правящему клану клептократов удержаться у власти» (27).

Первоначально планировалось оккупировать только северную часть Чечни, пограничную с Россией. Но трагические и до сих пор загадочные события, произошедшие в августе–сентябре: не характерный для чеченцев партизанский рейд в соседний Дагестан и особенно беспрецедентные ночные взрывы жилых домов в Москве и других городах, – накалили атмосферу настолько, что позволили развернуть в Чечне широкомасштабные военные действия, с тем чтобы навязать ей промосковский режим.

Безжалостная война против чеченских «бандитов и террористов» («будем мочить их в сортире!») была центральным пунктом избирательной кампании Путина, обеспечившим ему сначала одобрение в парламенте в декабре 1999 г., а затем победу на выборах в марте 2000 г. (При этом экономическая программа нового президента так и осталась загадкой для избирателей). Умело играя на страхе, охватившем общество после взрывов домов, и растущем стремлении к «порядку», стоявшие за Путиным силы быстро превратили его в самого популярного политика в России, вытеснив престарелого Примакова. Впрочем, учитывая, что в их распоряжении были общенациональные средства массовой информации и особенно телевидение, это было нетрудно сделать.

Имеющая ощутимый привкус крови, стратегия вполне оправдала себя уже в декабре, позволив начать осуществление сценария в полном объёме. Пропутинская «партия», наспех сколоченная накануне парламентских выборов, получила 23% голосов, почти догнав прежнего лидера – компартию. Убедившись, что у его рукотворного преемника есть все шансы

выиграть президентские выборы, Ельцин (добровольно или под нажимом) внезапно заявил о своей отставке.

В соответствии с Конституцией, это делало премьер-министра Путина исполняющим обязанности президента со всеми его царскими полномочиями и автоматически передвигало срок президентских выборов с июня 2000 г. на март, когда общественная поддержка войны в Чечне ещё не успеет ослабеть. В тот же день Путин издал указ, гарантирующий Ельцину полную неприкосновенность и защиту от всякого рода преследования. Три месяца спустя человек, ещё недавно фактически никому не известный, получил в руки суперпрезидентскую власть, созданную в 1993 г. специально для Ельцина, победившего на выборах своего коммунистического соперника Геннадия Зюганова.

Таков был тщательно продуманный ход событий, который администрация Клинтона и многие американские журналисты и учёные приветствовали как «первый в истории демократический переход власти» в России. Поддержав утверждение администрации о том, что её крестовый поход и российский «переход» получили уверенные шансы на продолжение, потому что Путин является «ведущим реформатором», один заслуженный историк заверил читателей «Wall Street Journal», что Ельцину удалось найти «преемника-единомышленника» и поставить многообещающую точку в конце собственной эпохи (28).

Перемены начались почти сразу же.

В декабре 1999 г. американские наблюдатели приветствовали успех путинской партии на парламентских выборах как долгожданный антикоммунистический прорыв, который должен привести к более «радикальной реформе». Однако уже в январе они явились свидетелями сделки, заключенной Путиным с коммунистами в Думе в ущерб интересам американских любимчиков-«либералов». Даже обычно заносчивые американские газеты были вынуждены заняться явно не свойственным им делом – самокритикой. «Неожиданная сделка... – признавали они, – говорит о том, что вместо центристского парламента, появление которого многие предрекали после декабрьских

выборов, к господству в Думе, скорее всего, вновь вернуться коммунисты, теперь в союзе с путинской партией» (29). Это не было похоже на то, что американцы ожидали, провозглашая «многообещающий» конец ельцинской эпохи. Победа Путина на выборах вовсе не была «передачей власти», тем более «демократической». По мнению ряда обозревателей в России и в США, она включала элементы государственного переворота и советских «безальтернативных выборов», задуманных и организованных, чтобы обеспечить сохранение власти в руках ельцинского кремлёвского окружения и не допустить передачи её «чужаку». Одним словом, процесс этот не был «ни свободным, ни справедливым». (В сентябре 2000 г. газета «Moscow Times» опубликовала результаты полугодового расследования, из которых следовало, что «фальсификация» сыграла «решающую» роль в мартовской победе Путина на выборах) (30).

По сути, многие аспекты прихода Путина к власти для российского демократического процесса были шагом назад. Один российский ученый из демократического лагеря указывал, что в деле назначения собственного преемника у Ельцина была «абсолютная» власть – более «абсолютная», чем у любого советского лидера. Кроме того, как отмечает ряд обозревателей, кремлёвское грубое манипулирование средствами информации подрывало и без того дискредитированную идею и роль «свободной прессы». Двух российских комментаторов (журналиста и специалиста по конституционному праву) особенно встревожил тот факт, что назначение Путина наследником было встречено в обществе с «покорным согласием» и забытым советским, ещё догорбачёвским «одобрям-с» (31).

И что ещё хуже, новая чеченская война Кремля 1999–2000 гг. оказалась существенным фактором, способствовавшим возвышению Путина и приходу его к власти. Положим, решение администрации Клинтона полностью или частично закрыть глаза на кремлёвские беззакония в маленькой кавказской провинции можно объяснить политикой. Но ведь то же самое делали учёные и журналисты (по крайней мере, до середины 2000 г., когда большинство из них отвернулось от Путина

в связи с его поведением в деле о «независимой прессе» и трагедии подлодки «Курск»). Так, корреспондент «New York Times» охарактеризовал возобновление кровопролития в Чечне как «первую российскую действительно демократическую войну», а известный историк из Беркли заявил, что её «главная причина заключается в том, что русские хотят иметь сильное реформаторское правительство». Что касается фигуры главнокомандующего, ещё один западный журналист написал, что всё больше убеждается в том, что в Путине «Россия обрела гуманную версию Петра I» (32).

Иного мнения придерживались российские демократы, во всяком случае, некоторые из них, такие как вдова Андрея Сахарова Елена Боннэр. Для неё беспорядочные бомбардировки российской армией чеченских городов и сел, приводящие к тысячам жертв, разрушенная до основания столица Чечни – Грозный и почти 300 тыс. беженцев являются проявлением «геноцида» и «преступления против человечества». Международные организации по правам человека также обвинили Кремль в «военных преступлениях» (33).

Злодеяния Москвы не могут быть оправданы ни тем, что Чечня – российская территория, ни тем, что Москва имеет право вести борьбу с террористами, ни популярностью войны среди российских избирателей. Они ничем не лучше действий югославского президента Слободана Милошевича в Косово – сравнение, которое напрашивается само собой, – а возможно, и много хуже. «Реформой», во всяком случае, их никак не назовёшь.

Последствия чеченской кампании Кремля продолжали сказываться и после избрания Путина. Несмотря на разрушения, причинённые Москвой, и неоднократные заявления о победе, война продолжается, только теперь в условиях, гораздо более выгодных для чеченских боевиков. Продолжает расти роль военных и сил безопасности в российской политической жизни. Политически оправданный, но исторически нетипичный (КГБ и армия никогда не были настоящими союзниками)

альянс Путина с армейскими генералами, жаждущими мести за унижение 1996 г., – только один пример.

Кроме того, когда станет ясно, что война не может быть выиграна на московских условиях, общественная поддержка прекратится, и Россия останется наедине со своими проклятыми вопросами. Кто, спросят её, и зачем второй раз за 5 лет послал тысячи молодых, необученных солдат умирать и калечиться в Чечню? Кто будет отвечать за гибель русских стариков, не сумевших убежать из Грозного? И даже (вопрос, который уже прозвучал) кто на самом деле заложил в московские дома гексоген, взрыв которого стал сигналом к началу кровопролития в Чечне? (34). В русской истории подобные вопросы о преступлениях власти звучали не раз, но приводили они чаще всего не к появлению законов, ограничивающих произвол, а лишь к глубокому расколу в обществе.

Всё вышесказанное имеет непосредственное отношение к «демократическому переходу» власти к Путину и к тому, что за этим стояло. Не нужно обязательно разделять широко распространённую точку зрения, что с приходом Путина к власти вновь вернётся КГБ и Россия превратится в полицейское государство, чтобы понять, что это событие имеет особое историческое и политическое значение (35).

Впервые в многовековой российской истории полицейского произвола кадровый офицер тайной полиции занял пост верховного руководителя страны. В своё время, после 20-летнего сталинского полицейского террора советская элита решила, что ни один кадровый офицер КГБ никогда не будет руководить страной, и это неукоснительно выполнялось. (Юрий Андропов, бывший советским лидером короткое время с 1982 г. по 1984 г., прежде возглавлял КГБ, но он не сделал карьеру в этом ведомстве, он был лишь партийный чиновник и заранее оставил свой пост, чтобы сменить умершего Брежнева) (36).

Почему же посткоммунистическая «демократическая» элита решила прервать эту царскую и советскую традицию? Как поведал читателям один московский информированный источник, «случайный приход» Путина не был случайным.

Предопределяющими стали две характерные черты социально-экономической реальности 90-х гг.: разграбление кучкой близких к Кремлю людей крупнейших богатств страны и, одновременно, обнищание, полное или частичное, большинства их сограждан. В связи с этим на передний план вышли и приняли беспрецедентно острую форму ещё две традиционных для России вещи: пресловутый вопрос «Кто виноват?» и страх пополам с презрением в отношении московской элиты к своему народу. Отсюда необходимость президента преторианского типа, способного использовать «тоталитарную силу» (как заявил один олигарх), если понадобится защитить тех, кто привёл его к власти (37).

Это означает, однако, что «путинизм» должен обязательно стать «высшей и последней стадией грабительского капитализма в России» (38). Ещё довольно молодой человек, Путин вполне может проявиться с другой стороны, неожиданной для его создателей. История знает немало политических лидеров, переступавших через себя ради интересов нации.

После формальной инаугурации в мае 2000 г. Путин начал править Россией, как послушный преемник и защитник прав олигархов. Ельцин получил иммунитет, олигархи – приостановку большинства расследований в отношении их деятельности. Но вскоре оказалось, что сложившаяся ситуация далеко не стабильна и, возможно, носит временный характер. В течение второй половины 2000 г. Путин явно колебался между предоставлением олигархам так чаемой ими амнистии и стремлением начать новые расследования по поводу их приватизационных сделок, финансовых операций и уклонения от уплаты налогов. Как действия будут развиваться дальше, какие последствия оно будет иметь для страны и Путина лично, пока неизвестно.

Что касается администрации Клинтона, то она заявила, и это заявление было немедленно подхвачено рядом учёных и журналистов, что победа Путина на выборах была победой американских целей и российско-американских отношений.

Если так, то речь идёт о странном образом изменившихся целях и отношениях.

В 1999–2000 гг. в Москве почти никто не сомневался, что путинские «антизападные инсинуации» носили популистский характер и были одним из решающих факторов его прихода к власти (39). Но и на деле сегодня мало что осталось, если осталось вообще, от российско-американской «дружбы и стратегического партнёрства», столь широко декларируемых в 90-е гг. И хотя Путин быстро составил расписание встреч на высшем уровне с западными лидерами, включая встречу с президентом Клинтоном в Москве в июне 2000 г., а Дума наконец ратифицировала договор ОСВ-2, подобные шаги были в порядке вещей и во время «холодной войны».

Более существенно то, что приход Путина к власти обнажил одну из ложных посылок американской политики. Российские «либеральные» ценности и их носители из числа политического бомонда, которых администрация США поддерживала на протяжении всех 90-х гг., продемонстрировали ей свою иную сущность. Будучи уверены (как и бизнесмены и даже часть интеллектуалов), что осуществилась «их мечта о русском Пиночете», «молодые радикал-реформаторы» – Анатолий Чубайс, Борис Немцов, Сергей Кириенко – с готовностью сплотились вокруг Путина и его чеченской войны (40). Даже неизменные сторонники вынуждены были признать, что их герои самым противоестественным образом бросились «в объятия военного национализма... усилив политическое влияние армии и разведывательных структур» (41).

Между тем, администрация Клинтона по-прежнему продолжает рисковать потерять в России если не душу Америки, то её репутацию наверняка. Признав Путина так поспешно и некритически, правительство США подкинуло российским оппозиционным демократам ещё один вопрос: «Чем Путин так полюбился американским лидерам?» (Эти чувства продолжались до сентября 2000 г., когда американцы окончательно убедились в том, что Путин «не Борис»). По мере того, как нарастал (во всяком случае, так казалось) энтузиазм американской

администрации по поводу продолжения «демократического перехода» после Ельцина, ответ становился всё более очевидным: «Запад прельщает перспектива русского Пиночета, способного гарантировать права западных инвесторов в России» (42).

Все эти факторы, лежащие в основе феномена Путина, от разграбления и обнищания страны до войны, требований «твёрдой руки» и антиамериканизма, были логическими, а не «противоестественными» последствиями «великого перехода». Таким образом, американский крестовый поход за изменение чужой цивилизации закончился катастрофой в посткоммунистической России и «холодным миром», или, что звучит ещё хуже, отношениями США с охваченной кризисом ядерной страной.

Часть III

На пути к новой
российской политике

Опыт 90-х гг. убедительно показывает, что по настоящему успешное возрождение нашей Родины не может быть достигнуто без чрезмерных издержек простым переносом заимствованных из иностранных учебников абстрактных моделей и схем на российскую почву... Россия не скоро станет, если вообще когда-нибудь станет вторым изданием, скажем, Соединённых Штатов или Англии.

*Президент России
Владимир Путин (1)*

Только с наступлением ночи сова Минервы
расправляет крылья

Гегель

Соединённые Штаты отчаянно нуждаются в новой и фундаментально иной политике по отношению к посткоммунистической России. Вдохновлявшаяся миссионерскими идеалами политика 1990-х гг. не достигла ни одной из принципиальных целей. Став не только крупнейшим провалом со времён войны во Вьетнаме, она ещё и способствовала появлению, в итоге, новых, беспрецедентных угроз и опасностей. На пороге двадцать первого века Россия, американо-российские отношения и международная ядерная безопасность находятся в значительно худшем положении, чем десять лет назад.

Выработать новую политику будет непросто. Для этого потребуется пересмотр взглядов на посткоммунистическую Россию, а также президент, который захочет и сможет обеспечить этому процессу необходимую поддержку, начав с того, что скажет правду о том, как в действительности обстоит дело с Россией и американо-российскими отношениями. Существовавшие, но упущенные возможности делают значительно более трудным достижение значимых для США целей, чем это было

в начале 90-х гг. Более того, легионы защитников провалившегося крестового похода в Россию в правительстве, в академическом мире и средствах массовой информации будут продолжать противиться каким-либо фундаментальным изменениям. Перед тем, как обратиться к сущности новой российской политики США, необходим обзор пагубных последствий прежней – в особенности той, которая проводилась в годы администрации Клинтона.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОШИБКА АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ

Принимая во внимание стремительность распада огромного советского государства в декабре 1991г., преобладающим стремлением Америки должна была стать Россия, достаточно стабильная для того, чтобы контролировать и обслуживать свои оставшиеся от холодной войны гигантские арсеналы ядерного и другого оружия массового уничтожения. «Если положение в России дестабилизируется, – напомнило нам однажды одно из ведущих должностных лиц администрации Клинтона, – то цена этого для Соединённых Штатов окажется неизмеримо большей, чем всё, что мы можем представить себе в настоящий момент» (2).

Когда в январе 1993 г. администрация Клинтона приступила к исполнению своих обязанностей, ей досталась в наследство историческая возможность предотвратить подобное развитие событий в посткоммунистической России. Разумеется, наилучшим методом была бы щедрая американская поддержка для укрепления и расширения демократии и, равным образом, для рыночных экономических реформ, начатых последним советским президентом Михаилом Горбачёвым, и провозглашённых новым российским президентом Борисом Ельциным. Белому Дому достался в наследство и шанс развить уникальные отношения сотрудничества между Россией и Америкой, которые начали складываться при Горбачёве и президентах Рейгане и Буше, превратить их в долговременное и, как неоднократно заверяла администрация, «стратегическое партнёрство и дружбу», что радикально уменьшило бы, если вообще не устранило, главные ядерные угрозы.

Вместо этого, действуя миссионерским и контрпродуктивным способом, который администрация Клинтона избрала для воплощения в жизнь этих исторических возможностей, она растратила их. По-прежнему обладая всеми средствами массового уничтожения, Россия, как известно читателю, вступила в XXI век в состоянии глубокой нестабильности – политической, экономической, социальной, военной и даже территориальной, а её отношения с США характеризуются всё большей враждебностью.

В любой стране существенным условием стабильности является достаточная степень общего экономического и социального благополучия. Несмотря на многообещающие, но в действительности, по-видимому, скромные цифры роста промышленного производства, который стал возможным в результате высоких мировых цен на добываемую в стране нефть, а также обесценения рубля и, следовательно, увеличения конкурентоспособности выпускаемых товаров, Россия в 2000 году оставалась в тисках тяжелейшего в своём роде, беспрецедентного в истории кризиса и гуманитарной катастрофы. Бегство капитала в этот период даже усилилось. Инфраструктура и другие компоненты, необходимые для минимально достойной жизни, находились в состоянии прогрессирующей дезинтеграции. Реальная зарплата в конце 2000 г. была на 20% ниже, чем в 1997 г. На Дальнем Востоке десятки тысяч людей, включая учителей и врачей, вообще не получали зарплаты, а их дома не отапливались. Смертность среди россиян (в основном преждевременная) в 2 раза превысила рождаемость. По мнению ведущих медиков, страна находилась «на грани демографической катастрофы».

Очевидная причина заключалась в том, что в 2000 г. большинство граждан России жило в нищете. Согласно официальной статистике, в бедности проживало около 40% россиян. Но на самом деле их доля достигала, по крайней мере, 50%. По сведениям же нескольких заслуживающих доверия московских газет, эта цифра возможно составляет от 85 до 90%. Учитывая противоречия в цифрах, резонным представляется допущение,

что примерно от 75 до 80% населения России сейчас располагают доходами не превышающими, либо едва превышающими минимальный прожиточный минимум. Так, в ходе проводившегося общенационального обследования только 14% опрошенных заявили, что могут позволить себе необходимое лечение и медицинское обслуживание. Вне зависимости от точности конкретных цифр, газетная статья указывает на важную примету дня: «Народ нищает на глазах» (3).

Как может показаться на первый взгляд, процесс демократизации в посткоммунистической России сейчас находится в лучшем состоянии, чем её экономика и благосостояние народа; демократия выглядит даже упрочившейся. Многочисленные защитники этой поверхностной точки зрения говорят о том, что в декабре 1999 г. состоялись очередные парламентские выборы, а в марте 2000 г. – президентские, как это и предусмотрено Конституцией. В средствах массовой информации, добавляют они, широко представлены противоположные оценки и мнения, на общенациональных, региональных и местных выборах кандидаты соперничают за голоса избирателей, а гражданам предоставлена свобода собраний и организаций, а также свобода совершать заграничные поездки.

Однако, это далеко не вся правда. России сегодня присущи элементы демократии, но демократической системы у неё нет. В числе её необходимых, но отсутствующих элементов – Конституция, которая обеспечила бы разумное разделение и баланс властей; наличие реальных, если не считать коммунистов, общенациональных партий; обеспеченное верховенство конституционного, гражданского и уголовного права; серьёзное намерение правящих элит обуздать систематическую коррупцию на высшем уровне и другие должностные преступления, не говоря о наказании виновных; а также гарантии элементарных прав человека, которые в широких масштабах нарушаются повсюду: от московских улиц и российских тюрем до Чечни. (Российские правозащитники, ныне, по словам их лидера, «рассматриваются как главные внутренние враги страны») (4).

Более того, как легко увидеть, существующие элементы демократии, бо́льшая часть которых является плодом правления не Ельцина, а Горбачёва, постоянно ограничиваются. Общенациональное телевидение и газеты, которые практически полностью контролируются Кремлём и немногими преследующими свои цели финансовыми олигархами, сейчас менее свободны и объективны, чем несколько лет назад, а центральные и региональные власти удваивают усилия по подавлению независимой журналистики. Политическая роль военных и сил безопасности сейчас больше, чем когда-либо после 1991 г. и проявляется, в том числе, в форме поддержанной Кремлём избирательной активности на региональном уровне. Местные начальники всё увеличивают свою власть над гражданами. Рабочих систематически лишают элементарных прав. Парламент менее независим, чем раньше, и всё ещё находится в тени исполнительной власти с её указами. Что же касается общенациональных выборов 1999 и 2000 гг., то они были менее честными, чем предшествовавшие, а их результаты, возможно, ещё более фальсифицированными (5).

Повторим снова: регресс, проявившийся в этих авторитарных тенденциях, не означает ни превращения посткоммунистической России в полицейское государство, ни неизбежного развития событий по веймарскому образцу с соскальзыванием в новый тоталитаризм, как этого опасаются некоторые в Москве. (Один московский знакомый в отчаянии полагал, что единственный выбор на президентских выборах в марте 2000 г. был «между главой компартии и бывшим главой КГБ». И, конечно, коммунистический кандидат призывал своих избирателей голосовать «не за КГБ, а за КПСС»). Но это действительно позволяет понять, почему столь многие демократически настроенные русские – реально существующие, а не назначенные на эту роль правительством США – говорят теперь об «управляемой демократии», в которой «демократические учреждения существуют, но результатом их деятельности является лишь то, что нужно государству», а также о «демократии без альтернатив» и «псевдодемократии» (6).

Наиболее важным продуктом управляемой политической системы, призванной исключить реальные альтернативы, стал, конечно же, «феномен Путина»: увенчавшийся успехом план ельцинского режима по передаче поста президента специально подобранному и до этого малоизвестному преемнику, что позволило сохранить власть и избежать риска уголовного преследования. Если даже в действительности режим и не причастен к взрывам домов в 1999 г. и другим событиям, которые повели к возобновлению Кремлём войны в Чечне, циничное использование граничащей с геноцидом военной кампании в качестве предвыборной стратегии не является показателем демократии и стабильности.

Не свидетельствует об этом и предшествующая политическая биография Путина, а также те шаги, которые были предприняты вслед за его инаугурацией в мае 2000 г. Два из них выглядели особенно зловеще. 11 мая «налоговая полиция», одетая в маски и снабженная средствами нападения, совершила налёт на финансовый офис единственной в стране относительно независимой телевизионной сети, а её собственник через месяц после этого был арестован на короткое время. Этот собственник – ведущий олигарх – был вовлечён в сомнительные финансовые сделки, а также при случае использовал телевизионную компанию в своих политических интересах. Но сам пугающий факт налёта, от которого холодом повеяло на читателей уже уменьшившегося числа независимых газет, заставил одного из редакторов заметить: «Лицо России в начале двадцать первого века – это лицо в чёрной маске».

Несколько дней спустя Путин объявил о далеко идущих мерах, призванных приструнить руководителей 89-ти составляющих страну административных территорий. Определённое укрепление федеральной власти на всей территории России было необходимо, хотя бы по причине коррупции и прочих злоупотреблений со стороны губернаторов, однако, план Путина слишком напоминал о прошлом. Предусматривалось создание семи федеральных округов, стоящих над территориями

и возглавляемых назначенными Путиным личными и полномочными представителями президента, причём пять из этих вице-королей – генералы армии и сил безопасности. Губернаторы тем самым лишались полагающихся им по должности мест в верхней палате парламента, а, возможно, и электоральной автономии. Все эти действия Путина грозили воскресить традиции царского и советского прошлого, когда обширные российские провинции управлялись прямо из Кремля. При этом он, возможно, в значительной степени рассчитывает на помощь ветеранов госбезопасности.

За восхождением Путина к власти стоят не только прокремлёвские олигархи и органы безопасности, которые после 1991 г. усердно работали над тем, чтобы в «патриотическом» свете представить свою роль в российской истории и которые, возможно, предрасположены к «использованию тоталитарной силы» (7). О многом позволяют судить и те угрожающие изменения, которые произошли в политических настроениях в России. Как мы видели, на протяжении нескольких лет поддерживаемые США российские либералы «мечтали об... энергичном Пиночете», который смог бы внедрить и защитить то, что они называли экономическими реформами. Активизировав свои поиски на закате президентства Ельцина, они нашли, как им верилось, такого Пиночета в Путине.

Как реакция на глубокую травму, испытанную в 90-е гг., настроения масс также изменились в пользу «сильной руки», хотя в народных «мечтах» такой правитель должен восстановить в стране не только порядок, но и «справедливость» (8). Даже один из главных американских вдохновителей крестового похода в Россию в конечном итоге признал, что следствием его «стал отрицательный смысл, связываемый с понятиями демократии, реформы, свободного рынка и даже свободы как таковой» в посткоммунистической России (9).

Антидемократические настроения масс не стоит преувеличивать, однако сам факт изменений налицо. В 2000 г. значительное большинство опрошенных россиян ставило «порядок» выше демократической практики и испытывало больше дове-

рия к армии и политической полиции, чем к выборным институтам. Ещё раньше почти половина опрошенных полагала, что если бы Сталин был одним из кандидатов, то одержал бы победу на предстоявших президентских выборах. Неудивительно, что режим Путина также – впервые с догорбачёвских времён – ухватился за возможность укрепить официальную репутацию генералиссимуса, когда в мае 2000 г. отмечалась 55-я годовщина победы Советского Союза во Второй мировой войне. (Незадолго до того Путин и другие руководители, собравшись в Кремле, подняли бокалы за этого деспота и убийцу в связи с пришедшимся кстати 120-м днем его рождения, а, возможно, и в связи с безжалостной массовой депортацией Сталиным чеченского народа в 1944 г.) (10).

В этих устремлениях отразилось то, что русские традиционно и со страхом именуют *смутой*, которая не раз случалась в их истории. Хотя слово и переводится на английский язык в смягченной форме как «время трудностей», его действительный исторический смысл заключается в коллапсе центральной государственной власти, за чем следуют хаос, насилие и повсеместная нищета, как это и было во время русской революции и гражданской войны 1917–1921 гг. Как полагают многие русские, посткоммунистическое «переходное» время погрузило страну в новую смуту, которая по определению является прямой противоположностью политической, экономической и социальной стабильности (11). Если так, то это первая смута, которая происходит в ядерной России.

Защитники политики американской поддержки ельцинских «реформ» и сейчас настаивают, что эти прискорбные итоги – всего лишь «ухабиственный» участок на пути перемен и что в посткоммунистической России Америка сделала правильный исторический выбор (12). Но большинство россиян так не думает. Когда в декабре 1999 г. Ельцин ушёл в отставку, то всего от 10 до 15% опрошенных увидело в его правлении хоть какие-то положительные стороны. При этом, сравнивая с его обычным, не доходящим до 10% рейтингом, даже эту

цифру следует считать завышенной, что объясняется сентиментальной обстановкой его прощального новогоднего обращения. Почти половина опрошенных полагала, что его правление было абсолютной «катастрофой» (13).

Историки также не склонны позитивно оценивать правление Ельцина, а, тем самым, и политический курс США. Если считать журналистику первым, черновым наброском истории, то показательно мнение редакционной статьи в прокапиталистической, принадлежащей западному собственнику московской газете: «Все говорят, что время Ельцина было временем реформ. Но фактом является то, что нет ни одной важной реформы, которая не была бы начата Горбачёвым и, по крайней мере, не потускнела бы, либо не была бы при Ельцине повернута вспять». По этой и другим причинам Россия, как полагает редакция, заслуживает «извинений со стороны Америки» (14).

Ряд широко известных и уважаемых учёных – и все они, как ни удивительно, антикоммунисты – пришёл к сходным выводам. Принадлежащий к старшему поколению англо-американский учёный-политолог характеризует годы Ельцина как эру не реформ, а «контрреформ» и «упущенных возможностей». Такого же мнения придерживаются и многие российские учёные, в их числе известный российский политолог и видный историк-диссидент советской эпохи. Показательно и мнение учёного, который возглавляет русские программы в одном из вашингтонских фондов и почти на всём протяжении 90-х гг. с энтузиазмом поддерживал Ельцина, а ныне признаёт, что его правление было «грандиозным провалом» (15).

Неясно даже, состоялись ли в действительности и сохранятся ли в последующем какие-либо из прославляемых американскими сторонниками Ельцина его достижений. Ещё один русский учёный полагает, что в результате политических событий 1999–2000 гг., «множество так называемых демократических достижений будет утрачено» (16). Как мы видели, некоторые из продемократически настроенных русских считают, что уже потерпели поражение.

Что касается посткоммунистического «переходного периода в экономике», то значительная часть реформ была ничем иным как «потёмкинской деревней», сметённой финансовым коллапсом августа–сентября 1999 г. Другие реформы, такие как приватизация основных отраслей промышленности, почти наверняка в той или иной степени подвергнутся пересмотру, хотя бы потому, что проводились неправомерно, по декрету исполнительной власти, а ещё потому, что, как это случалось в XX веке с наследием каждого ушедшего российского лидера, определённая де-ельцинизация в разных формах уже началась (17). К тому же, у ельцинской экономической системы мало шансов сохраниться в будущем из-за её чудовищной несправедливости и непроизводительности; в результате её не ценит почти никто из русских, за исключением олигархов и их клиентов. Большинство относится к ней как к клептократии, или, как выразился отставной специалист американского ЦРУ, «капитализму для своих» (18).

Поскольку все остальные аргументы терпят крах, основополагающее значение приобретают доводы, согласно которым поддержка Ельцина и в целом политика США в России позволили избежать прихода к власти коммунистов и тем самым предотвратить автоматическое восстановление Советского Союза. Но это тоже фальшивое «достижение» (19). После 1991 г. у коммунистической партии не было шансов вернуться в Кремль, если, конечно, не считать захвата власти силой.

В действительности именно поддерживаемая США экономическая политика Ельцина сделала коммунистическую партию более влиятельной, чем она была бы в противном случае. В целом вследствие этой жестокой и безжалостной политики коммунисты получали всё больше голосов на каждых последующих парламентских выборах, начиная с 12,4% в 1993 г. и кончая почти 25% в 1999 г. Это указывает на расширение сочувствующей им аудитории, уже не ограничивающейся пожилыми людьми, а также на то, что этот электорат ещё не скоро «вымрет». (В октябре 2000 г. компартия пользовалась поддержкой 37% опрошенных россиян, а «путинская»

партия – всего 21%). И именно возвышение Путина стало прямым продолжением ельцинизма. Именно он в январе 2000 г. заключил альянс с коммунистической партией в парламенте и предоставил ей больше потенциального влияния на принятие решений в Кремле, чем когда-либо после 1989–1990 гг., когда диктатура коммунистов была демонтирована Горбачёвым. К этому обвинению можно прибавить мнение одного из проельцински настроенных западных журналистов, заметившего, что Ельцин оказался «даже хуже, чем коммунисты, с которыми мы помогли ему справиться» (20).

В завершение этого мрачного перечня неудач американского крестового похода следует отметить, что ни одна из значимых и крупных целей, которые американская сторона преследовала в отношениях с Россией, не была реализована в период после 1993 г., – всё лишь с обратным знаком. Нет стратегического «партнёрства»: в 2000 г. в Кремле вычеркнули это слово из пересмотренной доктрины национальной безопасности (21). Вместо этого мы имеем сейчас наихудшие отношения с момента окончания «холодной войны» в конце 80-х гг. Нет интеграции России в западный мир – напротив, как видится многим в Москве, НАТО создаёт новую разновидность «железного занавеса», а Соединённые Штаты, вовлекая всё новые страны, ведут дело к военной, дипломатической и экономической изоляции России. Настоящих же союзников надо теперь искать на Востоке.

Хуже того: понизился уровень международной безопасности, как мы увидим, намного выше стала ядерная угроза. Политика США и экономический коллапс в России спровоцировали Москву для защиты своей национальной безопасности более, чем когда-либо полагаться на ядерные арсеналы, которые охраняются менее надёжно, чем прежде. В 2000 г. правительство Путина даже расширило перечень обстоятельств, при которых оно прибегнет к ядерному оружию (22).

Между тем у Вашингтона сейчас меньше реального влияния и потому меньше возможностей для подлинного сотрудничества с Москвой по ключевым вопросам безопасно-

сти, чем во время некоторых, характеризовавшихся разрядкой фаз холодной войны. (В июне 1999 г. в приштинском аэропорту солдаты России и НАТО были ближе, чем когда-либо, к тому, чтобы открыть друг по другу стрельбу, – ближе к «Третьей мировой войне», как выразился один английский офицер) (23). Любые развёрнутые соглашения об ограничении ядерных и иных вооружений блокируются теперь уверенностью Москвы в том, что Вашингтон вскоре в одностороннем порядке аннулирует Договор об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г. и развернёт запрещенные этим договором системы.

Высказываемые с обеих сторон предсказания новой холодной войны могут быть неверны, но отношения Америки и посткоммунистической России всё определённой можно именовать «холодным миром». Это зафиксировано в принятых в Москве в 2000 г. новой доктрине национальной безопасности и военной доктрине: впервые за многие годы Запад рассматривается в качестве источника угрозы, а Соединённые Штаты – в качестве потенциального противника. С российской стороны в основу «холодного мира» легли беспрецедентные и уже упоминавшиеся выше антиамериканские настроения как элиты, так и простых граждан (24).

Широкое распространение антиамериканских настроений в посткоммунистической России не является наследием холодной войны. Несмотря на ритуальные заклинания советской пропаганды, их, в сущности, не было в те годы. Они прямо связаны с реакцией на политику, проводимую США с начала 90-х гг. (25). Старт был дан вмешательством Вашингтона в процесс выработки Кремлем экономических решений и проведение «шоковой терапии», которая принесла столь жестокие страдания. Антиамериканские настроения стали углубляться, когда вместо несбывшихся американских обещаний больших иностранных инвестиций бремя российского внешнего долга выросло настолько, что государство перестало платить пенсии и зарплату, чтобы выполнить предъявляемые Западом требования к бюджету. Распространяясь всё дальше, эти настроения

усилились после расширения в 1998 г. НАТО на Восток, в чём справедливо увидели нарушение ранее данных американцами обещаний, а после того, как, действуя под началом США, НАТО приступила в 1999 г. к бомбардировкам Югославии, стали практически повсеместными и невиданно ожесточенными.

К тому времени антиамериканские настроения стали столь популярными, а «антизападные чувства так широко распространились», что в своей предвыборной стратегии их в той или иной степени использовали почти все российские политические партии и даже столь поощряемые администрацией Клинтона «либералы». Напуганные и оттеснённые волной национализма, Чубайс и другие «молодые радикальные реформаторы» не только поддерживали жестокую путинскую войну в Чечне, но поставили на «ту же антизападную, антиамериканскую карту», которая помогла Путину прийти к власти (26). С Россией у Соединённых Штатов всё ещё связаны ключевые интересы национальной безопасности, но у них там больше нет сколько-нибудь влиятельных политических друзей. Эти изменения оттеняются той формальной холодностью, с какой Путин приветствовал Клинтона на встрече в верхах в июне 2000 г. и которая так отличалась от атмосферы встреч американского президента с Ельциным.

Короче, в посткоммунистической России администрация Клинтона совершила историческую ошибку. За это большинство историков осудит её весьма сурово, что некоторые из нас уже и делают. В счёт ей должны быть поставлены не только те возможности, которые были попросту упущены, но и политически безрассудное и даже аморальное политическое поведение, которое способствовало утверждению в сегодняшней России системы, напоминающей «чудище Франкенштейна» (27). В результате «переходного периода» 90-х гг. пробудились дремлющие демоны национальной истории; терзая её политическую жизнь и представляя опасность для всех нас, они грозят стать ещё одним «проклятым вопросом» предстоящих десятилетий.

В вину правительству Соединённых Штатов, которое с энтузиазмом поддерживали многие журналисты и учёные,

следует поставить активное поощрение ельцинского режима; именно он позволил маленькой клике тесно с ним связанных хищников разграбить и поделить между собой всё самое ценное из созданного Россией в XX веке. Этот процесс продолжился и в первые месяцы правления Путина, в то время как большинство населения проживало в нищете, а миллионы преждевременно уходили из жизни из-за недостатка самых необходимых средств существования. Обвинение установит, что выступая от имени американских интересов и ценностей, Белый Дом поощрял и аплодировал кремлёвским «реформаторам», чья «отвратительная этика» характеризуется «тем же пренебрежением и презрением к “массам”, которое было свойственно их коммунистическим предшественникам». В 2000 г. группа бывших советских диссидентов, в том числе вдова Андрея Сахарова, уже сформулировала свой вердикт, обвинив Вашингтон в том, что он поддерживал Ельцина, «несмотря на антидемократические и преступные действия его администрации... А ныне та же политика проводится в отношении Путина» (28).

История также отметит, что президент Соединённых Штатов дважды поддержал или во всяком случае не осудил военные преступления, совершенные Кремлём против своих же граждан в Чечне. Он уподобил их войне Линкольна против сепаратизма и рабства – а затем, говоря о разрушении Грозного, использовал термин *освобождение* (29). История придёт к выводу, что, способствуя дестабилизации ядерной державы, эти решения и действия, по свидетельству директора ЦРУ самой администрации Клинтона, привели Соединённые Штаты к ситуации «большего риска, чем когда-либо в прошлом» (30).

В это обвинительное заключение, возможно, придётся включить и обвинение в должностных преступлениях. Сотни миллиардов несправедливо нажитых долларов, которые во многом благодаря разработанной в США и проводимой в Москве политике начиная с 1992 г. утекали из России на Запад, могли привести к коррупции в различных учреждениях Америки, далеко выходящей за рамки нескольких получивших известность

банковских преступлений. На эту возможность уже указывал ряд наблюдателей, но ни один из них с такой убедительностью и полнотой, как недавно ушедший в отставку главный специалист ЦРУ по России, который, по-видимому, знает больше, чем может рассказать (31).

Указав на то, что эти суммы могли пойти на покупку влияния на «нашу политику в отношении России», он задаётся вопросом: «Что знали и что думали в Вашингтоне, когда этот грабеж шёл уже полным ходом? Поведение США в этой истории... представляет собой либо одну из самых дорого обошедшихся ошибок в современной истории, либо является чем-то большим, напоминающим соучастие... Трудно уйти от подозрения, что огромные капиталы американских инвестиционных фондов не повлияли на поведение правительства США и МВФ». Под вопрос, следовательно, может быть поставлен «способ ведения бизнеса и возможность злоупотреблений самого правительства». Проведение всестороннего расследования на высшем уровне настоятельно необходимо (32), но если всё окажется именно так, то, значит, администрация Клинтона упустила не только имевшуюся в России возможность установления демократии, процветания, стратегического партнерства и ядерной стабильности, но и поставила под вопрос репутацию Америки и честность её намерений.

Однако, как мы видели в первой части книги, почти никто из тех, кто оказывал влияние и непосредственно разрабатывал политику США, не связывает эти катастрофические последствия с порочной сутью самого крестового похода в Россию. Даже ожесточенные критики администрации Клинтона явно или неявно разделяют эти миссионерские послышки, полагая, что переделке России в соответствии с американскими прописями нет «конструктивной» альтернативы; кроме «ссо-ры» и холодной войны (33). Практически для всех, кто формирует общественное мнение и политику, этот «спор исчерпан», как заявил недавно влиятельный американский сенатор. А ведь самые фундаментальные проблемы, как мы видели выше, ещё только предстоит обсудить (34).

В действительности, Соединённые Штаты с самого начала упустили посткоммунистическую Россию, а между тем всегда существовали иные, и необходимые, и возможные способы вовлечь её в процесс сотрудничества. Перед тем, как стать президентом России, Путин заявил, что на пороге третьего тысячелетия народ его страны испытывает чувство глубокой «тревоги и надежды» (35). США могли и должны были проводить политику, в которой бы материализовалась эта надежда. Но столь же справедливо, что всё больше влиятельных американцев, как не удивительно, не видит никаких оснований для тревоги.

СТОИТ ЛИ ЕЩЁ ПРИНИМАТЬ РОССИЮ В РАСЧЕТ?

После всякой неудачи, и в общественной, и в частной жизни должен следовать анализ причин. После провала политики США в посткоммунистической России этого не произошло. Вместо этого в политических кругах всё активнее высказывается идея, что эти неудачи на деле не имеют значения, так как, учитывая достойную жалости слабость России, проявляющуюся внутри страны и за рубежом, её больше не следует принимать в расчёт. Как на показательный пример можно указать на бывшего начальника американской разведки и одновременно специалиста по проблемам России, который сообщает нам, что Россия «на самом деле не имеет никакого значения» и «не стоит того, чтобы о ней беспокоиться» (36).

Согласно этому взгляду – плоду не здравых размышлений, а неправильно истолкованных триумфаторских настроений и неоправдавшихся ожиданий, связанных с окончанием «холодной войны» – сверхдержава, которая когда-то была противником, больше не должна занимать какого-то особого места в американской внешней политике. По большей части Соединённые Штаты могут действовать «в мире без России». Они должны придерживаться «минималистской политики» и «соблюдать роль стороннего наблюдателя» (37).

Вряд ли можно представить себе бо́льшую политическую глупость и худшую ошибку в нашем восприятии и анализе ситуации. Россия не только сохраняет значение, но, по крайней мере, по трём существенным причинам это значение даже больше, чем во времена «холодной войны» и существования Советского Союза.

В конечном счёте, в посткоммунистической России находится источник наибольшей потенциальной угрозы для американской и международной безопасности, понимаемой в самом прямом и непосредственном смысле физического выживания. С начала 90-х гг. администрация Клинтона, а также многие учёные и журналисты, которые должны бы понимать ситуацию лучше, принимали как данность, что Соединённые Штаты и мир в целом значительно менее подвержены ядерным и иным смертельным угрозам, чем во времена существования Советского Союза.

Авторы миссионерского подхода в американской администрации похваляются тем, что «в результате нашей политики американский народ находится в большей безопасности» – и, уж конечно, «её надёжность неизмеримо выше», чем раньше. По мнению видного журналиста и специалиста по России, сейчас мы можем испытывать «существенно» меньше беспокойства по поводу того, что «превратимся в радиоактивное облако», а, согласно ещё одной оценке, можем быть меньше озабочены «ядерным холокостом». Известный политический аналитик сообщает нам, что «безопасность Америки значительно укрепилась», а специалист из мира науки – что в результате посткоммунистических реформ мы «освобождены от необходимости создавать сценарии худшего случая» (38).

Эти заверения очевидно не соответствуют истине, а то, что они исходят от высокопоставленных должностных лиц США, редакторов газет и учёных, свидетельствует о необъяснимой близорукости и безответственности. Даже без учёта унаследованных Россией огромных запасов химического и биологического оружия, следует признать, что, «все основные составляющие ядерной угрозы растут», как полагает целый ряд экспертов (хотя их мнение, как правило, не принимается во внимание), и как показала трагедия подлодки «Курск» в августе 2000 г. Политика же США «просто не справилась с проблемой расползания ядерной опасности по России» (39). Эта правда может быть неприятна и далека от политической корректности, но распад Советского Союза и неудачи «переходного

периода» в России привели нас к ситуации неизмеримо большей опасности, чем когда-либо раньше.

Чтобы понять, насколько большей, вернемся назад и рассмотрим более детально сделанный ранее вывод. Что может произойти – в зависимости от того, как мы оцениваем нынешнюю ситуацию в России – с нашей безопасностью, если в ядерном государстве начнётся дезинтеграция, коллапс, либо ситуация просто станет «крайне нестабильной» (40)? Краткий ответ сводится к тому, что точно никто не знает, ибо в прошлом подобного не случалось. Уже само по себе это означает, что, по сравнению с относительной предсказуемостью, которой характеризовалась ситуация в эпоху Советского Союза и «холодной войны», мы вступили в эру острой ядерной неопределённости. Более пространственный ответ заключается в том, что любой, достаточно значительный уровень дезинтеграции, нестабильности и гражданского противостояния – а ведь всё это присутствует в сегодняшней России – приведёт не к одной, а сразу к нескольким беспрецедентным угрозам ядерной безопасности.

Самой очевидной, почти заслоняя при этом другие опасности, является угроза распространения ядерного оружия. Часть огромных, накопленных Россией запасов ядерного оружия, его компонентов и специальных технических знаний может стать собственностью неядерных государств или террористических групп в результате похищения, тайных сделок на «чёрном» рынке, утечки мозгов, либо прямого решения о продаже, к которому прибегнет нуждающаяся в деньгах Москва. В первую очередь эта угроза связана с продолжающимся уже десять лет экономическим коллапсом. У правительства нет достаточных средств, чтобы обеспечить должную охрану складов ядерных материалов, а также, чтобы адекватно, а часто и просто регулярно оплачивать труд обслуживающего и научного персонала. (Так, уже несколько раз в 90-е гг. и в 2000 г. работники ядерного комплекса объявляли забастовку, требуя выплаты зарплаты. И это несмотря на то, что забастовки в этой отрасли не допускаются российскими законами).

Практически все американские программы, призванные уменьшить ядерную опасность в России, направлены на нераспространение ядерного оружия. Но, по словам их организаторов и других экспертов, даже в этом отношении, программы следует признать «вопиюще неадекватными», с точки зрения цели – «предотвращения катастрофы». Так, к концу 2000 г. только шестую часть имеющихся у России ядерных оружейных материалов можно было признать безопасной, а «опасность существования “неучтённых” ядерных материалов и оружия сейчас выше», чем в начале осуществления этих программ. Более того, у Москвы, по-видимому, нет полного перечня таких материалов, а, возможно, не имеется даже полной информации о тысячах единиц тактического ядерного оружия. Таким образом, не может быть и твёрдой уверенности в том, пропало ли что-то или нет (41).

Возможность распространения ядерного оружия с территории России – одна из наиболее очевидных опасностей, не раз использованная в качестве сюжета западных романов и фильмов, но не самая серьёзная. Если ядерному взрыву суждено произойти, то он, вероятно, случится на одном из множества выстроенных в советскую эпоху реакторов, либо одной из списанных подводных лодок. Реакторы, как сообщают нам, могут представлять «не меньшую опасность, чем ядерное оружие». Так, в 1999 г. один из ведущих экспертов сената США проинформировал своих коллег, что для российских «реакторов характерны изъяны в конструкции, а также пробелы в подготовке операторов и недостаточные меры безопасности». Более того, согласно мнению российского специалиста, «ни одна из наших атомных станций не может считаться безопасной» (42).

Впервые колокол прозвонил в 1986 г., когда произошёл взрыв в Чернобыле, ставший крупнейшей в истории ядерной аварией. Утечка радиации более чем в сто раз превысила аналогичную цифру для двух атомных бомб, взорванных над Японией в 1945 г., а смертельные последствия этой аварии продолжают разворачиваться на наших глазах, четырнадцать лет спустя после катастрофы. С начала 90-х гг. во многих

докладах, один из которых исходил от правительства России, звучало предостережение о возможности повторения «катастрофы чернобыльского типа», а более конкретно, о возможности возникновения аварии на нескольких российских электростанциях и даже на исследовательских реакторах (43). (Как отмечается, наибольшую опасность из существующих в мире представляют ядерные установки в посткоммунистической России, а также на территории других бывших советских республик). Неудивительно, что катастрофа ещё одного ядерного реактора была лишь чудом предотвращена в сентябре 2000 г., а двумя месяцами позже было обнаружено радиоактивное загрязнение крупнейшей реки, причиной которого тоже стал ядерный реактор (44).

Множество построенных в советское время и вышедших из строя, но сохранивших ядерные компоненты подводных лодок разрушается на крайнем Севере, что делает ещё катастрофичнее перспективу проигрыша в этой новой «русской рулетке». И тут тоже зловеще множатся сообщения очевидцев о только и «ждущей своего случая ядерной аварии». При отсутствии надлежащего технического обслуживания плавучие реакторы крайне уязвимы, и многие подводные лодки дают утечку или сбрасывают радиацию в море, «подобно маленьким замедленным Чернобылям» (45). Находящиеся на дежурстве российские ядерные суда также представляют серьёзную опасность (подлодка «Курск» была из наиболее современных), их отслужившие срок ракеты могут взорваться с последующей детонацией других, расположенных рядом ракет. Если это случится, предостерегает российский эксперт, «мы получим сотни Чернобылей» (46).

Откуда же тогда все делаемые в США официальные и неофициальные заверения, что «мы находимся в неизмеримо большей безопасности» и можем уже не беспокоиться о «худших сценариях»? Очевидно, что все они продиктованы одной, чисто идеологической посылкой: раз Советского Союза больше нет, то нет и опасности российского ядерного нападения на США, и нас должны заботить только «террористиче-

ские, или преступные государства». В действительности же, опасность такого нападения увеличивалась на протяжении 90-х гг. и растёт до сих пор.

Оставим в стороне предостережение, что к власти может прийти «русский вариант Милошевича,... вооружённый тысячами ядерных боеголовок» (47), и задумаемся вместо этого о прогрессивной дезинтеграции инфраструктуры российских сил ядерного сдерживания. Россия всё ещё располагает примерно шестью тысячами находящихся в полной готовности боеголовок. Решение об их запуске или незапуске принимается на основе данных о ситуации в местах размещения американских ракет, получаемых от систем раннего предупреждения, включая радары, спутники и компьютеры, которые в настоящее время функционируют не полностью и со сбоями. Российские офицеры, обслуживающие командно-контрольные комплексы, вряд ли остались незатронутыми трудностями и социальными патологиями последних лет. При этом у них будет не более нескольких минут, чтобы проверить любые угрожающие сигналы, которые уже не раз оказывались неверными в прошлом. (В 1995 г. норвежская метеорокета была на короткое время принята российским руководством за приближающуюся ракету противника).

Как не раз предостерегали американские учёные, эти новые, постсоветские факторы ядерного века – как технические, так и человеческие – «увеличивают опасность случайного или несанкционированного нападения на Соединённые Штаты» с территории России. Это уже представляет собой действительно «наибольшую угрозу для выживания США как нации». Попытки доказать обратное являются, как подчеркивают учёные, «очевидным искажением действительности» (48).

Несмотря на это, читатель вправе полагать, что преднамеренное развязывание ядерной войны по-прежнему немислимо. Однако в постсоветской России об этом не только всё больше думают, но уже и говорят. Возможно, что изменения, которые произошли в недавно принятой Кремлем доктрине безопасности и которые предусматривают применение ядерного

оружия, являются всего лишь новыми формулировками и не содержат ничего действительно нового. Но, как указывалось выше, жестокая гражданская война в Чечне, не закончилась после разрушения Грозного в 2000 г., – и это первая война подобного рода, развернувшаяся в ядерной державе.

Война ещё не перешла на ядерный уровень, но стороны уже высказали готовность сделать это. Начиная с 1999 г. несколько российских депутатов и губернаторов и даже одна из ведущих «либеральных» газет уже выступали с предложением использовать в Чечне ядерное, химическое или биологическое оружие. Один из них прямо сказал: «Думаю, что ядерное оружие должно перестать быть виртуальным». Как сообщается, представители пресс-службы российских вооруженных сил «не исключают того, что ядерной атаке могут быть подвергнуты базы международных террористов в Чечне» (49). И, явно имея в виду эту маленькую республику, военные официально одобрили новую концепцию «ограниченной» ядерной войны, которая может вестись в отдельном регионе. Использование этой угрозы против чеченского сопротивления обсуждалось даже в 2000 г. (50).

А с другой стороны, продолжают появляться сообщения о том, что террористы, участвующие в «священной войне» Чечни против России, могут устроить взрывы на атомных электростанциях, либо в местах размещения ядерного оружия. Эти сообщения были достаточно серьёзными, ибо Москва удвоила меры безопасности на ядерных предприятиях и установках, а 90% опрошенных россиян заявили, что встревожены этой возможностью (51). Подобные угрозы, раздающиеся с обеих сторон, могут быть чистой воды риторикой, но в любом случае это риторика всё более опасная, риторика, которая никогда раньше не использовалась. Следует также признать, что после 1999 г. в России было больше досужих разговоров о возможном использовании атомного оружия, чем реальных мер, призванных предотвратить его возможную утечку. При этом угроза возрастет, если чеченцы и дальше будут пользоваться новой партизанской тактикой, распространяя, как обещали, свои операции вглубь территории России.

Таким образом, посткоммунистическая Россия по-прежнему важна для Америки в самом судьбоносном из всех возможных значений. Как заявил один видный российский парламентарий и эксперт, переживёт ли мир распад ядерной сверхдержавы, остается ещё открытым вопросом (52). Администрация Клинтона во много раз ухудшила ситуацию: своими действиями она увеличила опасность, подталкивая Россию к тому, чтобы всё больше полагаться на арсеналы и системы ядерного оружия. Этому способствовало и то, что финансовая помощь ставилась в зависимость от российских экономических реформ, приведших к обнищанию и дестабилизации страны, и расширение НАТО практически до государственных границ России, и провокационная демонстрация подавляющего превосходства американских обычных вооружений в ходе бомбардировок Югославии, а также совсем недавние угрозы выйти из Договора об ограничении систем противоракетной обороны.

Вряд ли когда-либо национальная безопасность США столь безрассудно игнорировалась, а американским гражданам избегали говорить о растущей угрозе их жизни и благосостоянию. Администрации Клинтона и её многочисленным сторонникам в средствах массовой информации, экспертных организациях и научном мире, по-видимому, никогда не приходило в голову, что между их миссионерским пылом и сгущающимися в России зловещими опасностями может существовать какая-то связь. В начале 2000 г. один из тех, кто замыслил этот крестовый поход внезапно, после семи лет «успешных переговоров», сообщил нам, что «в ближайшей перспективе не миновать катастрофы». Он забыл сказать, что катастрофа произойдёт в стране, напичканной всеми возможными видами оружия массового поражения XX века и при этом неумолимо сползающей в предшествующее столетие (53).

Потенциал России, который может проявиться в фатальных катастрофах – это самый важная, но не единственная причина сохраняемого ею значения. Даже находясь в состоянии кризиса и слабости, Россия остаётся великой державой – уже хотя бы вследствие огромных размеров, занимая пространство

в одиннадцать часовых поясов: от Финляндии и Польши (если считать Беларусь) на Западе до Китая и Аляски на Востоке. На её территории сосредоточена большая часть мировых запасов энергии и полезных ископаемых. Это значение связано также с впечатляющей историей выдающихся достижений и влияния, оказанного на мировую политику, с высоким уровнем образования её теперешних граждан и, разумеется, с её арсеналами. Всё это определяет судьбу России не только как великой, но почти глобальной державы. «Мир без России» означает, если воспользоваться модным понятием, глобализацию без доброй части глобуса.

Нельзя рассчитывать и на решение без России крупных международных проблем и конфликтов, особенно теперь, в мире «после холодной войны», в котором, по крайней мере, столько же анархии, сколько порядка. В широком спектре проблем: от расползания ядерного до распространения обычного оружия, от окружающей среды и терроризма до контрабанды наркотиков и отмывания денег – Россия повсюду, от Балкан и Каспийского моря до Китая и Ирака, сохраняет способность влиять на развитие мировых событий в лучшую или худшую сторону. Именно дипломатическое вмешательство Москвы позволило уже потерявшей надежду администрации Клинтона не посылать в 1999 г. американские войска для наземных операций в Косове. С другой стороны, изменения, произошедшие в 90-е гг., привели к появлению новых маршрутов перевозки наркотиков через территорию России на Запад; к тому, что «грязные» российские деньги хлынули в банки США. Эти изменения вызвали и расширение потенциальных рынков сбыта Москвой оружия и ядерных технологий, включая государства, поведение которых уже вызывает озабоченность Вашингтона (54).

Существует также огромное разнообразие возможностей для развития геополитической ситуации на территории всё ещё крупнейшей страны мира. Почти четверть населения Земли, в том числе представители большинства религий и многих национальностей, живёт на территориях, граничащих с Росси-

ей. На многие, если не на все, из этих наций и народов, прямо или косвенно, к добру или худу оказывает влияние происходящее в посткоммунистической России. Это в первую очередь четырнадцать бывших советских республик, как называют их в Москве, но не только они.

Наконец, важнейшая причина, по которой американская политика в отношении России должна принципиально измениться и стать в высочайшей степени приоритетной для США, связана с будущим. В противоположность мнению тех американцев, что поспешили «списать Россию в архив», полагая, что она навечно обречена оставаться слабой и, может быть, даже распадется на части, эта страна, бывшая в течение долгого времени сверхдержавой, в будущем выйдет из переживаемой ей полосы трудностей, так же, как вышла из революции и гражданской войны 1917–1921 гг., так же, как ей всегда удавалось это в прошлом (55).

Но какой тип политической системы возникнет в этой стране, когда она встанет с колен? Будет она деспотической или демократической? Открытой к сотрудничеству с Западом и стремящейся к участию в международных делах – или склонной к изменению и пересмотру мирового порядка, сложившегося за её счёт и в то время, когда она находилась в состоянии слабости? Стремящейся к нераспространению и ограничению ядерных арсеналов или наращивающей и предоставляющей их заинтересованным в этом государствам?

В очень значительной степени это зависит от того, как к ней отнесутся – в особенности Соединённые Штаты – во время нынешней агонии. Отнесутся с мудростью и сочувствием – или всячески задирая, запугивая и унижая, как, по мнению многих русских, относились с начала 90-х гг.? Новому американскому президенту, возможно, придётся сделать выбор, но воспользоваться его плодами или расплачиваться за него предстоит нашим детям и внукам.

НА ПУТИ К НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ: ПРИОРИТЕТЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ

Изменение политики США по отношению к России является чрезвычайно трудным и, как, пожалуй, скажут пессимисты, политически невозможным делом. Осуществить эти изменения под силу только президенту США. Начало президент должен положить, сказав правду о провале старой политики и связанных с этим последствиях. Официально исповедуемые мифы и «истории успеха» ведут лишь к искажениям и лжи в сообщениях газет и телевидения, в донесениях дипломатов и даже разведки, к разочарованию в постсоветской действительности, а следовательно к возрождению настроений «холодной войны» среди элит и общества – и, в конечном счёте, препятствуют видению серьёзных угроз для национальной безопасности США (56).

Таким образом, первым шагом президента должно стать разоблачение официальных вымыслов 90-х гг. Наиболее важным из них представляется миф о том, что посткоммунистическая Россия находилась в благоприятном состоянии «перехода»; что обнищание народа можно назвать реформами, прогрессом, либо чем бы то ни было, но соответствующим американским интересам; что нынешние проблемы России связаны исключительно с её советским прошлым, с нынешними коммунистами, с парламентом, с пожилыми избирателями, с недостатком решительности или неудачами Ельцина, но ни в коем случае не с неправильной политикой Вашингтона. Мифом является и то, что в своей политике Москва якобы всё время имеет дело

с манихейским выбором между реформаторами и антиреформаторами, демократами и «красно-коричневыми» националистами, и что только с помощью программ, разработанных в Вашингтоне, можно реформировать Россию.

Следующим шагом президента должна стать выработка ясных и неизменных приоритетов внешней политики. Ничего подобного администрация Клинтона не имела, когда шла в Россию. Если бы она действительно стремилась к стабильности, то никогда не стала бы настаивать на эксперименте «шоковой терапии». Если она ради скорейшего сокращения ядерных вооружений хотела ратификации Москвой соглашения ОСВ-2, то не стала бы оскорблять и порочить российский парламент, которому предстояло утвердить соглашение. Если она рассчитывала вовлечь Россию в западный мир, то не стала бы расширять НАТО и воздвигать перед ней заслоны. Если она хотела, чтобы Москва разрешала конфликты без применения силы, то не должна была бомбить Югославию, что подтолкнуло Кремль к тому же в Чечне. А ещё раньше были Ирак, Судан и Афганистан, где вмешательство тоже не привело ни к чему хорошему (57). И если она хотела, чтобы Россия меньше полагалась на свои разрушающиеся ядерные арсеналы, то не стала бы делать ничего из названного.

Вне всякого сомнения, политику администрации Клинтона в отношении России следует признать либо ошибочной, либо страдающей от шизофренического расстройства. Своими пространными разговорами о дружбе и общих ценностях она заявила о себе как о самой прокремлёвской администрации со времени союза между США и СССР во Второй мировой войне. Но если судить по практическим действиям, которые администрация предпринимала вопреки и против России, она была самой антироссийской администрацией в современной истории (58).

Я думаю, читатели согласятся с тем, что в настоящее время основной целью внешней политики США должна стать стабилизация России, обладающей многочисленными видами оружия массового поражения. Катастрофы, которые с трудом

можно представить себе сейчас, следует считать абсолютно возможными в этой поражённой кризисом стране в будущем: от ядерных взрывов и несанкционированных запусков ракет до начала полномасштабной гражданской войны в сердце страны (как уже почти случилось в октябре 1993 г) и до широких социальных волнений в регионах, насыщенных ядерным оружием. (Учитывая многочисленные демонстрации и протесты – особенно в бедствующих регионах, начиная с середины 90-х гг., в связи с невыплатой зарплаты и даже с «приватизацией» – рассказы о пассивности русского народа следует считать значительно преувеличенными).

Единственный способ, которым Соединённые Штаты могут содействовать установлению длительной стабильности в России, является помощь в оздоровлении её экономики и общества. Это, однако, предполагает не только новые экономические подходы, но и политическую реабилитацию идеи американо-российского сотрудничества, которая подверглась дискредитации и была по сути оставлена. Несмотря на бесконечные разговоры о партнёрстве, на деле администрация Клинтона почти с самого начала никак не сотрудничала с Кремлем. Вместо этого она полагалась на псевдодипломатические ритуалы, целью которых было вынудить Россию к выполнению американских решений и условий. С российской стороны это породило растущее чувство негодования, унижения и недоверия к исходящим от Америки предложениям: от контроля над вооружениями до соглашений по финансовым вопросам. Создав эти настроения в Москве, Вашингтону предстоит теперь их устранять.

Но новый тип руководства необходим и России. В центр внимания должно быть поставлено экономическое восстановление страны и благосостояние её граждан, а не «экспроприация экспроприаторов»; должно быть объявлено, как когда-то сделала Рузвельт, что «идеалы Республики не могут вечно мириться ни с незаслуженной бедностью, ни с самодостаточным богатством». Американские учёные и политики, которые сейчас внезапно пришли к выводу, что Россия не в состоянии

выдвинуть таких лидеров, всего лишь перешли от одной ложной посылки к другой. Как указывал один из кандидатов на пост президента России: «Все западные газеты писали, что все русские заняты проведением реформ. Теперь с тем же энтузиазмом пишут о том, что все они занимались воровством. Это не было правдой тогда, это неправда и теперь» (59).

Господствующее в Америке воззрение продиктовано незнанием истории и даже чувством своего рода национального превосходства. В двадцатом веке правительствам России приходилось не раз заниматься восстановлением экономики. Предметом гордости служит восстановление страны после разрушений Второй мировой войны. При этом социальная справедливость относится к числу наиболее древних и прочных убеждений русского народа. Необходимость иметь «честных и ответственных людей» во власти является постоянной темой разговоров российской элиты, а таких потенциальных лидеров, по моим собственным наблюдениям, можно встретить на самых разных участках политического спектра. В 1998–1999 гг. многие россияне связывали перспективу достойного руководства с усилиями (впоследствии сведёнными Ельциным на нет), которые предпринимал тогдашний премьер-министр Примаков, желая сломить сопротивление расхищающих страну олигархов и наладить «реальную экономику» (60).

Менее уверенным можно быть в том, что экономическое выздоровление России ещё возможно в хоть сколько-нибудь демократических условиях. Сами русские зачастую усматривают в этой ситуации своего рода выбор между Пиночетом, с одной стороны, и Рузвельтом или де Голлем, с другой. Хотя и поставленное в трудное положение событиями 90-х гг., дело демократии не является безнадёжным. Так, поддерживающие Путина олигархи стремятся получить преторианского Пиночета, который защитит их самих и их богатства, тогда как миллионы русских надеются, что он станет новым Рузвельтом или де Голлем (61).

В этой связи ясными представляются две возможности. Как и во время холодной войны, жесткий курс и вмешательство

в дела Москвы увеличивают политические шансы её собственных ястребов, непримиримых противников демократизации и западной ориентации в целом. Растущие признаки возрождения в 90-е гг. этой враждебной миру оси между американскими и российскими сторонниками «холодной войны» являются ещё одним пусть непреднамеренным, но опасным наследием клин-тоновской администрации, которое нужно как можно скорее преодолеть (62).

Всё ещё есть надежда, что вторая из названных возможностей не выйдет из области гипотетических. Но если демократия окажется неизбежной ценой стабильности в России, то Соединённым Штатам придется принять новый режим, надеясь на то, что он не будет существовать слишком долго и не примет формы дестабилизирующего ситуацию крайнего авторитаризма. Сторонники американской миссионерской политики, деятельность которых в огромной степени способствовала возникновению этой опасности, продолжают настаивать на том, что «демократия в России является необходимым условием сотрудничества» (63). Но при отсутствии сотрудничества тот или иной вид ядерной катастрофы становится всё более вероятным, а радиация не различает демократов и деспотов и оставляет после себя землю, на которой вряд ли взойдет хоть какая-нибудь демократия.

Поставит ли посткоммунистическая Россия мир перед таким страшным выбором, зависит от нескольких факторов. Но самым важным представляется то, смогут ли Соединённые Штаты проводить более мудрую политику по отношению к этой, играющей судьбоносную роль стране. Недостаток мудрости, как правило, определяется неверными исходными представлениями. В нашем случае следует отказаться от четырёх ложных посылок, которые обусловили провал крестового похода 90-х гг.

Одна из этих идеологических посылок заключается в том, что в результате проведения действительно настоящих реформ у России не будет крупных национальных интересов, отличных от интересов Америки. На деле же, у любого российского правительства неизбежно будут свои особые интересы,

принимая во внимание хотя бы географию и историю страны. В качестве очевидных примеров достаточно назвать Балканы, страны Балтии, Украину, Центральную Азию, Кавказ и Китай. Если не руководствоваться чистой идеологией, то непонятно, почему эти законные интересы должны рассматриваться как угроза или как лакмусовая бумажка для отношений США и России. Как и в отношениях с другими великими державами, задачей дипломатии должно быть примирение и согласование этих интересов с американскими.

Во многом по этой же причине пришло время, чтобы создатели американской политики, журналисты и учёные перестали считать, что «настоящие» российские реформаторы – это только те, кто «оказывает услугу Соединённым Штатам» и кто поэтому должен рассматриваться как «ценнейшее приобретение Соединённых Штатов» (64). Любой российский лидер, которого так воспринимают в своей стране, никогда не будет чувствовать себя уверенно, а только вызывать недоверие, как это вскоре и случилось с Ельциным и его реформаторами. Руководство, которое надеется стабилизировать страну, должно находить поддержку в собственной стране, а не в Соединённых Штатах, и его политика должна делаться в Москве, а не Вашингтоне.

В этом отношении крайняя зависимость – психологическая, политическая и финансовая – руководства Ельцина от Запада и в особенности Соединённых Штатов выглядит аберрацией на фоне российской истории. Вряд ли когда-либо вновь на этом посту появится столь же уступчивый и нуждающийся в поддержке лидер. Как это стало ясно с приходом к власти Путина, любой следующий руководитель будет настроен гораздо более националистически. По крайней мере, он поведёт себя так же как большинство правительств в мире, вне зависимости от их идеологии: прямо и с гордостью поставит на первое место интересы России как внутри страны, так и за рубежом. И к этому также следует относиться не как к угрозе, а как к возможности пересмотреть и начать заново отношения США с посткоммунистической Россией.

Вторая ложная посылка заключалась в том, что «рыночные», или «неолиберальные» экономические реформы, на проведении которых на протяжении всех 90-х гг. настаивали Соединённые Штаты, найдут широкую поддержку в народе, помогут сформироваться новому поколению лидеров и, тем самым, определят будущее России после Ельцина. В действительности, как уже указывалось выше, в России эти характерные для Америки идеи сами по себе никогда не пользовались массовой поддержкой, что особенно верно теперь, после всех причинённых страданий. Согласно практически всем опросам общественного мнения, проводившимся с конца 80-х гг., большинство россиян хочет политических и экономических свобод, но одновременно и тех многочисленных социальных благ, которыми пользовались советские люди буквально с рождения до смерти и которые также соответствуют их традиционным ценностям (65).

Но в противовес всем американским заявлениям об отсутствии у России какого-либо «третьего пути», это не означает, что альтернативой станет возвращение к коммунистическому прошлому. Демонтаж советского коммунизма был начат Горбачёвым более десяти лет назад. Сам коммунизм был продуктом особых исторических обстоятельств и потому не может быть воскрешён вновь. И вряд ли русские, даже большинство коммунистов, захотят этого. Ни одно серьёзное политическое движение больше не верит, к примеру, в государственно-монополистическую командную экономику. Все они, включая нынешнюю коммунистическую партию, понимают, что интересы процветания России требуют установления того или иного типа рыночной экономики, а также существования большого частного сектора (66).

Дискуссии о том, какой тип «смешанной» экономики должен возникнуть на месте традиционной, давно уже велись в России, приобретая особую остроту в 1998 г. после очевидного краха поддерживавшейся США и проводившейся администрацией Ельцина политики. Этим дискуссиям суждено шириться и углубляться в ходе начавшейся де-ельцинизации. И решение предстоит принять не Западу, а России. Об исходе этих дис-

куссий нельзя будет судить с уверенностью, пока он не определится в самой России.

Третья ложная посылка, определившая миссионерскую политику США, представляется чрезвычайно опасной. Нам предлагают принять на веру, что поскольку посткоммунистическая Россия слаба и несостоятельна, то у неё не остаётся иного выбора, кроме как следовать желаниям Соединённых Штатов и внутри страны, и за рубежом. Вряд ли продиктованная чем-то, кроме высокомерия и чувства превосходства западной культуры, эта концепция исходит из того, что, кроме Запада, России «просто некуда пойти» (67). Этому допущению присуща особая близорукость. У России есть выбор, и та возможность, которую всё больше склонен выбрать её политический класс, внушает глубокую тревогу.

Её можно рассматривать в качестве реакции на десятилетний диктат Запада в вопросах безопасности и финансов. Защитники этой возможности хотели бы, чтобы Россия отошла от Запада и, вернувшись к более древним восточным корням своей истории и культуры, заключила стратегический альянс с Китаем и Индией, крупнейшими странами мира – не членами НАТО. Это поистине «кошмарный сценарий», как считают некоторые западные специалисты. «Регион, являющийся, по сути, центром мира – а это 2 миллиарда человек в Китае и Индии, – приобретет устрашающую техническую мощь России. Это будет катастрофа для Соединённых Штатов» (68).

Для России как евроазиатской страны подобный шаг не представляется гигантским. В конце концов, как напомнил своим сторонникам Путин, «мы с вами живём не на Западе, а на Востоке» (69). Став президентом, Путин ясно показал, что предпочитает видоизменённую версию западной ориентации, отводя основную роль не Соединённым Штатам, а Европе. Однако одновременно делаются шаги и в сторону восточной альтернативы – чтобы повернуться «к Западу азиатским лицом» (70). На фоне растущих двусторонних связей в области дипломатических отношений, экономики и разведки Россия почти установила монополию на рынке оружия Китая и Индии,

продавая им всё более сложные системы вооружений, которые уже сейчас составляют около 60% всего объёма продаж. (Путин посетил обе страны в первые месяцы своего президентства). Вспомним о факте, который непосредственно затрагивает интересы США: Москва поставила Пекину первый из предположительно четырёх истребителей с управляемыми ракетами, что непременно станет новым фактором в конфликте из-за Тайваня. Особенно, если на самолетах будут установлены высокоточные радары раннего предупреждения, о покупке которых Китаем в 2001 г. уже имеется договорённость (71).

Защитники этой альтернативы провалившейся прозападной политике, которая проводилась Ельциным в 90-е гг., утверждают, что она позволит решить ещё одну важную задачу. Превратив Россию в оружейный склад для незападных государств – не только Китая и Индии, но и Ирана, Ливии, Северной Кореи, Сербии, а также, возможно, Ирака и других стран – российский военно-промышленный комплекс, в том числе его научно-техническая составляющая, станут мотором экономического возрождения страны. (Продажа оружия Москвой, хотя и остается значительно ниже, чем у Соединённых Штатов, выросла с 2,5 миллиарда долларов в 1998 г. почти до 5 миллиардов в 1999 г., а к 2003 г. грозит существенно превысить эту цифру. И это примерно 1 миллиард за каждый ядерный реактор, построенный за рубежом).

Результатом станет совсем не то, что рассматривалось в качестве «реформ» в Вашингтоне. Продиктованные военно-промышленными приоритетами цели обусловили возрождение России после Второй мировой войны, и, как утверждают нынешние защитники этой точки зрения, подобное может и должно случиться теперь. Вряд ли стоит особо подчёркивать последствия этого стратегического решения как для внутри-российской, так и международной политики. Отметим, что политическая привлекательность такого решения растёт и что оно является прямой реакцией на избранную администрацией Клинтона политику по отношению к России.

Наконец, крупнейшей из всех ошибкой США является представление, что у Америки есть право, достаточная муд-

рость и власть для того, чтобы переделать огромную страну, чья история на много столетий древнее нашей. Отсюда тот менторский подход, который заставил администрацию Клинтона вторгнуться так глубоко и так неумно во внутренние дела посткоммунистической России, в её наиболее важные внутриполитические решения: в подбор министров, установление приоритетов при формировании бюджета, в формирование «гражданского общества» и даже в парламентские и президентские выборы. Если недостаточно доводов простого здравого смысла, то 90-е гг. дали предостаточно доказательств, что подобный подход был обречён с самого начала и в конце концов привёл к опасным и контрпродуктивным результатам. И таких результатов станет ещё больше, если мы не изменим коренным образом свой подход.

Набросок адекватного и необходимого подхода был дан пятьдесят лет назад видным американским дипломатом и историком России Джорджем Ф. Кеннаном. В 1951 г., предвидя последующий закат советского коммунизма, Кеннан предостерегал: «Давайте не будем судорожно искать решение за тех людей, которые придут позднее, не будем поминутно вытаскивать лакмусовую бумажку, решая, соответствует ли их политическая физиономия нашим представлениям о “демократии”. Давайте дадим им время, дадим им быть русскими, дадим возможность решить их внутренние проблемы по их собственному усмотрению и выбору... То, как та или иная страна устанавливает у себя достойное и просвещённое правление, относится к самым глубоким и интимным процессам народной жизни. Нет ничего более трудного для иностранца, чем понять это, и ни в какой другой области иностранное вмешательство не принесло бы меньше пользы, чем здесь» (72).

Если бы к совету Кеннана прислушались в начале 90-х гг., то и Россия, и отношения между США и Россией были бы в несравненно лучшем положении, чем сейчас. Но даже если бы этого не произошло, Америка была бы гораздо менее причастна к этому.

Может быть, ещё не слишком поздно. Применить подход Кеннана к сегодняшним реалиям означает, помимо прочего,

дать самим русским, а не американскому казначейству решать, в чём должны заключаться реформы и как достичь экономического возрождения. Это означает предоставить российским избирателям выбирать свой парламент и президента без публичного или тайного вмешательства США. Это должно привести к пониманию того, что стабилизация в ядерной России и, более того, её демократизация, может произойти только в результате «самых глубоких и интимных процессов» в жизни России, а не Америки.

Понимание этого заставит официальных миссионеров США свернуть свой лагерь в России. Так же, как и высокооплачиваемые частные «консультанты», финансируемые правительством США, они принесли больше вреда, чем пользы. Помимо всего прочего, их деятельность является постоянным источником раздражения против Америки. Может быть, исключения и есть, но есть и правило: американцам не следует делать в России ничего из того, что не понравилось бы нам, будь оно сделано у нас другим государством. Если советы действительно требуются, то электронная почта намного дешевле и связана с гораздо меньшим вмешательством. (То, что делается, и не всегда умно, частными фондами и университетами – их дело, но Вашингтон должен подать пример).

И поскольку, как говорят русские, «слово – это тоже дело», применение подхода Кеннана изменит и весь контекст политики США. Прекратятся бесконечные публичные суждения американского президента, вице-президента и их подчинённых о внутренних российских делах, которые делались ими на протяжении всех 90-х гг. и даже в июне 2000 г., когда президент Клинтон был гостем в Москве. Это будет означать, что администрация США, начиная с Белого Дома в Вашингтоне и кончая американским посольством в Москве, больше не будет выступать в роли спонсора, организатора поддержки или агитпроповского парохода для любой из фракций или «измов» российской политики. По сути, это будет концом американского крестового похода в Россию.

КАК СНОВА ПРИВЛЕЧЬ РОССИЮ К СОТРУДНИЧЕСТВУ?

Оставив в стороне как сантименты, так и идеологию, следует признать, что у Соединённых Штатов с Россией связан только один жизненно важный интерес: сокращение и окончательное устранение растущей ядерной и, возможно, иных смертельных угроз. Чтобы достичь существенного прогресса, следует привлечь правительство России к действительному сотрудничеству, не рассматривая его как объект поучений. Вне всякого сомнения, это вызовет протесты со стороны неперестроившихся сторонников миссионерского подхода. Из провала своей исключительно прокремлёвской позиции 90-х гг. они извлекли единственный урок: оказывается, ошибка заключалась в том, что они не сделали своим «союзником непосредственно народ России». Теперь они предлагают переделать посткоммунистическую Россию снизу: «помочь российскому народу, а не российскому государству», помочь тем, кого они мечтательно называют «гражданским обществом» (73).

Какой бы привлекательной ни казалась эта идея (74), очевидна её практическая непригодность и безрассудность. В ней воплотился дух вмешательства и высокомерия, убеждённости в том, что без американского руководства русские не смогут создать ни демократии, ни системы свободного предпринимательства. Более того, как отмечалось выше, в понятие «гражданского общества» может вкладываться любое содержание. Согласно Путину, жестокая война против гражданского населения в Чечне была начата Кремлём для того, чтобы «восстановить гражданское общество» (75). А если, как предлагают западные сторонники этого подхода, понимать под термином

действительно массовые и независимые от государства общественные организации, то в нынешней России самой большой такой организацией является партия коммунистов.

На практике политика поддержки «гражданского общества» используется обычно как оправдание того, что американские деньги и политическая поддержка предоставляются исключительно «нашим ребятам»: отдельным российским гражданам, средствам массовой информации, партиям и другим общественным группам, которые исповедуют проамериканские идеи. Продолжая эту политику и игнорируя мнение российского правительства, можно только добиться того, что побудительные мотивы США будут вызывать ещё больше подозрений, а получатели американской помощи подвергнутся оскорблениям и преследованиям, в особенности со стороны местных властей. И во всяком случае, не от «гражданского общества» зависят те отчаянно необходимые меры, которые следует осуществить для стабилизации российской экономики и предприятий ядерного комплекса (76). Это может сделать только государство и находящееся в Москве руководство.

Стабильность экономики и ядерного комплекса не в меньшей степени соответствует интересам России. Можно быть уверенным в том, что Путин, а также любой другой кремлёвский руководитель будет приветствовать новые, порывающие с миссионерством предложения, призванные способствовать реализации этих целей. Чтобы проводить эффективную политику, американскому президенту вовсе не нужно иметь близкого друга или протеже в Кремле, как очевидно думала администрация Клинтона; в качестве партнера ей достаточно руководителя, стремящегося к достижению этих важных целей. (Таким образом, администрация вновь совершила ненужную ошибку, когда поспешила поддержать Путина как президента ещё до выборов марта 2000 г., именно в то время, когда он всячески наращивал жестокую войну в Чечне) (77).

Правительство США, включая конгресс, также не может позволить себе прежнюю политику настоящего бойкота российского парламента, которая проводилась на протяжении

90-х гг. Что бы ни значил термин *гражданское общество*, избранное народом собрание, вне зависимости от своей, как выразился Кеннан, политической физиономии, является продуктом и отражением этого общества, а также тем несомненно единственным учреждением, без которого, в принципе, не может быть представительной демократии (78). Без участия парламента, или Думы, любые программы, призванные обеспечить стабильность России и её ядерных арсеналов, сами не могут быть стабильны.

Привлечение России к сотрудничеству следует начинать с её полуживой экономики. Она является и основным источником губительной нестабильности, и основным объектом провалившихся, но непрекращающихся миссионерских попыток. В интересах стабилизации и подлинного сотрудничества от США требуется принципиально иной подход. При этом требуется даже новый лексикон. Слово *реформа*, в нынешней России основательно дискредитированное и не имеющее ясно-го отношения к реальности, следует заменить на *восстановление* или *развитие* (79).

Этот новый подход ознаменует разрыв со старыми американскими догмами о «переходном периоде» в России. Вместо того, чтобы диктовать Москве экономическую политику как условие финансовой помощи, что является самой навязчивой формой опеки, Вашингтону следует предложить российскому правительству выдвинуть собственную программу восстановления экономики. Если эти предложения покажутся состоятельными и убедительными не узкому кругу контролировавших политику сектантов, а целому ряду американских и европейских экономистов (видные американские экономисты уже призвали к выработке альтернативного подхода для России (80)) – то у президента США появится возможность оправдать своё звание мирового лидера, начав международную кампанию по сбору необходимых средств.

У этого немиссионерского начинания, которое имеет столь важное значение для новой американской политики, есть несколько существенных достоинств. В политическом отношении

оно должно продемонстрировать пост-ельцинскому руководству России, что постклинтоновское руководство США отказалось от опеки в пользу реального сотрудничества, и не только в сфере экономики. Взаимная заинтересованность и сотрудничество, которые возникнут при реализации этого проекта, могли бы в дальнейшем послужить устранению исходящих от России ядерных опасностей и укреплению международного мира в целом.

Благодаря этому подходу политика США встанет на почву российских реалий, вместо иллюзий и вымыслов. Очень мало кто среди российских политиков и экономистов ещё верит – пусть некоторые и делают такой вид – в неolibеральные, монетаристские рецепты, прописывавшиеся МВФ с начала 90-х гг. Главные условия МВФ: минимизация роли государства в пользу сил свободного рынка, достигаемая любой ценой максимальная степень приватизации, строгие рамки для государственных расходов, сжатие денежной массы и другие показатели антиинфляционной политики, достигаемые за счёт инвестиций, объёма производства, занятости и социального обеспечения, – все эти меры сейчас повсеместно отвергаются как неработающие, разрушительные и даже лишившие Россию (возможно, преднамеренно) её экономического суверенитета (81).

Рано или поздно Москва не сможет больше «придерживаться курса», нравится это Вашингтону или нет. Чтобы иметь хоть какой-то шанс на стабилизацию экономики, её новый курс должен быть разработан в самой стране. У России есть множество профессиональных и рыночно настроенных экономистов, чьи голоса были не слышны в 90-е гг., и которые, в отличие от большинства западных миссионеров, знают страну и то, на что она способна. Если их программы причинят населению страдания или потерпят неудачу, Америке, по крайней мере, не придётся больше выступать в роли соучастника.

В этом важном отношении немиссионерский, или недогматический подход был бы созвучен самому лучшему примеру американской международной помощи, а именно плану Маршалла по восстановлению и развитию Западной Европы после Второй мировой войны. План получил щедрую финансовую

поддержку Соединённых Штатов, но, по предложению правительства США, проект плана был разработан самими странами-получателями помощи (82). Этот план, основанный на принципиально отличном подходе (а также иных экономических принципах), сработал и, в отличие от рецептов, которые прописывались США для посткоммунистической России, принёс результаты.

Такой экономический план помощи России отвечает, если угодно, историческому опыту самой Америки. После того как «вашингтонское согласие» потерпело неудачу, у значительной части российского политического спектра всё бо́льшую поддержку получает московское согласие, иногда именуемое «третий путь Путина». В отличие от гугеровской по сути политики МВФ, которая, как и можно было ожидать, погрузила Россию в ещё большую экономическую депрессию, этот новый консенсус напоминает о кейнсианских мерах «нового курса», который в 30-е гг. позволил Америке выйти из её экономического кризиса. Отсюда растущее число упоминаний и сравнений с Франклином Рузвельтом, начиная с прихода к власти кабинета Примакова и кончая Путиным (83).

Москва сможет взять «антикризисный курс» в своей экономической политике, если не будет цепляться за аксиомы МВФ, которые говорят о том, что после мучительных лишений можно внезапно достичь процветания (84). Она начнет тогда бороться за то, чтобы вновь заработали заводы и фермы, используя при этом некогда стандартные способы преодоления экономической депрессии. То есть, будет оживлять производство путём прямых инвестиций в промышленные и сельскохозяйственные предприятия и направлять деньги в руки потенциальных потребителей для создания внутреннего спроса на производимую продукцию. Частный сектор будет сохранён; как и положено в «смешанной» экономике, его развитие даже будут поощрять, однако при этом вновь обретёт жизнь национализированный сектор, а государство вернёт себе руководящую роль в ходе экономического оздоровления и роста (85).

Даже если эти необходимые меры когда-то и были на Западе общепринятой практикой, защитники догм политики США

и МВФ всё равно восприняли бы их как ересь, прибегни к ним российское правительство в 90-х гг. В той или иной степени список этих мер должен включать: использование дефицитного бюджета для капиталовложений, выплаты долгов по зарплатам и пенсиям, а также другим государственным обязательствам; возобновление субсидий для финансирования оборонной промышленности, образования, науки и сферы социального обеспечения; введение пошлин на импортируемые товары для защиты собственного производителя; усиление контроля над банковской деятельностью с целью прекращения злоупотреблений и утечки капитала; введение регулируемых цен на некоторые товары; а, возможно, и избирательная ренационализация приватизированных предприятий, в особенности в области добычи нефти и газа, лесной промышленности, в производстве стратегических металлов, драгоценных камней и водки.

Ради собственных интересов Соединённые Штаты должны сделать всё возможное, чтобы предоставить финансовую помощь для этой беспрецедентной и судьбоносной попытки восстановить стабильность в ядерной стране, если, конечно, подобная попытка будет предпринята Москвой. Единственным условием должно быть то, что Кремль в дальнейшем воздержится от любых дестабилизирующих действий, таких, как война в Чечне 1999–2000 гг. Оставляя в стороне её финансовые издержки, кампания в Чечне дошла до такой крайности и в военном и в моральном отношении, что привела обе стороны к безрассудным угрозам, связанным с использованием ядерного оружия. В случае повторения подобных событий Москва не должна получать никаких средств от Запада, кроме тех, что уже обещаны для обеспечения ядерной безопасности. Если негативного развития событий не произойдёт, то Запад должен предоставить ту поддержку, какая окажется необходимой.

Многие влиятельные американцы решительно воспротивятся тому, чтобы снова предоставлять российскому правительству финансовую помощь. Некоторые так и говорят: «восстановление их экономики не в наших интересах», хотя эта напоминающая о «холодной войне» близорукость и подвергает

серьёзному риску безопасность США и всего мира (86). Другие скажут, что любые новые деньги тоже будут украдены, хотя баснословное обогащение расхитителей и создателей официально признанных «пирамид» поощрялось политикой МВФ и Вашингтона, и значительная часть средств была расхищена их же собственными протеже и олигархическими креатурами. Новые средства или, по крайней мере, бо́льшую их часть можно было бы уберечь, используя иную политику и сделав выводы из уроков 90-х гг.

Как и прежде, противники предоставления новой финансовой помощи настаивают прежде всего на том, что экономической политике, которая проводилась МВФ, нет альтернативы, а, значит, и новые методы, к которым могут прибегнуть в Москве, всё равно не дадут результатов. Но раз уж поддерживавшаяся США политика потерпела столь явное крушение, то почему бы Москве не попробовать прибегнуть к новой программе, напоминающей американский «новый курс» 30-х гг.? Ядерная Россия не может позволить себе роскоши новой «шоковой» политики, а также дезинтеграции и полного разрушения инфраструктуры, которая и так, при всей своей современности, представляет сегодня руины. До сих пор не было предложено никакой иной возможности. А у предлагаемой политики есть, по крайней мере, то преимущество, что после многих лет безразличия официальной Москвы (и Вашингтона) к «несчастной судьбе» испытывающего лишения русского народа, она может рассчитывать на массовую поддержку. (Отметим, что Путин не раз подчеркивал страшные масштабы обнищания страны и её народа) (87).

Сколько же денег потребуется России, чтобы возродить и стабилизировать экономику, притом что объёмы производства по сравнению с началом 90-х гг. уменьшились наполовину или даже более? Расчёты дают разные цифры в зависимости от того, какая доля технической и иной инфраструктуры была за прошедшее десятилетие безвозвратно утрачена из-за практически полного отсутствия финансирования, что во многих случаях не позволяло даже просто сохранить оборудование. За основу

можно взять подсчёты российского экономиста, которого высоко ценят за умеренность и здравый смысл. По его мнению, России потребуется 500 млрд. долларов в течение десятилетия (88).

50 миллиардов долларов в год – это много или мало? По сравнению с примерно 65 млрд. долларов, которые Запад предоставил с 1992 по 1999 гг. посткоммунистической России в качестве кредитов, это может показаться огромной суммой. Но это и очень мало по сравнению с теми фантастическими суммами, которые в годы «холодной войны» были истрачены Соединёнными Штатами на создание ядерного и иного оружия или с теми 4, 6 трлн. долларов, которые, по оценкам специалистов, будут получены за те же 10 лет в результате превышения доходов американского бюджета над расходами. Невелика эта сумма и с точки зрения интересов безопасности, которые будут обеспечены подобными затратами.

К тому же Соединённым Штатам и не придётся брать на себя большую часть расходов на восстановление экономики России. Нестабильность в России и особенно возможность новых ядерных катастроф на реакторах чернобыльского типа в большей степени затронет богатые страны Западной Европы, Скандинавии, а также Японию. Можно рассчитывать, что, предоставив общее руководство Соединённым Штатам, эти страны возьмут на себя львиную долю необходимых трат. Важно также, что те в Москве, кто защищает политику опоры на собственные силы, не желая увеличивать и без того огромный внешний долг и испытывая сомнения в возможности получить в близком будущем достаточные иностранные инвестиции, полны решимости найти необходимые средства внутри страны. (Частично это будет зависеть от мировых цен на российскую нефть).

Рассчитывая на силы и мощь возрождающегося государства, они предлагают: отобрать у самоназначенных олигархов и коррумпированных директоров их огромную валютную выручку от экспорта российской нефти, газа, леса и другой продукции естественных монополий; восстановить прежние, традиционно большие объёмы прибыли от продажи водки; ограничить,

по крайней мере, частично утечку капитала за границу, которая сейчас составляет от 18 до 24 млрд. долларов в год; провести реформу коммерческих банков, чтобы привлечь в народное хозяйство миллиарды хранимых «в чулке» частных сбережений, а также предоставить инфляционные льготы госбюджету, который сейчас составляет менее 5% от уровня десятилетней давности, вместо того, чтобы раздавать их спекулятивным банкам и иностранным инвесторам (89).

Объём денег, которые российское правительство сможет мобилизовать внутри страны, будет также зависеть от политических факторов. Один из них – желание и решимость самого правительства. Вопреки широко распространённому мнению оно всё ещё обладает достаточной властью, чтобы разделаться с финансовыми олигархами и коррупцией высокопоставленных должностных лиц, пивших народную кровь при Ельцине. С этим тесно связан вопрос о ренационализации прибыльных предприятий, которые были приватизированы противозаконно либо попросту украдены у государства. В дальнейшем государство смогло бы управлять ими само – либо же продать по их действительной стоимости. (В начале и середине 90-х гг. принадлежавшие государству активы стоимостью примерно 200 млрд. долларов, были переданы тесно связанным с властью лицам всего за 7 млрд.) (90).

Учитывая огромные богатства России и то, что Путин назвал государственным «генетическим кодом» нации, готовое к необходимым решениям руководство в Кремле вероятно сможет найти значительную часть требующихся для восстановления экономики средств внутри страны, но не всю необходимую для этого сумму (91). (В 2000 г. размеры уклонения от налогов составили, только по 4-м нефтяным кампаниям, 9 млрд. долларов). Если стабилизация ситуации в самой большой ядерной стране мира, действительно, наш высший приоритет, то Запад должен не препятствовать, а поощрять любую попытку Москвы, направленную на мобилизацию средств внутри страны, и дать необходимые заверения, что она получит те средства, которые не сможет собрать сама. Если руководство

западных стран захочет, то сможет это сделать, применив широкий набор мер: от предоставления прямой финансовой помощи либо долговременных беспроцентных займов до облегчения непосильного долгового бремени.

Как предполагаемый лидер этой международной кампании, Соединённые Штаты могли бы сделать первый шаг, который имел бы большое экономическое и политическое значение. Они могли бы без промедления предоставить российскому правительству средства, около 1 млрд. долларов, для того чтобы выплатить задолженности по зарплате, в том числе врачам, учителям, офицерам и техническому персоналу ядерного комплекса. Будет ещё лучше, если предоставить и дополнительную сумму, которая позволит Кремлю повысить те пенсии и зарплаты, которые находятся ниже прожиточного минимума, составляющего сейчас около 45 долларов в месяц (92). (В ноябре 2000 г. среднемесячная пенсия составляла 20 долларов, что было на 15 долларов ниже официального прожиточного минимума).

Совершив подобный акт возмещения убытков и социальной справедливости, – назовём это экономикой не «свободного», а честного рынка, – правительство Соединённых Штатов сможет достичь трёх целей, которые действительно достойны «единственной оставшейся сверхдержавы». Оно предотвратит или снизит инфляционные последствия появления большого количества рублей, которые российскому правительству придётся, по-видимому, напечатать в любом случае. Оно предоставит необходимые средства тем, кто отчаянно и больше других в них нуждается. И тем самым положит начало длительному процессу реабилитации американского доброго имени в посткоммунистической России.

Помощь обнищавшим массам необходима не только потому, что так много русских винит в этом Соединённые Штаты, но и потому, что их бедственное положение представляет основной источник нестабильности. Так, например, Вашингтон мог бы организовать международную помощь лекарствами тем 86% россиян, которые не могут позволить себе необходимое

лечение. Отметим, что продовольственная помощь менее необходима, а кроме того препятствует преодолению жестокой депрессии в российском сельском хозяйстве. Учитывая большое количество безработных, низкую зарплату и обесценившийся рубль, следует признать, что даже скромная финансовая помощь Запада позволит Москве развернуть программу, сходную с «новым курсом». Будут созданы дополнительные рабочие места, что поможет восстановить разваливающуюся инфраструктуру, которая является ещё одним источником нестабильности.

В помощи нуждаются и другие слои общества, пострадавшие от кризиса. Советский и постсоветский средний класс должен был стать основной опорой стабильной демократии, которую, как заявлял Запад, он хочет создать в России. Однако именно эта часть общества была уничтожена поддерживавшейся США экономической политикой. Тем временем западные программы помощи, призванные предоставлять начальный капитал небольшим частным фирмам, а также ипотечные кредиты будущим собственникам жилья, находятся лишь в стадии разработки или не получают достаточного финансирования (93). Пришло время использовать эти методы всерьёз и при этом в ненавязчивой форме, предоставляя кредиты в рублях, а не в долларах и через российские банки, а не отделения банков западных. Это позволит утвердить в стране те коммерческие практики, которые не были там прежде известны.

Могут быть предприняты и другие шаги, с тем чтобы уменьшить разрыв между провозглашёнными Западом политическими целями и имеющимися у него финансовыми ресурсами. Заплатив 7 млрд. долларов, которые бывшие советские республики должны России (в основном за поставки энергии) Соединённые Штаты и их союзники могли бы сразу же укрепить независимость этих государств, одновременно передав в руки Москвы больше средств, необходимые для восстановления экономики. Аналогичным образом, если Запад действительно хочет достижения в результате переговоров стабильного мира в Чечне, то взамен он должен предложить финансовую

помощь для восстановления этих опустошённых войной территорий (94).

Подобные шаги помогли бы России ступить на путь, ведущий к восстановлению экономики; но их недостаточно, если рассчитывать на долгую перспективу. В дальнейшем потребуются ещё много миллиардов долларов. Даже не предоставляя новых средств, Запад может помочь России изыскать самой требуемые суммы, существенно облегчив Москве её непосильное долговое бремя и оказав поддержку в возвращении миллиардов долларов, которые с начала 90-х гг. утекали на Запад.

Внешний долг России составляет 168 млрд. долларов, что в восемь раз превышает её годовой бюджет, а для его обслуживания уже в ближайшие годы потребуется от 15 до 16 млрд. долларов в год. Эта перспектива делает восстановление экономики поистине невозможным (95). Независимо от того, сколько денег правительство сможет изыскать внутри страны, ему придётся выбирать между долгом Западу и направлением средств на развитие экономики и выплаты собственному населению. Договорённости о реструктуризации только увековечивают долговые узы. В конце концов, это может заставить Кремль пойти на фундаментальный выбор между продолжением экономического упадка и объявлением дефолта по долгу, что будет означать самоизоляцию от Запада.

Единственным решением в этой ситуации является списание большей части российского внешнего долга с отсрочкой выплат по остающейся части. Даже оставляя за скобками широкую кампанию за отмену долгов всех бедных стран, можно указать и на прямо относящийся к делу прецедент. Запад списал половину долга, который оставался с прежних времен у посткоммунистической Польши; а ведь почти две трети долгов посткоммунистической России составляют обязательства советского времени. Больше того, около 25 млрд. долларов её посткоммунистического долга МВФ и Всемирному банку составляют суммы, которые были предоставлены Ельцину по настоянию США и в основном по политическим, а не экономическим мотивам. Но на первом месте должен

стоять императив безопасности: если Запад не освободит Россию от непосильного бремени, то, испытывая растущее возмущение и обиду, эта огромная ядерная держава станет ещё более нестабильной.

Не менее важно, по словам обозревателя «New York Times», «сделать всё возможное, чтобы помочь России вернуть деньги, выкачанные из неё продажными чиновниками и их западными сообщниками» (96). Большинство источников оценивает размеры утечки капитала из России, начиная с 1992 г., где-то между 150 и 350 млрд. долларов. Даже остановившись на нижней границе, мы всё равно получим сумму, практически равную всему российскому внешнему долгу и далеко превосходящую масштабы всех сделанных и гипотетически возможных иностранных инвестиций, которые в 1999 г. едва достигали 2 млрд. долларов.

На Соединённых Штатах, чья политика и чьи финансовые институты поощряли расхитителей, лежит обязательство стать во главе усилий Запада по возвращению максимально возможной части этой огромной суммы. (В качестве оправдания собственного бездействия говорят о том, что средства вернутся в страну автоматически, как только в России появится благоприятная инвестиционная среда. Но этот способ рассуждений игнорирует преступный характер совершенных действий и ставит телегу впереди лошади). Тут тоже можно указать на прецеденты. Мексика и другие государства уже обращались в прошлом к иностранным правительствам с просьбой о конфискации незаконно вывезенного капитала, а в 1998 г. ФБР США помогло Москве установить местонахождение украденных драгоценных камней и золотых монет. И хотя это уже не относится к американской политике, директор ФБР высказался в сентябре 2000 г. в том смысле, что бюро могло бы сделать гораздо больше: «Если Путин захочет узнать, куда ушли все деньги, мы можем ему помочь» (97).

Каждый миллиард долларов, который Соединённые Штаты помогут России возвратить домой и поставить на службу экономическому выздоровлению, явится прямым вкладом

в укрепление ядерной безопасности Америки и всего мира. Как подчеркнул один из специалистов, у этого императива есть две составляющих: «Страны, которые служат прибежищем для украденных денег, ответственны перед гражданами ограбленной страны... В противном случае расхищение миллиардов долларов будет продолжаться бесконечно, и стремительному погружению России в экономический хаос не будет конца» (98).

Даже если все эти меры новой экономической политики и будут приняты в Москве и Вашингтоне, Соединённые Штаты не могут ждать, рискуя дестабилизацией России. Не считая, как мы подчёркивали, опасностей, связанных с биологическим и химическим оружием, уже существующие ядерные угрозы и так выглядят устрашающе серьёзными. Как мы могли убедиться, часы катастрофы уже тикают в этой злосчастной стране, и никто не знает, который час: рассвет, полдень, вечерние сумерки, либо же время уже близится к полуночи.

Чтобы справиться с этой беспрецедентной ядерной опасностью, которая в значительной степени обязана возникновением неумной политике и халатности администрации Клинтона (99), крайне необходимо появление в Америке исключительно сильного и компетентного руководства. Масштаб его участия должен стать по крайней мере таким же, как в войне с Ираком, который обладал несравненно меньшим запасом оружия массового уничтожения. Одновременно необходимо задействовать два подхода: один призван уменьшить опасности, связанные с растущей ненадёжностью систем управления, контроля и обслуживания ядерного оружия, а другой должен быть направлен на ремонт и приведение в порядок инфраструктуры этого оружия.

На вопрос о том, почему до сих пор Россия не нанесла случайного ядерного удара по Соединённым Штатам, один из экспертов дал ответ, достойный Кассандры: «Нам повезло» (100). Если так, то у нас нет времени на то, чтобы стараться уменьшить угрозу традиционным путём переговоров и последующей ратификации договоров в парламенте. (Договор ОСВ-2 застрял в российском парламенте на семь лет, в то время как

Сенат США отказался ратифицировать всеобъемлющий договор о запрещении ядерных испытаний, а также отложил решение по нескольким протоколам к договору ОСВ-2) Вместо этого президент Америки должен предпринять ряд односторонних шагов, которые призваны резко снизить или вообще устранить эти опасности, резонно полагаясь на то, что Москва ответит тем же.

Публично заявив, что рассчитывает на аналогичные шаги Москвы, – а Путин уже продемонстрировал готовность сделать их – президент должен начать сокращение числа развернутых ядерных боеголовок с 7 тыс., существующих в настоящее время, но не до 3–3, 5 тыс., разрешённых договором ОСВ-2 на момент декабря 2007 г., а до общего числа не более 1 тыс. боеголовок, которые Москва может в настоящее время должным образом обслуживать и которые обеспечат значительно бо́льшую степень защиты, чем в сущности нужно каждой из сторон. Все развёрнутые боеголовки следует вывести из состояния предстартовой готовности. При этом президент должен пойти против давно утвердившейся стратегической доктрины, заявив, что правительство США никогда не применит ядерного оружия первым (101).

Эти серьёзные односторонние шаги, основанные на действии, а не рассуждениях, возможно войдут в противоречие с прописными истинами вашингтонской мудрости, а для некоторых потребуется согласие конгресса. Зато они позволят резко уменьшить нагрузку привычек и стереотипов «холодной войны» на разрушающиеся системы раннего предупреждения в России, а также увеличат с нескольких минут до нескольких дней время для распознавания ложной тревоги. Это обеспечит Америке и всему миру не поддающуюся измерению степень безопасности, причём без всяких американских затрат на поддержание способности «сдерживать или вести ядерную войну», как любят выражаться приверженцы стратегии судного дня. (Объявленное Клинтоном и Путиным в июне 2000 г. создание совместного центра для распознавания ложных сигналов тревоги демонстрирует понимание сторонами растущей угрозы

несанкционированных запусков ракет, но не её причин и не обеспечивает надлежащей защиты).

Из этого, разумеется, следует, что Соединённые Штаты не должны, пока Россия не выразит своего полного согласия, развёртывать национальную систему противоракетной обороны, либо ревизовать каким-либо иным образом Договор об ограничении таких систем. Наряду с другими контрпродуктивными последствиями, этот односторонний шаг побудит Москву ещё больше полагаться на свои разрушающиеся ядерные арсеналы и инфраструктуру и, несомненно, заставит производить ещё больше стратегических вооружений для преодоления любой подобной системы (102). Для Соединённых Штатов этот шаг повлечёт за собой необходимость потратить примерно 60 млрд. долларов на создание системы обороны против гипотетических угроз со стороны «террористических государств», но также будет означать показательный рост ядерных угроз, которые будут исходить из России. Насмарку, вероятно, пойдут и три десятилетия переговоров и соглашений по ограничению вооружений.

Ещё один способ, который необходимо задействовать, чтобы поставить возможные угрозы под непосредственный контроль, предполагает полную инвентаризацию «узких мест» российского ядерного оружия, ядерных материалов и реакторов. Частичный перечень уже был составлен учёными и разведывательными органами нескольких обеспокоенных стран, включая Соединённые Штаты, но он, очевидно, не является исчерпывающим в отношении всех существующих опасностей (103). Такой список невозможно составить без непосредственного участия Москвы. В случае необходимости он может быть выработан в ходе иностранных инспекций на месте при участии экспертов из стран — не членов НАТО, а также под патронажем ООН или любой другой, не связанной с НАТО международной организации.

Составив примерный перечень возможных катастроф, западные и российские специалисты смогут разработать программу для их предотвращения, а Соединённые Штаты возь-

мут на себя инициативу финансирования. (У отвечающего за это российского министерства настолько мало денег, что оно предполагает зарабатывать их, принимая на хранение ядерные отходы из других стран, т.е. умножая уже существующие риски. Теми же финансовыми причинами продиктовано решение Путина ослабить ограничения на экспорт российского ядерного оборудования, что увеличивает угрозу распространения ядерного оружия). Существует целый ряд проектов по оказанию помощи России в утилизации снятого с вооружения стратегического оружия и защите ядерных установок и материалов; однако их финансирование находится в совершенно плачевном состоянии. Нужны также новые, неортодоксальные программы, включая предложение привести в порядок российскую систему раннего предупреждения, что стоит относительно недорого и ничуть не в меньшей степени соответствует интересам безопасности Америки (104).

Впрочем, без полного перечня никто не сможет сказать, сколько всё это будет стоить. Хотя, в сущности, это не имеет значения. В отличие от массы химерических угроз, предусмотренных в доходящем до 300 млрд. долларов оборонном бюджете США, реальная безопасность не может стоить слишком дорого. (10 млн. долларов, которые в 1999 г. направили для поддержки в России средств массовой информации «гражданского общества», лучше было бы потратить на выплату или повышение зарплаты техническому персоналу российского ядерного комплекса). Но остановимся на важном примере: на финансирование американских программ, призванных обеспечить защиту и демонтаж российских ядерных боеголовок и материалов, в 2001 г. будет направлено чуть более 1 млрд. долларов; однако, чтобы эти программы были доведены до логического конца, необходимо, как сообщается, выделить на протяжении пяти лет от 5 до 8 млрд. долларов (105).

И снова спросим себя: много это или мало, если речь идёт о расходах, которые Соединённые Штаты разделят с другими странами? В сравнении с триллионами долларов, которые были потрачены, чтобы вызвать эти фатальные угрозы, или

с миллиардами долларов, которые предлагается направить на создание национальной системы противоракетной обороны, эти расходы составляют малую сумму. Иными словами, как предупреждает ещё одна Кассандра, эти расходы «мизерны по сравнению с теми издержками и рисками, которые повлечёт за собой наша неспособность действовать» (106).

Тем не менее, ни одна из этих мер экономического и исследовательского характера не даст эффекта, если Соединённые Штаты не прекратят политику, которая убеждает Москву в том, что её изолируют, окружают и запугивают, заставляя тем самым максимально укреплять системы оружия массового поражения. Комментируя действия администрации Клинтона, один американский обозреватель заметил: «Такое впечатление, что кому-то там наверху, в Вашингтоне, поручено каждое утро, вскакивая с постели, задавать вопрос: Что мы сегодня можем сделать ещё, чтобы заставить русских понервничать?» (107).

Играть на стратегических нервах правительства, чей контроль над собственными возможностями разрушить Америку всё больше ослабевает, это, мягко говоря, крайне безрассудное занятие. Должна возобладать более мудрая линия: каждый шаг в политике США за границей должен соизмеряться с беспрецедентным уровнем ядерных и иных угроз, исходящих ныне от посткоммунистической России. Это означает, что остро необходимы кардинальные изменения в существующей политике США.

Должен быть положен конец проводимой под руководством США, экспансии НАТО на Восток, которая нарушает обещания, данные администрацией Буша правительству Горбачёва. Включение в 1998 г. трёх бывших стран советского блока, Чехии, Венгрии и Польши, в состав НАТО убедило Москву, что России – посткоммунистической или какой-либо иной – на Западе (по крайней мере, в США), в сущности, никогда не доверяли и никогда не относились к ней как к желанному гостю. Считая, что его не просто исключают из создаваемой после «холодной войны» системы западной безопасности, но и снова рассматривают в качестве главного противника, Кремль усилил поиски стратегических партнёров в других частях

света, одновременно форсируя планы создания нового ядерного оружия.

Если, действуя в соответствии с объявленным администрацией Клинтона намерением принять в НАТО бывшие советские республики Литву, Латвию, Эстонию, а возможно, и Украину, НАТО ещё ближе придвинется к границам России, то тем самым будет перейдён Рубикон, что грозит ещё большими бедами в будущем. Если это действительно случится, то Москва скорее всего вновь разместит ракеты на границе с натовской Польшей, в союзной России Беларуси. Результатом будет новое ядерное противостояние в Европе, причём на этот раз Москва будет в намного меньшей степени контролировать свои находящиеся в полной боевой готовности ракеты.

Должно также прекратиться использование сил НАТО в наступательных операциях, что коренным образом противоречит её первоначальному оборонительным целям, и в особенности применение силы на соседних с Россией территориях. Предпринятые под началом США вслед за расширением альянса на Восток бомбардировки Югославии в 1999 г. нанесли «глубокую психологическую травму» российской политической жизни (108). Последствия этого – и все они негативные – продолжают разворачиваться на наших глазах.

Семидесятивосьмидневная воздушная война против дружественного России славянского народа сыграла главную роль в том, что российские военные и силы безопасности вновь очутились в центре политической жизни. Эта война явно сдвинула баланс кремлёвских разногласий о Чечне в пользу «партии войны». Она уменьшила желание и готовность России сотрудничать с НАТО и Соединёнными Штатами в стратегических вопросах. Больше того, она возбудила страх, что сама Россия может стать следующей жертвой НАТО: «Югославия вчера, Россия завтра». Не в состоянии найти защиту от тех обычных авиационных средств нападения, использование которых американцами она могла наблюдать в небе Сербии, Москва сделала вывод: «Не остается ничего другого, как рассчитывать на ядерное оружие» (109). Одним из прямых последствий стала

новая кремлёвская доктрина, в которой Запад вновь рассматривается в качестве противника, а также расширен перечень условий, при которых Москва пойдёт на применение ядерного оружия.

Равным образом должен быть положен конец безрассудному американскому поведению на другом конце России – в бассейне Каспийского моря, располагающем большими запасами нефти и газа. В 90-е гг. администрация Клинтона бросилась заключать соглашения с несколькими бывшими советскими республиками в Закавказье и Средней Азии о прокладке трубопроводов через их территорию, что ведёт к ограничению или полному прекращению доступа Москвы к этим месторождениям. За этим последовало нарастающее американское присутствие – политическое, финансовое и даже военное – в этом потенциально взрывоопасном регионе, который на протяжении столетий был частью царской империи, а затем Советского Союза.

Можно представить себе, как воспринимается в Москве эта политика посягательства на российские интересы, направляемая из далёкой Америки. В сочетании с выдвижением НАТО на западные границы эта политика возродила весь спектр настроений и комплексов «враждебного окружения». Одно из худших наследий сталинизма, страх этот в течение десятилетий играл самую отрицательную роль в политике «холодной войны» и репрессиях внутри страны, пока Горбачёв не избавил от него страну в конце 80-х гг. Благодаря политике США, он вернулся. Даже люди, в течение многих лет занимавшие открыто антисталинистские позиции, теперь говорят, что тиран, возможно, был прав в своём отношении к «империалистическому» Западу.

Похоже, администрация Клинтона не извлекла уроков из той печально знаменитой и порочной по сути политики, которую союзники выбрали после Первой мировой войны в обращении с побеждённой Германией. В результате Вашингтон после окончания «холодной войны» сходным образом обращается с Россией, то есть как с побеждённой нацией. Как ещё,

кроме безапелляционного: «победитель забирает всё», – можно объяснить заявления о том, что у Соединённых Штатов имеются «жизненно важные интересы», а тем самым и цели на всём пространстве бывшего Советского Союза: от республик Балтии и Украины до Средней Азии и Закавказья? (110).

Судя по всему, России собираются оставить очень немногое. Россия обременена невыносимым долговым бременем, её не допускают в военные союзы на Западе, на её энергетические ресурсы на юге претендуют другие державы, заявляющие о своём влиянии на бывших союзников и на бывшие советские республики. И при всём том Россию, по-видимому, лишают и права иметь какие-либо законные требования, национальные интересы и, судя по недавним протестам США против союза России и Беларуси, зоны особых интересов даже в соседних славянских государствах.

От многих наблюдателей мы слышали предостережения, что из-за внутренних причин посткоммунистическая Россия рискует повторить трагическую судьбу веймарской Германии. Если так, то им следует предостеречь Запад и от обращения с Россией как с веймарской Германией (111). В нынешний нестабильный ядерный век не нужно быть Гитлером, чтобы подвергнуть мир самой страшной из существующих опасностей.

Неумная политика, проводимая по отношению к России, на деле не принесла и никакого, компенсирующего потери выигрыша. Расширение НАТО не решило и не могло решить ни одной из серьёзных проблем, связанных с бывшим Советским Союзом, – проблем, вызванных экономическим коллапсом, ядерными угрозами, терроризмом, экологическими опасностями, распространением наркотиков и оружия, а также международным отмыванием денег и прочим. Более того Запад, если бы действительно стремился к этому, мог бы гарантировать безопасность малых стран, таких как балтийские государства, ждущих своей очереди вступления в НАТО, и без рискованного приближения военного альянса к границам России.

Равным образом, не были вызваны необходимостью и натовские бомбардировки Югославии, проводившиеся под

командованием США. Если бы России отвели серьёзную посредническую роль ещё до их начала, то, возможно появились бы иные возможности для обуздания Милошевича. Но вместо этого в нарушение международного права и нанеся ещё больший вред моральной репутации Америки, была начата война, которая оставила значительную часть экономики Сербии в руинах, Косово — в нищете, право сильного — в законе, а шесть тысяч американских солдат — в трясине этнических чисток и непрекращающегося насилия. Ни одного постоянного решения не было принято, даже после падения Милошевича, а выхода из ситуации не видно и поныне.

Ещё одним образцом близорукой и контрпродуктивной американской политики является поддержка США строительства нефтепровода и другие антироссийские игры в регионе Каспийского моря, где Путин уже начал вновь утверждать российские интересы. Даже если строительство осуществимо в финансовом отношении — а в этом всё ещё есть сомнения — нефтепроводу суждено стать пирровой «победой внешней политики» администрации Клинтона (112).

Американские и другие западные нефтяные компании не смогут успешно вести дело без определённого уровня стабильности в регионе, а России вполне по силам дестабилизировать ситуацию, как только она сочтёт нужным. Её методы могут быть разными: и те, что использовались в Чечне, и оказание давления, и провоцирование беспорядков в новых прикаспийских государствах, в которых она всё ещё пользуется большим влиянием. Вашингтон намекал на возможность оказания военной помощи этим странам, которые по большей части являются владениями самодержавных клептократов (113). Однако война в этом насыщенном энергетическими ресурсами регионе, да ещё с ядерной Россией вряд ли входит в его планы. Чтобы получать прибыль в бывшем Советском Союзе, западным нефтяным компаниям придётся считаться с долгосрочными интересами России, не оттесняя её, а сотрудничая с ней.

Не подлежит сомнению, что во всей политике Вашингтона по отношению к посткоммунистической России отсутст-

вовало подлинное сотрудничество; термином так часто злоупотребляли, что превратили в простое клише. Несмотря на те пространные разговоры, которые администрация Клинтона вела о мире после «холодной войны», она по сути увековечила основные принципы принятия решений, характерные для политики «холодной войны». Идеология, милитаризованное мышление, решения, основанные на принципе «нулевого варианта» – всё это отличало политику той эпохи. С начала 90-х гг. для новой администрации идеология стала ключевым элементом миссионерской политики. Военные доводы сыграли основную роль в расширении НАТО и решении о начале воздушной войны против Югославии (а также семи других стран, которые также в разное время подверглись нападению с применением бомбардировок, либо с использованием других видов оружия). А «нулевой вариант» стоял за импровизациями американской администрации в регионе Каспия.

Новая политика по отношению к России окажется успешной лишь в том случае, если на смену опасным анахронизмам придёт здравый смысл, политическое и дипломатическое мышление, а также примат интересов взаимной безопасности, что означает подлинное, а не мнимое сотрудничество. Без этого ничего нельзя будет сделать ни с опасной нестабильностью в России, ни с ситуацией вокруг её оружия массового поражения, ни даже с менее серьёзными проблемами. Если воспользоваться примером Косова, с которым у Соединённых Штатов связаны огромные ставки, то, в конце концов, здесь потребуется дипломатическое, а не военное решение, которое, возможно, сведётся к политическому разделу. Без полноценного участия России достичь этого нельзя. Есть и другие примеры, среди которых следует указать на Ирак.

Необходимо тем самым, если мы конечно хотим снова привлечь Россию к сотрудничеству, подняться над господствующими настроениями: «победитель забирает всё» – и осознать, что даже в нынешнем ослабленном состоянии у Москвы есть законные интересы, права и потенциальные возможности для участия в мировых делах. Для Кремля его статус связывается ныне

с членством и правом вето в Совете Безопасности ООН, – тем единственным неядерным преимуществом, которое у него осталось.

Неуважение, которое в 90-е гг. администрация Клинтона проявляла к ООН, используя односторонние действия в рамках НАТО, стало основным фактором, обусловившим отход России от сотрудничества. Соединённые Штаты должны теперь вновь привлечь Организацию Объединённых Наций к сотрудничеству, рассчитывая на возможные коллективные действия. Однако это нужно не только для установления более тесных связей с Москвой (114). Зловещие признаки нового ядерного века, ознаменованного нестабильностью в России, тревожат многие страны. И ни одна из них, даже «единственная оставшаяся сверхдержава», не сможет справиться с опасностью в одиночку.

И в более широком смысле для Америки настало время сдерживать свои импульсы сверхдержавы. На протяжении полувека после Второй мировой войны Соединённые Штаты представляли Запад, формируя и руководя его отношениями с Россией. Их полномочия принимались как данное – нечто нормальное и даже естественное – однако с географической и исторической точки зрения всё выглядит несколько иначе. Если России суждено когда-нибудь интегрироваться в западный мир, то она станет в значительной степени европейской страной и, главным образом, благодаря своим связям с другими европейскими государствами, а не с Америкой. Альтернативой «холодной войне» является не «Рах Americana», а то, что когда-то Горбачёв называл «нашим общим европейским домом».

Соединённым Штатам по-прежнему должно принадлежать первое слово в обеспечении безопасности и сокращении количества оружия массового поражения, но в других областях они должны постепенно отходить от той ведущей роли, которую на протяжении пятидесяти лет играли в отношениях Запада и России. Разумеется, это вызовет много протестов. Во время «холодной войны» инициативы советской России в Европе встречались с противодействием американских политиков

и экспертов, рассматривавших их как заговор и попытку привлечь союзников Америки на свою сторону. Это ревнивое отношение несомненно сыграло роль в том, что после окончания холодной войны Соединённые Штаты настаивали на расширении НАТО, а также сферы её ответственности.

Сейчас однако нет никаких разумных причин, чтобы вновь впадать в привычное раздражение, либо стараться на деле руководить Европой в её поступках. В XIX и начале XX века тесные связи России с Европой, в том числе династические узы, не принесли никакого особого вреда далёкой Америке, и нет оснований думать, что это произойдет теперь. И если Соединённым Штатам не суждено потерять Россию, потому что она им никогда не принадлежала, тогда то же самое можно сказать и о Европе.

По-видимому, роль Соединённых Штатов в этом процессе уменьшится в любом случае. По окончании «холодной войны» естественным образом начало восстанавливаться взаимное притяжение между Россией и Европой. Так, наиболее крупным кредитором России является не Америка, а Германия. Европейский Союз, на долю которого уже приходится около 40% российской внешней торговли, в конце 2000 г. открыто провозгласил своё стремление к «стратегическому» и «энергичному партнёрству», основанному на растущей потребности в российских нефти и газа (115). Кроме того, и Западная Европа, и Россия демонстрируют рост недовольства по поводу того, что они считают политическим и военным «гегемонизмом» США. Так, обе стороны выступают против планов Вашингтона развертывания систем противоракетной обороны.

Одно мимолетное исключение только подтверждает эту тенденцию. Значительно сильнее, чем в правительстве США, в европейских столицах реагировали на жестокости, совершённые Кремлём в Чечне. В апреле 2000 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы, к которой Москва присоединилась в 1996 г., даже лишила её права голоса. Но несмотря на это, в том же самом месяце новый президент России заявил: «Мы будем стремиться интегрироваться Европу», и нанёс свой

первый государственный визит в Лондон, что дало британскому премьер-министру повод с энтузиазмом говорить о «новых стратегических отношениях» (116). И это стало только началом энергичной политики Путина в Западной Европе. Не успел Клинтон покинуть Москву после завершения их встречи в июне 2000 г., как Путин уже отбыл в Рим. Вскоре он совершил ещё более важный дипломатический визит в Германию, а в октябре 2000 г. – в Париж.

Нам следует понять, что у исторической перспективы восстановления отношений Европы и России есть свои политические достоинства. В отличие от Америки, Европа и Россия пережили исторический шок войны на собственной территории, а также оккупацию, полицейский террор и диктатуру. (И если почти никто из американцев не видел живого коммуниста, то почти у каждого европейца были знакомые-коммунисты, иногда даже близкие) Узы близости, взаимного понимания и терпимости зачастую порождаются общностью исторического опыта. В целом, пережившие те же бедствия, что и русские, европейцы менее склонны относиться к ним как к «злополучному народу», какой-то изощённой «загадке» истории.

Даже если выяснится, что Европа не сможет до конца понять и интегрировать Россию, её политика вряд ли будет хуже американской, которая проводилась после распада Советского Союза. В конце концов, европейцы уже очень давно не верят в крестовые походы.

СОВА МИНЕРВЫ

Закончить эту книгу следует тем, с чего она началась – как американские наблюдатели освещают и интерпретируют события в России. Осознаёт ли большинство из них, хотя бы теперь, что на протяжении почти десяти лет их представления о России были неверными и превратными? Готовы ли американские политики, журналисты и учёные в новом тысячелетии не замыкаться в мире американских фантазий и иллюзий, а наконец-то сосредоточиться на реальностях посткоммунистической России, в особенности на связанных с ней опасностях?

Предполагавшийся переход России к процветанию, стабильности и демократии в годы правления Ельцина завершился беспрецедентным экономическим спадом, гуманитарной катастрофой, гражданской войной, ядерной нестабильностью и, наконец, приходом в Кремль офицера КГБ – едва ли это соответствовало тому, что было предсказано специалистами по России. Но, как мы видели, даже это не изменило их мнения ни по одному из принципиальных вопросов. Неизменным остаётся стандартное повествование о «России, совершающей исторический переход»; и чтобы объяснить появление Путина и его первые шаги, рассказ лишь чуть-чуть подновили.

Разумеется, отставку Ельцина и приход Путина к власти использовали как повод, чтобы придать этим заезженным штампам новую жизнь. Написанное по этому случаю главными редакторами «New York Times» и «Washington Post» читается как апология ельцинской эпохе и её отражения их изданиями. Российские богатства были разграблены, её народ доведён до нищеты, а корреспондент «Post» заверял читателей,

что у Ельцина «на первом месте стоит любовь к стране». Видный американский специалист по России – как и бывший посол США в Москве, и заслуженный историк – сочли возможным оправдать жестокую войну Путина в Чечне. А известный гарвардский экономист из числа вдохновителей крестового похода продолжает обвинять своих критиков в «позорной наивности либо цинизме». Молодые транзитологи тоже не желают отказываться от своих шаблонов, а один из них даже призвал американское правительство признать «моральное право» Кремля на войну в Чечне (117).

Американские комментарии по поводу трагедии подводной лодки «Курск» также косвенно подтвердили, что ельцинская эпоха в истории посткоммунистической России является для американцев своего рода «священной коровой». Пространные описания продолжали носить не менее идеологический и проповеднический характер, чем те, что появлялись в течение 90-х гг. Создавалось впечатление, что американское правительство само никогда не теряло ядерную подводную лодку вместе с экипажем, не ставило интересы «великой державы» выше трагедии жертв и их семей, не скрывало стратегическую информацию во имя национальной безопасности, а в данной ситуации имело больше прав, чем русские, рыскать в Баренцевом море. Саму катастрофу американцы объясняли любыми причинами, от советского опыта до путинского руководства, кроме наследия ельцинской эпохи, когда благодаря «реформам», осуществляемых с помощью США, ядерный комплекс России остался без должного содержания и контроля. Однако об этом ни слова не было сказано.

Не произошло в 2000 г. и какого-либо пересмотра политики крестового похода, несмотря на многочисленные свидетельства того, что, как заметил один наблюдатель, «Россия глотает эти “миссионерские” усилия целиком, не жуя». Всё равно, любое попятное движение, объясняют нам, происходит «не из-за того, что мы не справились с Россией». Эксперт из «Business Week» продолжает аплодировать «шоковым терапевтам» из Гарварда и их роли в российской приватизации –

«одной из наиболее успешных реформ эпохи Ельцина», которую большинство российских граждан отождествляет с грабежом и разорением. А американские корреспонденты и инвесторы в Москве до сих пор тоскуют по идеальному, с их точки зрения, кремлёвскому чиновнику: безупречному «либералу», «говорящему по-английски приверженцу рыночной экономики, который внимательно прислушивается к финансовой конъюнктуре».

А чтобы не возникало никаких сомнений по поводу американского крестового похода, заслуженный политолог снова предостерегает нас против «иллюзий по поводу того, что у России может быть какой-то “третий путь”», между советским прошлым и американскими рецептами. Международный обозреватель «New York Times» вновь убеждает своих читателей, что, вопреки данным опросов общественного мнения, «большинство россиян хотело бы сегодня, чтобы Россия походила на Америку». В то же время, новое поколение американских транзитологов, выглядит явно озабоченным: в свете провалов МВФ в 90-е гг. может «не остаться инструмента, при помощи которого можно будет управлять движением России к рыночной реформе». А один американский миллиардер был даже глубоко разочарован, но лишь тем, что крестовый поход не принял форму более непосредственного вмешательства. Исправить этот недостаток путём установления американской финансовой опеки над российским обществом советует американскому Сенату один учёный из Вашингтона. Ему вторит редактор «Washington Post», восклицающий: «Да, вмешайтесь в российские дела» (118).

Хуже всего, что в новый ядерный век американские специалисты по России вступают как во сне. Они, очевидно, не отдают отчёта в том, что фатальные угрозы, исходящие от изучаемой ими страны, теперь превышают всё, что известно истории. Давая пояснения комитету Сената США о ситуации в постельцинской России, два ведущих представителя экспертных организаций даже не упомянули об этих нарастающих угрозах. Руководитель программы изучения России ведущего

университета США заклеил как «неосоветизм» предложения по стабилизации экономического положения в России. По словам репортера, расширение НАТО стало «триумфом» США, хотя этот шаг явно увеличивал ядерную угрозу. Международный обозреватель рекомендует избрать «по отношению к России политику сдерживания», игнорируя тот очевидный факт, что карантин не позволит предотвратить ни ядерные взрывы, ни ошибочные запуски ракет (119).

Читатель вправе думать, что мнение «болтающего класса», как иногда именуют нас англичане, не столь уж существенно, ибо от него ничего не зависит. И будет прав в одном немаловажном отношении. Только американский президент благодаря данной ему власти и лидерству может дать старт новой российской политике, способной обуздать растущие угрозы. Но и здесь тоже почти все новости плохие.

В ответ на недостойный уход Ельцина администрация Клинтона вновь подтвердила необходимость политики опеки. «Сам факт отсутствия ясности относительно будущего России... в умах её собственных граждан и лидеров», – заявил высший чиновник американской администрации, «требует большей ясности от политики США». Потеряв Ельцина, служившего администрации «олицетворением российских реформ», она быстро назначила на эту роль Путина, сердито отмахнувшись от «всего этого лепета о КГБ».

Сам президент Клинтон остаётся всё тем же миссионером, что и прежде. Во время визита в Москву в июне 2000 г. он, как сообщали агентства новостей, был «настроен поучать». Обращаясь к российскому парламенту, он признал: «Американцы должны преодолеть в себе искушение думать, будто у них есть ответы на все вопросы»; однако, согласно другому сообщению, немедленно после этого «перешёл к длинному перечню рекомендаций, который выглядел так, как если бы это было перенесённым на российскую почву посланием президента к конгрессу» (120).

По мере того, как полномочия Клинтона и его администрации подходили к концу, в Вашингтоне продолжали вопреки

всему, настаивать, что крестовый поход, начатый 8 лет назад, ещё не кончился. Посткоммунистическая Россия, объясняли нам, просто нуждается в дальнейших «реформах». Новые реформы, однако, ничем не отличались в понимании администрации от реформ 90-х гг.: та же «шоковая терапия», основанная на финансовой помощи американского правительства и ведущих международных организаций, которая уже привела к дестабилизации крупнейшей в мире ядерной державы. По свидетельству одного специалиста, даже само слово «постепенность» оказалось выброшено из лексикона транзитологов (121).

Ближе к концу 2000 г. подконтрольный Соединённым Штатам МВФ, который, как видно, десятилетия неудач ничему не научило, вновь заявил: «В целом стратегия экономических реформ в России является правильной... Россия не должна помышлять об изменении стратегии». (Президент одного международного кредитного банка также не увидел причин для возобновления дискуссии о стратегии). Рассматривая Путина как шанс для «второй попытки», Вашингтон постарался оказать влияние на подбор его экономических министров, как он делал это при Ельцине, побуждая назначить «подлинных реформаторов», – подобных тем, которые уже привели Россию к кризису и массовому обнищанию в 90-е гг. (122). Одним словом, это было одно сплошное дежавю.

Согласно демократической теории, избрание нового американского президента должно предусматривать серьёзную дискуссию о неудачах предыдущей политики. К сожалению, дискуссия о России и российской политике в ходе президентской кампании 2000 г. оказалась мимолетной и отрывочной. Ни один из двух основных кандидатов не продемонстрировал понимания подлинных масштабов и глубины ядерной угрозы, растущей внутри России, и её социально-экономических причин. А средства массовой информации не захотели поднимать эти вопросы.

Кандидат от Демократической партии, вице-президент Гор, обещал продолжить политику расширения НАТО на восток, а вскоре стало ясно, что он готов унаследовать и все остальные

элементы катастрофической политики клинтоновской администрации. Неудивительно, что его советник по внешней политике и другие помощники продолжали настаивать, что подход Клинтона–Гора к российской политике 90-х гг. стал основой «больших свершений» и поэтому базовая стратегия администрации оказалась «правильной и должна быть продолжена» (123). Совершенно очевидно, что победа Гора не оставила бы надежды для новой политики.

Определённую надежду можно усмотреть в замечаниях, высказанных в ходе кампании другим кандидатом, республиканцем Джорджем Бушем-младшим. После беспрецедентного в современной истории тупика, сложившегося в ходе избирательной борьбы, когда ни один из кандидатов не имел нужного перевеса голосов и решение пришлось принимать Верховному Суду, Буш в конце концов одержал победу в декабре 2000 г. Новый президент и его помощники подвергли острой критике подход Клинтона–Гора к российской политике, охарактеризовав его в целом как «провальную политику», но что они собираются противопоставить этому подходу, так и осталось невыясненным.

К примеру, Буш продемонстрировал, что, по-видимому, отвергает миссионерское предприятие 90-х гг.: «Я просто не думаю, что это подходящая роль для Соединённых Штатов топтать в страну и говорить: мы это делали так-то, поэтому и вы должны делать так» (124). Он также предложил новый подход к вопросу о ядерной безопасности. Он сказал, что мог бы в одностороннем порядке начать сокращать американские боеголовки до уровня, гораздо более низкого, чем те 3–3,5 тыс., предусмотренные договором ОСВ-2, а часть остающихся снять с режима боевой готовности, если Москва предпримет аналогичные шаги. Такой подход, как помнит читатель, является насущно необходимым, и будет почти наверняка одобрен Кремлём, если Путин выступит с подобными предложениями.

Однако пытаться составить представление о принципиально новой российской политике американского президента из отрывочных замечаний Буша, сделанных им во время пре-

зидентской кампании, значит строить надежды, исходя из таких же надежд. Как и Гор, он, похоже, готов пойти на решительный и опасный шаг, приняв бывшие советские республики Литву, Латвию и Эстонию в НАТО. Он также высказался за создание, несмотря на возражения России, системы противоракетной обороны, причём более мощной, чем та ограниченная и обусловленная переговорами система, за которую выступает Гор. Оба эти шаг (причём в равной степени) безусловно, вынудят Москву полагаться в большей степени на свою непрочную ядерную инфраструктуру и держать ракеты в положении боевой готовности. Столь же неразумным выглядит одобрение Бушем опрометчивого отказа контролируемого республиканцами Сената подписать всеобъемлющий договор о запрете ядерных испытаний. Это дало повод участникам конференции ООН в 2000 г. рассматривать сами Соединённые Штаты как «некое государство, которое жульнически манипулирует нераспространением ядерного оружия» (125).

Более того, миссионерский импульс, который лежал в основе провалившегося крестового похода, имеет глубокие корни не только в Демократической партии Клинтона и Гора, но и в партии нового президента. Во время президентской кампании 2000 г. республиканские сторонники Буша в палате представителей выпустили доклад, в котором подробно и критически проанализировали российскую политику Клинтона–Гора и вынесли ей обвинительное заключение. Однако заканчивался доклад основными направлениями для собственного крестового похода в Россию, призванного обеспечить её «переход» и основанного на очень схожей предпосылке: «Соединённые Штаты предлагают первоклассную модель для будущего России» (126).

Мы остаёмся в плену трагического парадокса. Беспрецедентные опасности, а также знаменательная неудача политики США едва ли привели к появлению новых идей и готовности действовать. И с этой точки зрения высказанная Гегелем непреложная истина: «Только с наступлением ночи сова Минервы расправляет крылья» выглядит как наивный оптимизм.

Великий немецкий философ полагал, что хотя мы и не можем постичь смысла эпохальных событий до того, как они проявятся в полную силу, но всё же способны понять их впоследствии. Впервые в истории опасной дестабилизации подверглась страна, до предела насыщенная ядерным оружием, однако Америка до сих пор не в состоянии это осмыслить.

Русские, когда-то верившие в мудрость и сочувствие Америки, ныне испытывают всё большее отчаяние (127). Один московский историк напоминает, как во время Первой мировой войны Соединённые Штаты принуждали Россию выполнять союзнический долг, несмотря на внутренний кризис, тем самым толкая на путь, приведший к катастрофе 1917 г. Он опасается, что подобное может повториться снова.

Запад жёстко требует, пишет он, чтобы Россия двигалась вперёд. На этот раз не в сторону Галицких предгорий Карпат, но едва ли в менее опасном направлении. Как и в далёком 1917 г., Запад, который не хочет взглянуть на российские проблемы открытыми глазами, обещает поддержку только при условии продолжения движения, начатого в 1992 г., которое объективно приведёт нас к хаосу (128).

Однако истории известен и другой, внушающий оптимизм прецедент. В середине 80-х мир столкнулся, хотя и с меньшей, но достаточно серьёзной ядерной опасностью. Эскалация угроз и накопление военных арсеналов поставили обе сверхдержавы на грань настоящей войны. Этого удалось избежать – «холодной войне» был положен конец благодаря, главным образом, Михаилу Горбачёву и его радикальному «новому мышлению», которое смогло возникнуть в рамках авторитарной советской системы (129).

Теперь уже демократической Америке предстоит выработать новое мышление и выдвинуть новое руководство. Но она всё никак не может этого сделать. Крепко прижав крылья, сова Минервы спит, а в России стрелки часов катастрофы уже подходят к полуночи.

ПРИМЕЧАНИЯ

В примечаниях, дающихся к нескольким цитатам, источники приводятся в порядке цитирования, если не указано иное. Ряд популярных изданий, как американских, так и русских, обозначен инициалами:

JRL	<i>Johnson's Russia List (e-mail)</i>
LAT	<i>Los Angeles Times</i>
NYT	<i>New York Times</i>
НГ	Независимая газета
RFE/RL	Radio Free Europe/Radio Liberty
WSJ	<i>Wall Street Journal</i>
WP	<i>Washington Post</i>
AP	Associated Press
ОГ	Общая газета
MT	Moscow Times
СР	Советская Россия
МН	Московские новости
ЛГ	Литературная газета

ЧАСТЬ I

1. Remnick, *Resurrection: The Struggle for a New Russia* (New York, 1997), p. 562; *Slavic Review*, Fall 1998, p. 625; Марк Иган (Mark Egan) цитирует Gore в сообщении агентства Reuters, *JRL*, Oct. 8, 1999; *Charlie Rose*, PBS, Sept. 10, 1999; *Voice of America*, Dec. 2, 1999, *JRL*, Dec. 5, 1999; *Weekly Standard*, Jan. 17, 2000, p. 15; Michael Stone цитируется в: *Russian Review*, March 25, 1996, p. 59; *Вопросы экономики*, 1997, № 5. С. 74, 76; *НГ*, 22 сент. 1999 г.; отчет процитирован в сообщении информационного агентства, *JRL*, July 51, 1999; *Anti-Defamation League Survey on Anti-Semitism and Societal Attitudes in Russia* (New York, 1999), p. 4; Интервью Солженицына см: *Новая газета*. 11–14 мая, 2000.
2. О дискуссии см: Alexander Dallin in Robert O. Crummey, ed., *Reform in Russia and the USSR*. (Urbana, 1989), pp. 248-49; David S. Foglesong, «Roots of “Liberation”», *The International History Review*, March 1999, p. 57-79. В других работах Foglesong относит истоки нынешнего крестового похода к деятельности американских миссионеров в царской России в XIX в. См. *Religion, State & Society*, № 4, 1997, p. 353-68.

3. «After the Soviet Union: Implications for U. S. Policy» (The Eighty-first American Assembly, April 25–26, 1992), p. 9; предложение Robert D. Blackwill было подытожено Joseph Fitchett в: *International Herald Tribune*, June 22, 1992. Также см. предложение George Soros в: *Open Society: Chronicle of the Soros Foundations*, April 1992, p. 5; WP editorial, Oct. 27, 1992; William G. Hyland in *Foreign Affairs*, no 1, 1992, p. 48
4. Elaine Sciolino в *NYT*, Feb. 4, 1995. По поводу официальной точки зрения см. интервью Thomas Graham в документальном фильме «Return of the Czar», *PBS*, May 9, 2000. Похоже, что ни официальные лица, ни Sciolino не сочли странным, что подобные решения, затрагивающие наиболее важные политические и экономические вопросы, стоявшие тогда перед Россией, обсуждаются американским правительством.
5. Steven Erlanger, *Ibid.*, July 28, 1995. Как выразился позднее один критик, «Россия играла роль беспомощного ребенка, а Запад – всемогущего взрослого», – Lawrence R. Klein and Marshall Power, eds., *The New Russia: Transition Gone Awry* (Stanford, 2000), p. 7.
6. Цит. по: Daniel Williams, *WP*, March 15, 1995. Месяц спустя президент Клинтон выразился ещё понятнее: «У нас есть интересы и ценности. Они воплощены в политике и руководстве президента Ельцина». *Ibid.*, April 5, 1995. Примерно в то же время один из главных вдохновителей крестового похода официально заявил: «Президент Ельцин – это воплощение реформ в России». Strobe Talbott цитируется Michael Dobbs и Paul Blustein, *ibid.*, Sept. 12, 1999.
7. Robert E. Rubin в: *NYT*, Sept. 21, 1999. См. также Michel Camdessus в «*Московских новостях*», 1999, 15–21 декабря. По поводу «диктата» см. отчет David E. Sanger's о МВФ в *NYT*, Nov. 10, 1999. Ещё до клинтоновской администрации американские миссионеры уже приписали МВФ ведущую организационную роль в крестовом походе, поскольку он является «единственной в мире организацией, которая имеет относительно ясное представление о том, как России реформировать её экономику наиболее эффективно», – Jeffrey Sachs в *New Republic*, Dec. 21, 1992, p. 25.
8. Американские журналисты – приверженцы профессора Гарвардского университета Jeffrey Sachs, который называет себя «экономическим советником российского правительства» и который сыграл особенно большую роль в формировании американских представлений о России, назвали его «просвещенным миссионером» и «евангелистом». – См. Francis X. Cline в *NYT*, Jan. 16, 1992; и Peter Passell в *NYT Magazine*, June 27, 1995, p. 60. Рецензент биографии Ельцина, написанной Leon Aron, охарактеризовал эту биографию, как «почти евангелическую». – см.: John Thornhill в *Financial Times*, Feb. 15, 2000. Также см.: Joseph Stiglitz, *Whither Reform?* (Washington, D. C.: World Bank, 1999), p. 22. Как сардонически заметил один знающий репортер, стремление «давать советы» началось значительно раньше. – См. James Risen в *LAT*, Sept. 5, 1991.
9. В качестве примера того, насколько навязчивой стала эта опека, см. похищенное письмо, написанное заместителем секретаря американского казначейства Lawrence H. Summers Анатолию Чубайсу, первому заместителю премьер-министра. – «*НГ*» 1997, 26 сентября. См. также: Janine R. Wedel, *Collision and Collusion* (New York, 1998).
10. Zbigniew Brzezinski в *Foreign Affairs*, Fall 1992, p. 55. Цитата приводится по версии письма, опубликованной в Москве в *New Times*, no. 25, 1995, p. 26.

11. Thomas Pickering цитируется в релизе USIA, в *JRL*, Nov. 18, 1996; E. Wayne Merry в *WSJ*, Sept. 8, 1999; John Lloyd цитирует Srobe Talbott в *NYT Magazine*, Aug. 15, 1999, p. 64.
12. Scott Horton в *Harriman Review*, Dec. 1998, p. 50; Soros в *Open Society*, June 1992, p. 5.
13. По поводу мнения бизнесмена см Paul Tatum (двумя годами позже убитый в Москве), в *NYT*, Nov. 4, 1996. Также см. письмо от российского советника по инвестициям в *NYT* (Sept. 7, 1995), которое заканчивается словами: «Страна со 150 млн. населением стоит на пороге грандиозного взрыва экономической активности. Будьте там!» По поводу других цитат см. Matthew Brzezinski в *WP*, Sept. 17, 1999.
14. «Fitch IBCA Comment,» Sept. 8, 1998, March 4, 1999; Timothy L. O'Brien on Soros в *NYT*, Dec. 6, 1998; Joseph Kahn и Timothy L. O'Brien on Goldman, Sach & Co., *ibid.*, Oct. 18, 1998; O'Brien, *ibid.*, Sept. 5, 1999; O'Brien and Raymond Bonner, *ibid.*, Feb. 17, 2000.
15. «A Test of the News,» опубликованный как приложение к *New Republic*, Aug. 4, 1920. Имеется в виду *NYT*.
16. Jim Hoagland в *WP*, Nov. 6, 1992; Rose Brady, *Kapitalizm* (New Haven, 1999), pp. 242 – 45; Thomas L. Friedman в *NYT*, Oct. 24, 1999; Steven Erlanger, *ibid.*, July 28, 1995; David Hoffman в *WP*, Sept. 19, 1999. Также см. *NYT* editorials of Aug. 10, 1999, и Nov. 26, 1991.
17. Ellen Shearer and Frank Starr, «Through a Prism Darkly,» *American Journalism Review*, Sept. 1996, p. 57; Anthony Olcott reviewing Rose Brady's *Kapitalizm* в *WP Book World*, June 27, 1999, p. 6. По поводу более общего обвинения характера освещения российских событий в прессе см.: Matt Bivens and Jonas Bernstein, «The Russia You Never Met», *Demokratizatsiya*, Fall 1998, pp. 613-47. По поводу лучших примеров газетной критики см. Mark Ames and Matt Taibbi, *The Exile* (New York, 2000); о примерах незначительных фактических ошибок см. также Alessandra Stanley и Eric Schmitt по поводу Отто Ладиса и общественного мнения, а также девальвации рубля, соответственно: *NYT*, March 21, 50, 1997, и Sept. 22, 1999; и Andrew Meier о Сергее Бабурине в *Time*, July 15, 1998, p. 52. О более серьезных аналитических и политических ошибках см. Michael Specter и Michael R. Gordon об отношении России к расширению НАТО в *NYT*, Feb. 24, May 2, 28, 1997; the *Newsday* editorial of Aug. 22, 1999 – о «вере русских в рыночную систему» и очень странном случае выпадения ссылки Путина на США из его замечаний, процитированных Jane Perlez в *NYT*, Jan. 17, 2000. См. также ниже прим. 93. Один российский журналист на страницах совместного американско-российского журнала в конце концов раздраженно воскликнул: «Ради Бога, проверяйте факты!» – Masha Gessen в *JRL*, Dec. 11, 1999.
18. David Hoffman on *The NewsHour with Jim Lehrer*, PBS, July 22, 1997.
19. Интервью Леонида Крутакова Matt Taibbi и Mark Ames в *JRL*, Oct. 25, 1999. По поводу «гигантов» см. Lee Hockstader в *WP*, Jan. 1, 1995. О типичных источниках см. Steven Erlanger в *NYT*, April 9, Dec. 4, 1995; Fred Hiatt в *WP*, March 26, 1995, Dec. 10, 1996; David Hoffman, *ibid.*, Dec. 15, 1997; и удивительный список, приведенный John Lloyd в *Rebirth of a Nation* (London, 1998), pp. x, 451. Что касается американских политических деятелей, то, как говорит один информированный источник, здесь «выбирать всегда приходится между черным и белым». Интервью Donald Jensen в документальном фильме «Return of the Czar,» PBS, May 9, 2000. Сторонники американской политики, МВФ и Ельцина предпочитают ссылаться на

Jeffrey Sachs, Anders Aslund, Charles Blitzer, and Michael McFaul. Даже когда их имена не упоминались, их имели в виду, говоря о «многих аналитиках», «специалистах», «экспертах», «западных дипломатах» и «высокопоставленных советниках». Характерно, что один корреспондент назвал американского посла в Москве Томаса Пикеринга (Thomas R. Pickering), чьи неверные оценки в отношении России широко известны, и вице-президента одной лоббистской инвестиционной организации среди «самых проникательных специалистов по России». См. Fred Hiatt в *WP*, Dec. 10, 1996. С другой стороны, многочисленные оппозиционные политики и экономисты не только не попали в этот список, но и вообще редко цитировались, а иногда и вовсе игнорировались. «Коммунистический лидер Г. М. Зюганов» — Michael Specter даже не знает инициалов человека, о котором пишет в *NYT*, Oct. 18, 1996. Подобная практика не нова. Так, в 1993 г. Александр Руцкой, ельцинский вице-президент, перешедший в оппозицию к нему, сразу перестал быть интересным для американских наблюдателей: «Мистер Руцкой говорит только о коррупции, унижении России как великой державы и необходимости найти некий “третий путь” к постепенному, менее болезненному реформированию» (Steven Erlanger, *ibid.*, April 24, 1993.). Темы и предметы, которые перестали интересовать американцев, продолжают, разумеется, быть чрезвычайно важными для России. Похоже, что американские корреспонденты в Москве редко читают российскую прессу.

20. *NYT* editorial, Dec. 14, 1995. См. также David Hoffman в *WP*, Oct. 1, 1995. В этих описаниях «экстремисты» порой принимают форму сторонников жесткого курса. Несколько ранее *WP* пришел к выводу, что российский политический спектр состоит из «политиков, подобных Ельцину, которые приветствуют прозападную модель развития, и тех, кто хотел бы воскресить авторитарное прошлое». — См.: Michael Dobbs, *ibid.*, Feb. 1, 1992.
21. О Явлинском см. Michael Specter, который с одобрением ссылается на статью Michael McFaul в *NYT*, May 5, 1996; а также *NYT* editorial on May 1, 1996, и сообщение Specter's May 18, 1996. Явлинский чуть раньше заметил, что всякий, кто критикует Ельцина или программу МВФ, уже не считается демократом; еще хорошо, если вас не назовут коммуно-фашистом. — *Известия*, 1995, 12 июля. О «чистых руках» см. Michael Wines о Сергее Степашине в *NYT*, May 15, 1999. Отчет Wines's, опирающийся на однопартийный источник, контрастирует опубликованные в том же номере статьи Celestine Bohlen и Amy Knight. Также см. высокую оценку Michael R. Gordon неопытного и, как оказалось, некомпетентного Сергея Кириенко. — *Ibid.*, April 12, 1998. О всеобщих ожиданиях по поводу Кириенко, которым не суждено было сбыться см.: Bivens and Bernstein, «The Russia You Never Met,» p. 657. Американская пресса особенно высоко оценивала так называемые достижения «молодых реформаторов», которые обычно оборачивались на деле провалами и псевдореформами. Показательным примером в этом отношении является Борис Немцов и его деятельность на посту губернатора Нижнего Новгорода, превращенного в витрину реформ. Вообще, утверждение, что все сторонники Ельцина являлись неперемненными «реформаторами», порождало странные аргументы со стороны американских журналистов. Так, мэр мог быть «демократом» и одновременно «авторитарным правителем». Еще один корреспондент поспешил включить в список реформаторов даже финансовых олигархов: «они реформаторы, в том смысле, что они финансировали президентскую кампанию Ельцина против коммунистического соперника... и приветствуют политику перехода страны к свободному рынку и демократии, политику, которая сделала их баснословно богатыми». Еще один журналист считает, что «реформатором» не может быть тот,

- кто «враждебно настроен к Западу, не признает свободной рыночной конкуренции и американских интересов в России». — См., соответственно: Alessandra Stanley в *NYT*, June 10, 1997; David Hoffman в *WP*, Jan. 10, 1997; и Carroll Bogert в *Newsweek*, March 21, 1994, p. 51.
22. Vladimir Kvint, *NYT*, Jan. 24, 1995; James Ledbetter в *Village Voice*, May 28, 1996; Robert V. Daniels, *Russia's Transformation* (Lanham, Md., 1998), p. 195.
23. John Kohan в *Time*, Dec. 7, 1992; Celestine Bohlen and Thomas L. Friedman в *NYT*, April 15, 16, 1999. Также см.: editorial, *ibid.*, June 6, 1999.
24. Bivens and Bernstein, «The Russia You Never Met,» p. 620.
25. Michael R. Gordon and Alessandra Stanley в *NYT*, Oct. 17, 1996, Nov. 17, 1997. Также см. David Hoffman в *WP*, Sept. 9, 1997; Paul Quinn-Judge в *Time*, Dec. 15, 1997; Carol J. Williams в *LAT*, March 25, 1998. Газета *NYT* в редакционной статье 19 ноября 1997 г. в конце концов призвала к отстранению Чубайса, но спустя 11 дней уже во всю старалась реабилитировать его как мученика реформ. — См. Alessandra Stanley, *ibid.*, Nov. 30, 1997. Не было ни одной крупной американской газеты, которая выступила бы против его последующего политического возвращения. Похоже, что репутация Чубайса как апологета свободного рынка сумела пережить XX век. См., например, Neela Banerjee, *ibid.*, Feb. 12, 2000; и также Alessandra Stanley, *ibid.*, Jan. 2, 2000.
26. Matt Taibbi and Mark Ames, «*The Journal's Russia Scandal*,» *The Nation*, Oct. 4, 1999, p. 20.
27. Charles Krauthammer and Jim Hoagland в *WP*, March 19, 1993. Об «омлете» см. также David Remnick on Charlie Rose, *PBS*, Oct. 4, 1993; и the U. S. politician cited in U. S. News and World Report, Nov. 29, 1993, p. 49. Об «одобрямсе» см., например, A.M. Rosenthal, the editorial, and Leslie H. Gleb в *NYT*, March 16, 22, 28, April 29, 1993; George F. Will в *WP*, March 25, 1993; и editorials в *Chicago Tribune*, May 9, 1993, и *New Republic*, April 12, 1993. Кровавые события 1993 г. фактически не повлияли на *NYT* (см. editorial, Dec. 6, 1993), *WP* начал беспокоиться (editorial, Oct. 17, 1993) только тогда, когда Ельцин закрыл ряд газет. Никак не прореагировали проельцински настроенные журналисты на появившееся в американской прессе иное мнение. Так 6 из 10 человек, опрошенных по этому поводу, полагали, что США должны остаться в стороне от борьбы между Ельциным и парламентом. Предостережение против подобного см. Valery Chalidze в *Newsday*, March 28, 1993.
28. См., например, Alessandra Stanley in *NYT*, Jan. 19, 1997; *Chicago Tribune* editorial, May 9, 1998; и Jim Hoagland в *WP*, Dec. 16, 1999. Ельцин всерьез рассматривал возможность использования вооруженной силы в борьбе против парламента, но в американской прессе о подобных планах предпочитали не сообщать. См., например, свидетельства Анатолия Куликова в *НГ*, 1999, 23 июля.
29. См. статью Олега Богомолова в *НГ*, 1994, 8 февраля; и John Morrison, на которого ссылаются Shearer и Starr, «Through a Prism Darkly», p. 39. В качестве примера несоответствия американских репортажей российской действительности см. оптимистический отчет об экономических перспективах России, особенно для иностранных инвесторов, автор которого умудрился увидеть «благотворное» влияние даже в деятельности финансовых пирамид, к тому времени разоривших миллионы российских граждан. Steven Erlanger, *NYT*, Aug. 5, 1994. Может быть поэтому *NYT* никак не могла понять растущей популярности КППФ. См. *NYT* editorial, May 24, 1996. Об эксплуатации см. статью Ираиды Семеновы и Алексея Подымова в «*Российской газете*», 2000, 24 января.
30. См. Steven Erlanger, прим. 19.

31. Michael Wines, *NYT*, June 29, 2000. Также см. David Hoffman, *WP*, July 7, 2000; *Business week*, April 24, 2000, p. 151 (о «боли»); Paul Hofheinz (назвавший это «превосходной программой»), *WSJ Europe*, July 5, 2000; Chrystia Freeland, «Sale of the Century» (New York, 2000), p. 344. О Германе Грефе см. Sabrina Tavernise, *NYT*, Oct. 25, 2000. О едином подоходном налоге см. *NYT* editorial, May 28, 2000; Daniel Williams, *WP*, Aug. 15, 2000; а по поводу ученых см. Michael McFaul, *Current History*, Oct. 2000, p. 307-08. В отличие от этих американских комментаторов, многие российские демократы выступили против планов усиления «шоковой терапии», указав на ее негативные социально-экономические и политические последствия. См., напр., Надежда Ажгихина и Наталия Римашевская в *НГ*, 2000, 5 августа и 1 сентября; Владимир Золотухин, *ОГ*, 2000, 9–15 ноября.
32. См., например, Steven Erlanger, the editorials, and Richard W. Stevenson в *NYT*, Aug. 22, 1994, July 16, Sept. 25, 1995, May 24, 1996; Fred Hiatt, Margaret Shapiro, Michael Dobbs, and the editorial в *WP*, April 2, July 30, 1995, March 19, 1997; Carol Williams in *LAT*, Dec. 2, 1997; and Steve Liesman в *WSJ*, Jan. 28, 1998. См. также сноску 1 (Gore).
33. Fred Hiatt в *WP*, July 12, 1998. По поводу Путина см. *НГ*, 1999, 30 декабря и *Известия*, 2000, 25 февраля.
34. Carroll Bogert в *Newsweek*, May 31, 1993, p. 12. О нелюбви к «страшным историям» см. Steve Liesman в *WSJ*, Sept. 26, 1996. О провинции см. Леонид Крутаков, сноска 19.
35. Ann Hulbert в *New Republic*, Oct. 2, 1995, p. 54. О протестах см. сообщения Katrina vanden Heuvel в *The Nation*, Aug. 10–17, 1998, pp. 4–6, а также нашу совместную статью «Другая Россия» во второй части этой книги.
36. Fred Hiatt в *WP*, March 9, 1998; Bivens and Bernstein, «*The Russia You Never Met*», p. 631, со ссылкой на *WSJ*. Об одном из «бэби-миллионеров», Владимире Потанине, позже скажут, что он «сделал дураками всех, кто ему поверил.» См. David Hoffman со ссылкой на Eric Kraus, *WP*, Nov. 7, 2000. Также см. Richard W. Stevenson, *NYT*, Sept. 20, 1995. Энтузиазм Стивенсона по поводу российско-американского инвестора Бориса Йордана особенно показателен в свете появившихся описаний деятельности последнего. См. *Boston Globe*, Oct. 22, 1997. То же можно сказать и о комплиментарном портрете банкира и олигарха Александра Смоленского (David Hoffman, *WP*, Oct. 17, 1997) в свете материала Andrew Higgins, *WSJ*, Oct. 4, 2000.
37. Philip Taubman в *NYT*, June 21, 1998. В 1996 г. американский посол в Москве, вполдствии занявший второй по значимости пост в госдепартаменте, также указывал на эти признаки прогресса. См. Jonas Bernstein, со ссылкой на Thomas R. Pickering, *Moscow Times*, April 8, 2000. Также см. Steven Erlanger and Michael Specter, *NYT*, July 23, Oct. 12, 1995; Carol J. Williams в *LAT*, Dec. 24, 1997; *Russian Review* editorial, Jan. 29, 1996, и David Hoffman, *WP*, Sept. 16, 1999 (о жене московского мэра).
38. Timothy L. O'Brien цитирует Нодари Симония в *NYT*, Sept. 5, 1999, по поводу того, что он назвал «реальной движущей силой событий». Даже российские демократы охарактеризовали 90-е годы как «великую гражданскую войну из-за собственности.» См. статью Сергея Станкевича в *Новой газете*, 2000, 6 марта и Виталия Третьякова в *НГ*, 1999, 18 декабря.
39. John Donnelly, *Boston Globe*, Oct. 6, 1999. О парламенте см. Richard Pipes, *NYT*, March 14, 1993; Michael Scammell, *ibid*, Aug. 19, 1992. В качестве двух неудачных примеров политического анализа можно привести уверенность Скэммела в том, что Ельцин чувствует себя «обязанным сосуществовать с вице-президентом»,

- и уверенность Пайпса, что проельцинские силы легко выиграют парламентские выборы 1993 г. См. Scammel, *ibid.*, Aug. 19, 1992, Pipes, *ibid.*, Oct. 5, 1993. Ельцин чуть позже арестовал своего вице-президента и с треском проиграл парламентские выборы.
40. Например, Збигнев Бжезинский и Маршал Шульман служили в администрации Картера, Ричард Пайпс – в администрации Рейгана, а Ed Hewitt и Кондолиза Райс (Condoleezza Rice) – у Джорджа Буша.
 41. О «миссионерах» см. Archie Brown, со ссылкой на Alec Nove, *Post-Soviet Affairs*, no 1, 1999, p. 63; и об «апологетах» см. Peter Reddaway, *WP*, Feb. 22, 1995. Еще один вопрос состоит в том, игнорировали ли «инакомыслящих» или они сами не прилагали достаточных усилий для того, чтобы быть услышанными. По мнению экономиста James R. Millar, он и другие противники методов «шоковой терапии» просто не «смогли противостоять», а те немногие, кто мог, оказывались лишены звания «настоящего экономиста.» (Частное письмо от 29 сентября 1999 г.) Так, по поводу состояния российской экономики американские журналисты чаще всего цитировали Anders Aslund, если не считать Jeffrey Sachs в начале 90-х годов. Будучи одно время «советником» ельцинского правительства, Aslund безоговорочно думал в то, что реформы в России – это «история успеха». (См. ниже, прим. 44). В то же время, насколько мне известно, мнение тех ученых, кто так не думал, хотя их работы были более глубокими, почти никогда не учитывалось. Напр., Lynn D. Nelson and Irina Y. Kuzes, *Radical Reform in Yeltsin's Russia* (Armonk, N. Y., 1995). Весьма характерно, что книга Аслунда получила весьма лестный отзыв в *NYT Book Review* (July 23, 1995), а книга Nelson and Kuzes осталась незамеченной. Это лишь один пример широко распространенной и поныне практики назначения рецензентов на книги о России, исходя из степени оптимизма по поводу ельцинских реформ. См., напр., рецензию Джона Чауна, еще одного советника российского правительства, на три книги по экономике, *Times Literary Supplement*, Jan. 28, 2000, p. 4-5, а также рецензии на книгу Леона Арона о Ельцине (часть III, прим. 116) и рецензию на три критические работы о ельцинской экономике, в т.ч. на эту книгу, Daniel Treisman, *Foreign Affairs*, Nov. – Dec. 2000, p. 146-55.
 42. John Edwin Mroz в *Foreign Affairs*, no. 1, 1993, pp. 54-55; Dimitri Simes в *WP*, Jan. 19, 1992; Nicolai N. Petro в *JRL*, Oct. 1, 1997.
 43. Alehander Rahr в RFE/RL Research Report, Aug. 27, 1993, p. 1; Martin Malia в *NYT*, Dec. 12, 1993. Также см. Leon Aron, *Yeltsin* (New York, 2000), особенно pp. 688-738.
 44. Об оппонентах Ельцина см. S. Frederick Starr в *Baltimore Sun*, March 26, 1993; Anders Aslund в *NYT*, Dec. 7, 1992; Michael Specter со ссылкой на Michael McFaul, *ibid.*, May 5, 1996; и Stephen Sestanovich, *ibid.*, Dec. 23, 1991. О реформах как «истории успеха» см. Joseph Blasi, *ibid.*, June 30, 1994; Stephen Sestanovich, *ibid.*, Sept. 27, 1994; Anders Aslund в *Foreign Affairs*, Sept. – Oct. 1994, pp. 58-71, и его *How Russia Became a Market Economy* (Washington, D. C., 1995); Brigitte Granville, *The Success of Russian Economic Reforms* (London, 1995); Richard Layard and John Parker, *The Coming Russian Boom* (New York, 1996); Joseph R. Blasi, Maya Kroumova, and Douglas Kruse, *Kremlin Capitalism* (Ithaca, 1997); а также Daniel Yergin and Thane Gustafson, *Russia 2010* (New York, 1993). Отдельные элементы такого описания можно также найти в: Brady, *Kapitalizm*, and Thane Gustafson, *Capitalism Russian-Style* (New York, 1999). Оптимизм экономистов разделяют и политологи. См., например: Nicolai M. Petro, *The Rebirth of Russian Democracy* (Cambridge, Mass., 1995); John Lowenhardt, *The Reincarnation of Russia* (Durham, NC., 1995); M. Steven Fish, *Democracy From Scratch* (Princeton, 1995); и Marcia A. Weigle, *Russia's Liberal Project* (University Park, Pa., 2000).

45. Aslund, *How Russia Became a Market Economy*, p. 198; Michael Mandelbaum в *WP*, March 24, 1993; Martin Malia в *New Republic*, April 19, 1993, pp. 18-20; Richard Pipes в *NYT*, March 14, 1993; Bruce A. Ackerman, *ibid*, March 3, 1993. Также см.: Pipes, *ibid*, Oct. 5, 1993; и Malia, *ibid*, March 28, Dec. 12, 1993. Позднее этот эпизод попросту опускали. См., например, Michael McFaul, предисловие к мемуарам Егора Гайдара: Yegor Gaidar, *Days of Defeat and Victory* (Seattle, 2000).
46. О критическом подходе к предшествующей историографии, в т.ч. о тоталитарной школе см. мою книгу *Rethinking the Soviet Experience: Politics and History Since 1917* (New York, 1985), chaps. 1-2. О ярлыках см. Frederic Fleron, ed., *Communist Studies and the Social Science* (Chicago, 1969), p. 33, n. 82.
47. Christopher Shea, «New Faces and New Methodologies Invigorate Russian Studies», *Chronicle of Higher Education*, Feb. 20, 1998, p. A16; Thomas F. Remington, «On Teaching Post-Soviet Politics», *AAASS NewsNet*, Sept. 1998, p. 8. Также см. Robert G. Stuart, «Teaching Transition Economies», *ibid*, May 2000, p. 15-16. Те, кто интересуется, могут заглянуть в разделы рецензий ведущих в данной области журналов — *Slavic Review*, *the Russian Review*, *Europe-Asia Studies*, *Post-Soviet Affairs*, and *Problems of Post-Communism*.
48. См., например, Michael McFaul в *Current History*, Oct. 1994, p. 313; David Hoffman в *WP*, Sept. 19, 1999; and Thomas A. Dine в *Problems of Post-Communism*, May-June 1995, p. 27. О трудностях перехода см. Jack F. Matlock Jr. в *NYT Book Review*, April 11, 1999, p. 11; David Hoffman в *WP*, Jan. 15, 1998; Richard W. Stevenson в *NYT*, Sept. 2, 1999; и речь Strobe Talbott, *JRL*, Oct. 2, 1999.
49. См. мнения, приведенные в книге Shea, «*New Faces*», pp. A16-A18.
50. *Ibid*.
51. О распывшемся согласии см. Daniel Yergin в *WP*, Sept. 3, 1998; William Greider, *ibid*, Oct. 7, 1998; Richard W. Stevenson в *NYT*, Oct. 7, 1998; Roger Cohen, *ibid*, Nov. 14, 1998; и John Gray в *The Nation*, Oct. 19, 1998, pp. 17-18.
52. См., например, статью Н. Петракова и В. Перламутрова в *Вопросах экономики*, 1997, № 3. С. 74-83; Н. Петраков. *Русская рулетка*. М., 1998; Л.И. Абалкин. *Выбор за Россией*. М., 1998 и его же: *Спаси Россию*. М., 1999; Сергей Глазьев. *Геноцид*. М., 1997; книгу В. Колобовой и Г. Явлинского, изданную в Ростове в 1998 г., статью П. Циткилова о Евгении Примакове в *Свободной мысли*, 1999, № 8; и Программу КИРФ в *Советской России*, 1999, 24 июня. См. также ниже Часть III, прим. 80.
53. Michael Mandelbaum в *WP*, April 12, 1993. Профессор Мандельбаум не является специалистом по России, но он регулярно пишет на эту тему и пишет гораздо более откровенно. О журналистах см. Philip Taubman в *NYT*, June 21, 1998, где говорится, что реформы «предпочитают молодых... и не хотят проявлять терпения и жалости к тем, кто не в состоянии адаптироваться.»
54. См., например, Fish, *Democracy From Scratch*, p. 234 и далее; Joan Barth Urban and Valerij D. Solovei, *Russia's Communists at the Cross-roads* (Boulder, 1997), p. 188; Gustafson, *Capitalism Russian-Style*, p. 229-30, 234; и см. Taubman, цитируемый выше, прим. 53.
55. Эвфемистически говорят, что старики должны «постепенно сойти со сцены.» См. Gustafson, *Capitalism Russian-Style*, p. 229; и также речь Strobe Talbott's 1996, *JRL*, Oct. 30, 1996. Журналисты тоже считают, что «демографическая ситуация в России на стороне реформ» и что члены компартии «стареют и умирают». Thomas L. Friedman and William Safire, *NYT*, Feb. 16, Sept. 9, 1999. Однако на общенациональных выборах 1999 и 2000 г. компартия продолжала собирать по 25-30% голосов.

56. См. заголовки в *НГ*, 1998, 16 и 20 октября. О сиротах см. отчет агентства France Presse в *NYT*, Nov. 19, 1998; а по поводу состояния животноводства и об импорте см. Петраков. *Русская рулетка*, С. 256-57, и его статью в *ОГ*, 2000, 2-8 марта 2000.
57. Garry Kasparov, *WSJ*, Oct. 16, 1998. Лишь спустя год после обвала *WP*, похоже, наконец заметил, что произошел «полный разрыв между финансовым сектором и реальной экономикой». См. David Hoffman, со ссылкой на Eric Kraus, *WP*, Aug. 17, 1999.
58. См. Jonathan Fuerbringer, со ссылкой на Михаила Касьянова, *NYT*, April 21, 2000. Проверенную опытом американскую точку зрения на российских олигархов см. David Hoffman, *WP*, Sept. 19, 1999; а также *NYT* editorial, June 16, 2000. О сущности российских олигархов см. Mark Ames, *The Exile*, Oct. 25, 1998, а об одном из наиболее одиозных – Paul Klebnikov, «Godfather of the Kremlin: Boris Berezovsky and the Looting of Russia» (New York, 2000).
59. См., например, Steven Erlanger (процитированный в тексте) и Joseph Blasi в *NYT*, July 23, 1995, June 30, 1994; а также Jeanne Whalen, со ссылкой на исследование McKinsey & Co, в *WSJ*, Oct. 19, 1999. О производительности см. также: статью Владимира Тихомирова в *Europe-Asia Studies*, March 2000, p. 220, 224. О приватизации как ограблении см. Matt Taibbi в *The Exile*, Oct. 16, 1999, а о наиболее скандальных случаях приватизации см. Freeland, *Sale of the Century*. Также см. Lee S. Wolosky в *Foreign Affairs*, March – April 2000, p. 18-31. О малом бизнесе см. сообщение ИТАР-ТАСС в *JRL*, April 23, 2000.
60. См.: Steve Liesman и Andrew Higgins со ссылкой на Михаила Ходорковского в *WSJ*, Sept. 23, 1998; см. статью В.А. Лепехина в *Общественных науках и современности*, 1999, № 1, С. 75; Timothy L. O'Brien со ссылкой на Вячеслава Никонова в *NYT*, Sept. 27, 1998, а о планах на случай «отступления» олигарха Владимира Гусинского (позже подвергшегося кратковременному аресту в 2000 г.) см. Andrew Higgins, *WSJ*, Oct. 12, 1998. Также см. комментарии Дикуну и Костюкова в *ОГ*, 30 декабря 1999 – 12 января 2000. По поводу одного ученого см. Тихомиров, указ. соч.
61. Аналогия с крепостным правом принадлежит депутату Государственной Думы Николаю Гончару, на которого ссылается Giulietto Chiesa, *La Stampa*, Oct. 8, 1999.
62. По мнению одного влиятельного министра в правительстве, рубль был очень сильно переоценен. См. Борис Немцов в *NYT*, Oct. 27, 1998.
63. Существовал или нет в России средний класс западного образца, сегодня дебатруется, но ряд российских аналитиков полагает, что нет. См., например: Галина Силасте в *НГ*, 1998, 22 октября; Яков Кротов в *ОГ*, 1998, 17-23 сентября; Евгений Примаков в *Известиях*, 1998, 20 ноября. Противоположную точку зрения см. Harley Balzer, «Russia's Middle Classes», *Post-Soviet Affairs*, April-June 1998, p. 165-86.
64. К примеру, мало кто из историков сомневается в том, что в нацистской Германии тоже существовало «гражданское общество», но вряд ли это было то общество, на которое хотят равняться транзитологи. Также большинство из них уверено, что в Советской России не было никакого «гражданского общества», если понимать под ним социальную активность, не входящую в компетенцию государства. Но это не так, и ряд российских прореформенных аналитиков подчеркивает это. См., например, Андраник Мигранян. *Россия в поисках идентичности*. М., 1997. С. 189; и Лариса Титаренко в *Demokratizatsiya*, Summer 1999, p. 451; Один американский журналист сожалеет по поводу отсутствия в России «действующего гражданского общества», при этом заведомо исключая из этого понятия крупнейшую в стране коммунистическую партию (David Hoffman в *WP*, Nov. 7, 1999). А тогдашний премьер-министр Владимир Путин заявил, что кремлевская война против чечен-

- ских граждан призвана «восстановить гражданское общество в Чечне» – в *NYT*, Nov. 14, 1999. Критику этой концепции см. David Rieff, «The False Dawn of Civil Society», *The Nation*, Feb. 22, 1999, p. 11–16. См. также ниже в части III прим. 73, 74.
65. См. статью Николая Петракова в *ОГ*, 1999, 9–15 сентября; и Путина в *НГ*, 1999, 30 декабря. По поводу музеев см. сообщение Katrina vanden Heuvel в *The Nation*, Aug. 10–17, 1998, p. 5, а также см. Tom Bell о Магадане в *Anchorage Daily News*, April 26, 1999 и сообщение Bloomberg о Москве в *JRL*, Aug. 21, 1999. По поводу бедности см. Bertram Silverman and Murray Yanowitch, *New Rich, New Poor, New Russia*, exp. ed., (Armonk, N. Y., 2000).
66. См. интервью Анатолия Куликова в *НГ* 1999, 23 июля.
67. О Ельцине и олигархах см. статью В. А. Лепехина в: «Общественные науки и современность». 1999. № 1. С. 75. Степень свободы средств массовой информации есть вопрос сложный и спорный, но один известный русский журналист полагает, что поскольку большинство газет и каналов ТВ руководствуется своекорыстными целями, постольку все масс медиа действуют в агитпроповском стиле, в стиле ленинской пропаганды. – Интервью Леонида Крутакова Taibbi and Ames, *The Exile*, *JRL*, Oct. 25, 1999. Более взвешенным представляется взгляд, что «свободная пресса» в России сегодня представляет из себя различные «степени несвободы» – Robert Coalson в *MT*, Nov. 12, 1999. См. также Matt Bivens в *Brill's Content*, July/August 2000, pp. 86–90, 124–25. О «федерализме как феодализме» см. Brian Whitmore в *Transitions*, Sept 1998, pp. 71–77. Бывший премьер-министр Евгений Примаков назвал субъекты федерации «вотчинами». Другой политик назвал губернаторов «князьками в своих вотчинах», которые никому не подчиняются. А президент Ингушетии заявил, что на практике в России нет никакого федерализма – См., соответственно, программа *Вести* РТР, 29 сент. 1998 г., *NYT*, Nov. 21, 1999; *East-West Institute Regional Report*, March 11, 1999; и также статью Константина Титова в: *НГ*, 2000, 25 января. По поводу капитуляции см. письмо трёх губернаторов в *НГ*, 2000, 25 февраля и комментарии к нему – Там же, 4 марта; *Известия*, 2000, 28 февраля.
68. По поводу предупреждения см. отчет Gordon, *NYT*, Oct. 8, 1998. Об отношении к бомбардировкам и к США см. прим. 1; и сообщение Reuters, *JRL*, Nov. 25, 1999; и Michael R. Gordon's report в *NYT*, March 27, 2000. По поводу студенческой реакции на бомбардировки см. Karen Hewitt в *Guardian* (UK), April 24, 1999. А по поводу нового «железного занавеса» см. статью Михаила Круглова в *Новой газете*, 2000, 27 марта – 2 апреля.
69. Richard E. Ericson and David Remnick, см. прим. 1. Также см. Anders Aslund в *Weekly Standard*, Dec. 29, 1997–Jan. 5, 1998, pp. 24–27.
70. Eugene Huskey в *American Political Science Review*, Dec. 1998, p. 968; Michael McFaul в *Foreign Affairs*, Jan.–Feb. 1995, p. 89; Richard Pipes в *Commentary*, March 1992, pp. 50–51; Richard E. Ericson в *Journal of Economic Perspectives*, Fall 1991, p. 26; и Steven Erlanger в *NYT*, Feb. 19, 1995. Также см. Martin Malia, *The Soviet Tragedy* (New York, 1994), pp. 496–98; интервью Malia в *Problems of Postcommunism*, Nov./Dec. 2000, p. 56; William E. Odom in WP, Sept. 6, 1998; Aslund, *How Russia Became a Market Economy*, p. 52; и Mandelbaum в: Michael Mandelbaum, ed., *Postcommunism* (New York, 1996), p. 11. Неудивительно, что сторонники Ельцина в России также считали, что подобное «разрушение... было неизбежным» – см. рецензию Петра Павлова на мемуары Сергея Филатова в *Книжном обозрении*, 2000, 7 февраля, С. 11.
71. Ericson в *Journal of Economic Perspectives*, Fall 1991, p. 25; Stiglitz, *Whither Reform?*, p. 22.

72. См. Murray Feshbach. *Atlantic*, Jan. 1999, pp. 26–27; и Nicholas Eberstadt в *Policy Review*, June–July 1999, pp. 5–24. Западные организации, которые сначала советовали России отказаться от своей программы здравоохранения в пользу западной страховой медицины, позднее передумали. – См. статью Wendy Moore в *Russian Journal, JRL*, Sept. 5, 1999. О фармацевтической промышленности см. статьи в *НГ*, 1999, 19 октября. О гуманитарных последствиях подобной политики см. ниже, прим. 97, 98.
73. См. статью Вячеслава Дашичева в *Свободной мысли*, 1999, № 7. С. 121; Григорий Явлинский цитируется в: Nelson and Kuzes, *Radical Reform in Yeltsin's Russia*, p. 21.
74. Небольшая группа специалистов, которая считает ельцинизм разновидностью необолевизма стоит гораздо ближе к истине. – См. Dmitri Glinski and Peter Reddaway в *Journal on Democracy*, April 1999, pp. 24–51; и Stiglitz, *Whither Reform?*, p. 22. В России эта точка зрения широко распространена. См., например, интервью Леонида Крутакова Taibbi and Ames, *The Exile*, в *JRL*, Oct. 25, 1999.
75. См. статью Петракова и Перламутрова в *Вопросах экономики*, 1997, № 5. С. 76. По поводу аналогий см. статью Г. Ханина и Н. Суслова в *Europe-Asia Studies*, Dec. 1999, p. 1450; Sergei Glazev, *Genocide* (Washington, D. C., 1999); и Бориса Караплицкого в *Новой газете*, 2000, 21 февраля.
76. О сравнении американского и российского кризисов см. James R. Millar in *Current History*, Oct. 1999, p. 525; и *Human Development Report for Central and Eastern Europe and the CIS 1999* (New York: United Nations Development Program, 1999), p. 15.
77. Татьяна Толстая в *New York Review of Books*, Nov. 19, 1998, p. 6.
78. Губернатор Якутии цитируется Michael Wines в *NYT*, Oct. 21, 1998. Бывший министр экономики советского и ельцинского правительства назвал это «наследием СССР». – Юрий Маслюков в *JRL*, Sept. 17, 2000. О школах см. исследование В. Андреева в *Russian Social Science Review*, July-Aug. 1998, p. 19; и сообщение Geoffrey York в *Globe and Mail* (Canada), Nov. 24, 1998.
79. *Московские новости*, 1998, 14–20 мая; Boris Kasputin в *Dissent*, Winter 2000, p. 18. См. также статью Сергея Караганова – Там же. March 8–14, 2000.
80. О состоянии питания см. Paul Goble's *RFE/RL* отчет в: *JRL*, Feb. 2, 1999; о состоянии здоровья см. Eberstadt в: *Policy Review*, June-July 1999, p. 3–24; и об исследованиях и развитии см. статью Тихомирова в: *Europe-Asia Studies*, March 2000, p. 216. О детях – см. ниже, сноска 100.
81. Josef M. Pickett в *JRL*, Jan 27, 1999. По поводу отступления см. Richard G. Paddock в *LAT*, March 13, 1999.
82. Цитируется Colin McMahon в *Chicago Tribune*, Nov. 19, 1998. О фермах см. Geoffrey York в: *Globe and Mail* (Canada), Jan. 19, 2000.
83. См. статью А.В. Фадина в *Кентавре*, 1993, № 1–2. С. 92–99; также см. дискуссию о горбачевских поисках способа «некатастрофической трансформации» в книге Вадима Медведева, *В команде Горбачева*. М., 1994. С. 234. О молодых реформаторах см.: Ирина Хакамада, которую цитирует Fred Weir в *Christian Science Monitor*, Sept. 9, 1999.
84. Историк Martin Malia, например, говорит о модернизаторском значении ельцинской реформы – *NYT*, March 28, 1993.
85. О дискуссии по этому вопросу см. мою книгу *Sovieticus: American Perceptions and Soviet realities*, exp. ed. (New York, 1986).
86. О различных типах исторического прецедента см. как добавление к исследованию Lippmann и Merz, о котором речь шла выше, – Philip Knightley, *The First Casualty* (New York, 1975); James William Crowl, *Angels in Stalin's Paradise* (Lanham, Md., 1982); and S. J. Taylor, *Stalin's Apologist* (New York, 1990).

87. О России как «превосходной лаборатории» см. M. Steven Fish в *Post-Soviet Affairs*, no. 3, 1998, p. 215; и об истории см. Jeffrey Sachs, которого цитирует William Pfaff в *International Herald Tribune*, Oct. 21, 1999.
88. См. *Collision and Collusion*, chap. 4 о Институте международного развития Гарвардского университета.
89. См. Shea со ссылкой на Steven L. Solnick в «*New Faces*», p. A16; George Breslauer в *Demokratizatsiya*, Summer 1998, p. 597. Об инвесторах см. также Lloyd, *Rebirth of a Nation*, p. 451.
90. Taibbi and Ames, «*The Journal's Russia's Scandal*», p. 18.
91. Об американских наблюдателях см. выше, сноска 19; о советологах – Meg Greenfield and Ken Ringle в *WP*, Jan. 4 and Nov. 13, 1999. Центры русских исследований ряда университетов заключили партнерство с инвесторами см., например, рекламные страницы в конце *Harriman Review* (Columbia University), June 1999.
92. David Remnick в *New York Review of Books*, April 9, 1998, p. 13-14; Michael Scammell в *NYT Book Review*, Dec. 3, 1998. Также см. David Hoffman об Solzhenitsyn в *WP*, Sept. 27, 1995. По поводу протеста против «развенчания Солженицына как главного развлечения западной прессы» см. *The Exile* editorial, June 18 – July 1, 1998. Об одном исключении см. Celestine Bohlen в *NYT*, June 6, 1998. Среди осуждающих работ российских авторов см. Sinyavsky's «*Worse Than Communists*», *ibid*, May 30, 1996, и его *The Russian Intelligentsia* (New York, 1997); и работу А.И. Солженицына *Россия в обвале*. (М., 1998), а также его интервью в российской и западной прессе.
93. В добавление к сказанному выше (см. прим. 17) стоит обратить внимание на следующие фактические ошибки, которые по сути исключают горбачевский период из истории российской реформы. Carroll Bogert (*Newsweek*, Oct. 19, 1992, p. 43). полагает, что «Горбачев никогда не был популярен в России», Margaret Shapiro (*WP*, Dec. 9, 1993) считает, что первые по-настоящему демократические выборы в России произошли в 1993 г.; также думают Clifford Kupchan (*Harriman Review*, Winter 1999-2000, p. 46) и Thomas R. Pickering (*JRL*, April 2, 2000); *NYT editorials* (July 4, 1996, July 19, 1999) полагают, что «тирания» господствовала в России вплоть до 1991 г. и что именно Ельцин прекратил в России гонку вооружений. См. также *NYT editorial* (May 9, 2000), который считает, что именно Ельцин взял курс на демократию и рыночную экономику. См. также Michael Wines (*ibid*, June 5, 2000) и Michael McFaul (*WP*, Sept. 30, 2000). Достаточно было прочесть хотя бы одну из лучших по этому периоду истории – книгу Archie Brown's *The Gorbachev Factor* (New York, 1996), чтобы избежать всех этих ошибок, если, конечно, они не были сделаны из политических соображений. Незадолго до отставки с поста директора МВФ, Мишель Камdessus запоздало признал, что ему следовало знать больше о российской истории и социологии. См. его речь в Санкт-Петербурге 16 июня 1999 г., *JRL*, June 22, 1999.
94. См.: Александр Бовин в книге F. Cohen and Katrina vanden Heuvel, *Voices of Glasnost* (New York, 1989), p. 225.
95. О последних опросах общественного мнения см. сведения Фонда Эберта в: *RL*, March 27, 1999; сообщение В. Шляпентоха – *ibid*, Sept. 22, 1998; обследование ВЦИОМ – *ibid*, Oct. 8, 1998; и результаты опроса общественного мнения, приводимые Анной Закатновой в: *Current Digest of the Post-Soviet Press*, May 24, 2000, p. 12.
96. См. обследование Антидиффамационной лиги – прим. 1; и обследование, на которое ссылается Richard Beeston в «*Times*» (UK), Aug. 2, 1999. О брежневском времени см. интервью социолога Юрия Левады в *НГ*, 2000, 11 мая.

97. Robert Lyle со ссылкой на отчет Всемирного банка в: *RFL/RF Newslines*, April 29, 1999. О бедности в России см. Часть III, прим. 3. О самооправдании этих реформаторов см. статью В. Май в *Вопросах экономики*, 1999, № 11, С. 4-23, и № 12, С. 34-47, а также А. Илларионова – Там же, 2000, № 1, С. 4-26.
98. По поводу отчетов см. предыдущее прим., а также: *Human Development Report for Central and Eastern Europe and the CIS 1999*; *Women in Transition* (Florence: UNICEF, 1999); и *After the Fall: The Human Impact of Ten Years of Transition* (Florence: UNICEF, 1999) и др. см. прим. 104. См. соответственно *WP*, Sept. 19 и Oct. 8, 1999.
99. См., например, то, что NYT назвала «тревожным» и что, по мнению ее корреспондента, кардинально изменило американские представления о России. – См.: editorial, Aug. 31, 1999, и сообщение Gelestine Bohlen's Sept. 6, 1999.
100. *WP* editorial, July 22, 2000; Paul Hofheinz в *WSJ Europe*, July 5, 2000. Также см. David Ignatius в *WP*, July 23, 2000; Мнение западного дипломата приводит Fred Weir в *Christian Science Monitor*, July 25, 2000; а мнение западного инвестора приводит Gregory Feifer в *MT*, July 12, 2000. Результаты обследования см.: *Ведомости*, 2000, 3 августа.
101. См., например, Alan Culissson в *WSJ*, Sept. 8, 2000; Michael R. Gordon, the editorial, Michael Wines, Felicity Barringer, Sabrina Tavernise, и сообщения AP соответственно, *NYT*, June 15, Aug. 6, Sept. 8, Sept. 18, Sept. 19 и Oct. 19, 2000; и David Hoffman в *WP*, July 28, Sept. 19, Sept. 23, 2000. Об оклеветанном магнате см. Wines в *NYT*, July 15, 2000; и мнение российского демократа см.: статья Дмитрия Фурмана в *ОГ*, 2000, 28 сент. – 4 октября.
102. Stephen Kotkin в *The New Republic*, Oct. 2000, pp. 34-40. Также см. Robert Cottrell в *New York Review of Books*, Oct. 19, 2000, p. 13-16; и Daniel Treisman в *Foreign Affairs*, Nov./Dec. 2000, pp. 154-55. По поводу статей Березовского см.: *NYT*, Sept. 22, 2000; и *WP*, Oct. 16, 2000. О том, как представляют Березовского (или как он позволяет себя представлять) см. David Hoffman в *WP*, July 18 и 20, 2000; и Paul Quinn-Judge в *Time Europe*, July 17, 2000. По поводу Сороса см. *New York Review of Books*, April 13, 2000; и самое лучшее исследование «заслуг» Березовского на поприще ограбления страны см.: Klebnikov, *Godfather of Kremlin*.
103. См., например, Fred Hiatt в *WP*, Aug. 29, 1999.
104. Об этих исследованиях см. сообщение AP в *NYT*, Nov. 19, 1998; Сообщения Всемирная конфедерации профсоюзов приводит Reuters, *JRL*, Oct. 26, 1999; и *Human Development Report for Central and Eastern Europe and the CIS 1999*, p. 6. Также см.: *After the Fall*; и статью В. И. Чупрова в *Социологических исследованиях*, 1999, № 1-2, С. 56-57. О рисунках и детях см. статью Анатолия Приставкина в *ОГ*, 2000, 13-19 января и Harley Balzer, на которого ссылается Институт Кеннана, Meeting report», no. 10, 2000. По мнению известного политолога Л. Шевцовой «здоровье российских детей стало национальной трагедией» – Lilia Shevtsova, *Yeltsin's Russia* (Washington, D. C., 1999), p. 207.
105. См. работы Петракова, Перламутрова и Подберезкина, указанные в сноске 1.
106. О «перевороте» см. статью Юрия Буртина в *Свободной мысли*, 2000, № 3. С. 4-9. (Ту же позицию заняли William Pfaff в *International Herald Tribune*, March 25, 2000, и William Safire в *NYT*, March 20 and June 19, 2000). Другие российские обозреватели назвали приход Путина к власти «бархатным переворотом» – см.: Григорий Любимов, на которого ссылается Daniel Williams в *WP*, June 4, 2000. По поводу выборов советского типа см.: Лилия Шевцова, которую цитирует Maura Reynolds в *LAT*, Jan. 2, 2000; и Yekaterina Grigoryeva в *Current Digest of the Post-Soviet Press*, Feb. 9, 2000. О КГБ см. Jan Traynor со ссылкой на Александр Минки-

- на и Олега Калугина *Guardian* (UK), March 24, 2000; Михаила Круглов в *Новой газете*, 2000, 27 марта – 12 апреля. По поводу заявлений США см. соответственно: госсекретаря Олбрайт в *JRL*, Jan. 19, 2000; президента Клинтона на CNN, Feb. 14, 2000; Часть III, прим. 29; Клинтона в *NYT*, March 50, 2000. В июне 2000, Клинтон заявил, выступая в Государственной Думе, что Путин стал президентом в результате «демократической передачи исполнительной власти» – *JRL*, June 6, 2000. См. также Олбрайт, на которую ссылается Jane Perlez, *ibid.*, Feb. 5, 2000, и Charles A. Radin в *Boston Globe*, April 8, 2000; и советника по национальной безопасности Sandy Berger, которого цитируют Charles Babington and Steven Mufson в *WP*, Jan. 7, 2000.
107. Robert Kaiser см. выше, прим. 1; David Hoffman в *WP*, Sept. 19, 1999» Michael Wines в *NYT*, May 8, 2000; Judith Ingram, сообщение AP, *JBL*, Jan. 4, 2000; Wines в *NYT*, Feb. 20 и July 10, 2000. О российских условиях см. противоречивые, но предельно оптимистические репортажи Kaiser в *WP*, July 9, 18, 25, 1999; Richard Cohen, *ibid.*, Sept. 14, 1999; и Eleanor Randolph в *NYT*, Sept. 19, 1999. И о надежде, что Путин «завершит начатое дело» см. также Rose Brady в *Business Week*, March 15, 2000, p. 14E12; и также Boris Nemtsov and Jan Bremmer в *NYT*, Jan. 25, 2000. По поводу критики освещения президентства Путина в англо-американской прессе см. Matt Taibbi in *The Exile*, *JRL*, Feb. 4, March 2, 16, 2000.
 108. Об экономике см. Reuters dispatch, *JRL*, Feb. 19, 1999; *RFE/RL Newslines*, June 22, 1999; John Thomhill's report в *Financial Times*, July 9, 1999; и Richard Beeston's в *Times* (UK), Aug. 6, 1999. См. также Michael Wines в *NYT*, Feb. 2, 2000, в отчете которого одни факты опровергаются другими. О рыночной системе см. *Newsday*, Aug. 22, 1999. О Чубайсе см. David Hoffman в *WP*, Nov. 4, March 29, 1999; прим. 25; об обвинениях Чубайса см. *MT*, Nov. 11, 16, 1999. О Путине и иностранных инвестициях см. Michael Wines в *NYT*, Feb. 20, 2000; и Maura Reynolds в *LAT*, March 24, 2000. Также см. David Hoffman в *WP*, March 25, 2000; и Karl Emerick Hanuska's Reuters dispatch, *JRL*, March 27, 2000. Сжатую версию стандартного описания см. Boris Nemtsov and Jan Bremmer в *NYT*, Jan. 5, 2000.
 109. Daniel Yergin и Thane Gustafson в *WP*, Aug. 2, 1998; William E. Odom, *ibid.*, Sept. 6, 1999; Leon Aron в *Weekly Standard*, Oct. 4, 1999, pp. 24–29; Graham T. Allison in a March 29, 2000, Letter to recipients of his Harvard projects publications; Martin Malia в *LAT*, Jan. 5, 2000; Anders Aslund, Voice of America, *JRL*, Jan. 4, 2000; Mark Kramer в *WP*, Jan. 2, 2000; Marshall Goldman в *Newsday*, Dec. 21, 1999. For «good news,» см. Malia и Aslund в *NYT*, Dec. 25, 1999, Jan. 18, 2000.
 110. Barry Gewen in *NYT Book Review*, Oct. 51, 1999, p. 34; Thomas A. Friedman. *ibid.*, editorial pages.
 111. Григория Явлинского цитирует Brian Whitmore в *Boston Globe*, Sept. 9, 1999.
 112. См., соответственно, доклад члена палаты представителей Benjamin A. Gilman перед своим комитетом, *JRL*, Oct. 10, 1999, и Richard K. Arney, на которого ссылается Steven Mufson в *WP*, Sept. 17, 1999; *Russia's Road to Corruption* (Washington, 2000) – известный как «доклад Кокса»; показания Wayne Merry, *JRL*, Sept. 24, 1999, Fritz W. Ermarth в *National Interest*, Spring 1999, pp. 5–14, и интервью ряда бывших чиновников в документальном фильме PBS, показанном May 9, 2000, *Return of the Czar*; и Jim Hoagland в *WP*, Nov. 21, 1999. По поводу редакционных статей заслуживают сравнения те, которые были опубликованы до и после августа 1998 года в: *NYT*, *WP*, *WSJ*, *LAT*, *Economist*, и *Financial Times*. О поддержке двух партий см. призыв лидера сенатского меньшинства Bob Dole к Клинтону оказать помощь Ельцину в борьбе против его противников – AP, March 21, 1995. Позднее Dole изменил свою точку зрения и обрушился на политику Клинтона «Ельцин прежде всего» – Elaine Sciolino в *NYT*, March 2, 1995.

113. Michael Dobbs и Paul Blustein в *WP*, Sept. 12, 1999; John Lloyd в *NYT Magazine*, Aug. 15, 1999, pp. 34-41, 52» 61, 64; Fred Hiatt в *WP*, Aug. 29, 1999; Taibbi и Ames, «The Journal's Russia Scandal»; Stiglitz, *Whither Reform?* Также см. сравнение Richard Cohen в *WP*, Sept. 14, 1999, Feb. 10, May 23, 2000; и Thomas L. Friedman в *NYT*, Oct. 24, 1999, April 18, 2000.
114. Richard E. Ericson в *Harriman Review*, Dec. 1998, pp. 5-6, и *Post-Soviet Affairs*, January-March 2000, pp. 18-25; Martin Malia в *NYT*, Sept. 5, 1998; и Michael McFaul в *Current History*, Oct. 1998, pp. 507-12. См. также Richard Pipes в *NYT*, Aug. 29, 1998; и Anders Aslund, цитируемый Michael S. Lelyveld и John Helmer в *Journal of Commerce*, Oct. 8, 1998, p. 3A. Malia вскоре снова изменил свое мнение. См. выше, прим. 109.
115. Fareed Zakaria в *Newsweek*, Sept. 27, 1999, p. 40.
116. Jim Leach, которого цитирует Bloomberg dispatch, *JRL*, Sept. 28, 1999; сообщение David E. Sanger's о МБФ в *NYT*, Nov. 10, 1999.
117. John Odling-Smee в *Financial Times*, Aug. 25, 1999; Robert D. Blackwill, ed., *The Future of Transatlantic Relations* (New York: Council on Foreign Relations, 1999), p. 29; сообщение Celestine Bohlen's в *NYT*, Aug. 10, 1999; Terrence English в *Harriman Review*, June 1999 pp. 55-56; Stanley Fischer в *JRL*, April 12, 2000. Также см. Ariel Cohen, «What Russia Must Do to Recover from Its Economic Crisis» (Heritage Foundation, June 18, 1999); Lawrence H. Summers в *JRL*, Aug. 14, 1999; James M. Klurfeld в *Newsday*, Sept. 9, 1999; Robert E. Rubin в *NYT*, Sept. 21, 1999; Anders Aslund в *Foreign Affairs*, Sept.-Oct. 1999, pp. 64-77; Michel Camdessus в *MH*, 1999, 15-21 декабря; и ниже, Часть III, прим. 117, 119, 120.
118. Robert Legvold, которого цитирует Eric Schmitt в *NYT*, Sept. 26, 1999.
119. О русских см. Thomas L. Friedman, *ibid.*, Oct. 24, 1999; и Richard Lourie в *LAT Book Review*, March 21, 1999. См. также Fritz W. Ermarth в *National Interest*, Spring 1999, p. 5; David Hoffman в *WP*, Sept. 9, 1999; Alessandra Stanley в *NYT*, Jan. 2, 2000; и Robert J. Samuelson в *WP*, April 5, 2000. Один канадский обозреватель настолько утратил контроль над собой в антироссийском порыве: «Нормальным для России является грязь, коррупция, угроза и пустые обещания. Там никогда ничего не происходило хорошего, никогда не произойдет и впредь», — что ему пришлось извиниться перед своими читателями. См. John Robson в *Ottawa Citizen*, Jan. 7, 19, 2000. Насчет обвинений в адрес американской администрации и МБФ см. Jeffrey Sachs в *NYT*, Sept. 8, 1999; и George Soros в *New York Review of Books*, April 15, 2000, pp. 10-16. О Ельцинском правительстве см. Michel Camdessus в *WP*, Sept. 15, 1999, и в *JRL*, April 12, 2000. And for Parliament, см. Rory Mac-Farquhar в *Harriman Review*, June 1999, p. 50.
120. Richard Pipes в *GDI Russia Weekly Newsletter* (e-mail), Sept. 10, 1999. См. также Trudy Rubin в *Philadelphia Inquirer*, Sept. 9, 1998; Jack F. Matlock Jr. в *NYT Book Review*, April 11, 1999, p. 11; William Taubman, *ibid.*, March 14, 1999, p. 55; Mortimer B. Zuckerman в *U. S. News and World Report*, Sept. 15, 1999, p. 68; Strobe Talbott's Senate testimony, в *JRL*, Sept. 25, 1999; Al Gore as reported by Reuters, Sept. 26, 1999; David Hoffman в *WP*, Nov. 7, 1999; Malia, *The Soviet Tragedy*, pp. 491-530 and *passim*.
121. Lawrence H. был утвержден на посту главы казначейства в июле 1999. О его предшественнике, Robert E. Rubin, см. сообщение Kathleen Day's в *WP*, March 7, 2000. О гарвардском экономисте Andrei Shieifer, см. сообщение Louis Uchitelle's в *NYT*, April 26, 1999; по поводу журналиста см. Taibbi и Ames, «The Journal's Russia Scandal.» Bridgeport University присвоил Виктору Черномырдину степень почетного доктора и назвал в его честь исследовательский институт — *JRL*, Sept.

- 29, 1999. Также об отношении к визиту Черномырдина в США см. в *NYT*, Sept. 50, 1999. О Черномырдине и коррупции см. ниже, Часть III, прим. 32. Одному институту пришлось за все это поплатиться. В январе 2000 г. Гарвардский институт международного развития, один из тех, кто принял самое активное участие в крестовом походе, был закрыт.
122. Peter Reddaway в *JRL*, Sept. 22, 1999.
 123. Речь Greenspan 10 июня, 1997, появилась на Federal Reserve's Web site; *WP* editorial, Sept. 7, 1998; Scott Blacklin, на которого ссылается Alastair MacDonald, Reuters dispatch, Sept. 7, 1998.
 124. Борис Федоров цитируется Michael R. Gordon в *NYT*, Oct. i, 1998. См. также Федорова в *WP*, July 27, 1999.
 125. См. сноску 122.
 126. См. the covers of *Newsweek*, June 17, 1996, и *NYT Magazine*, May 26, 1996; и Stephen Kotkin в *New Republic*, June 5, 2000, p. 28.
 127. Показания в сенате Wayne Merry в *JRL*, Sept. 24, 1999. Об «угрозе» см. Jane Perlez в *NYT*, Sept. 1, 1999.
 128. О группах см. Robert S. Greenberger и Andrew Higgins в *WSJ*, Aug. t 27, 1998; и Janet Guttman, Reuters dispatch, *JRL*, Dec. 1, 1998. О Путине см. Jack F. Matcock Jr. в *NYT*, March 26, 2000; и Fred Hiatt в *WP*, March 26, 2000. Все они в один голос говорили нам, что возможность прихода коммунистов к власти в результате президентских выборов была бы «самым страшным внешнеполитическим сном» администрации Клинтона. – Elaine Sciolino в *NYT*, March 19, 1996.
 129. Этот сюжет появляется в работе Stiglitz, *Whither Reform?*. О журналистах см. Ames и Taibbi, *The Exile*, p. 62.
 130. John Lloyd, «Who Lost Russia?», *NYT Magazine*, Aug. 15, 1999, p. 52. Lloyd является исключением. Всеобщее мнение было таково, что, чтобы не случилось в 90-е годы, все это «было ценой удержания коммунистов от прихода к власти» – Chrysta Freeland in *Financial Times*, May 27, 2000.
 131. David Ignatius в *WP*, Oct. 5, 1999. Следует отметить, что Joseph Stiglitz, ведущий экономист и вице-президент Всемирного банка, в ноябре 1999 г. ушел в отставку, по всей видимости, в связи с «инакомыслием», проявленным в его книге *Whither Reform?*. – См. сообщение Richard W. Stevenson в *NYT*, Nov. 25, 1999; и Janet Guttman в *WP*, Nov. 25, 1999.
 132. Michael Kelly в *WP*, Nov. 10, 1999.
 133. Stephen S. Rosenfeld, Там же, May 21, 1999.
 134. David Ignatius, Там же, Sept 27, 1999; William Satire в *NYT*, Sept. 9, 1999.
 135. На Karen Dawisha ссылается D. W. Miller в *Chronicle of Higher Education*, Sept. 5, 1999, p. A24; Charles H. Fairbanks Jr. в *Journal of Democracy*, April 1999, p. 52; Yoshiko Herrera, Program on New Approaches to Russian Security (Harvard University Davis Center), Policy Memo Series, no. 85, Oct. 1999, p. 82. Другой исследователь полагает, что сегодня «растет всеобщая уверенность в том, что изначальные предположения по поводу «перехода» оказались ошибочными», – Glennys Young в *Slavic Review*, Summer 1999, p. 495.
 136. Подробнее см. мою книгу *Sovieticus*, pp. 55–58.
 137. На Владимира Рыжкова ссылается Celestine Bohlen в *NYT*, May 16, 1999.

ЧАСТЬ II

1. *WP*, Nov. 8, 1998.
2. «Может ли Америка...» и «Провал американского крестового похода» возникли как показания в Конгрессе, которые, как я обнаружил, не принесли ощутимой пользы. Более пространная версия первой статьи под заголовком «American Policy and Russia's Future,» появилась в *The Nation*, April 12, 1995, pp. 476-85.
3. «Clinton's Yeltsin, Yeltsin's Russia,» *The Nation*, Oct. 10, 1994, pp. 575 – 76. См. также мою статью «Провал американского крестового похода».
4. Martin Malia в *Journal of Democracy*, April 1999, p. 41; Jeffrey Sachs в *Central European Economic Review*, reprinted в *JRL*, Oct. 27, 1999; William Pfaff в *International Herald Tribune*, Sept. 2, 1999. См. также: Scott M. Blacklin в *Harriman Review*, June 1999, p. 9; и Stephen Holmes, которого цитирует Lynnley Browning в *Boston Globe*, Oct. 10, 1999.
5. Среди тех американских ученых, специализирующихся по России, последовательно придерживающихся иной, отличной от официальной точки зрения (но которые, тем не менее, могут не согласиться с позицией автора данной книги) в 90-е годы были Robert V. Daniels, Jerry Hough, Peter Reddaway, и журналист Abraham Brumberg. О неспециалистах по экономике см., например, Stephen S. Cohen and Andrew Schwartz в *American Prospect*, Spring 1995, pp. 99 – 108; David M. Kotz в *The Nation*, April 19, 1995, pp. 514-16; и американские ученые (5 из которых являются Нобелевскими лауреатами), подписавшие совместное заявление в «НГ», 1996, 1 июля.
6. См., например, Henry Kissinger в *WP*, March 23, 1993; Patrick J. Buchanan в *New York Post*, March 24, 1995; Owen Harries в *New Republic*, Oct. 10, 1994, pp. 24-31; Rowland Evans и Robert D. Novak в *WP*, March 6, 1995. В начале 1990 г., бывший президент Ричард Никсон был обеспокоен этой миссионерской идеей: «Меня не вдохновляет эта идея направлять наших политических экспертов и говорить эти бедным людям, как им выиграть выборы. Я думаю, что это глупо и даже оскорбительно». Однако он ничего не сказал по поводу экономических экспертов. См. его интервью в *Time*, April 2, 1990, p. 48.
7. Эти строчки поэта Федора Тютчева (кстати, его творчество – тема магистерской диссертации зам. госсекретаря Strobe Talbott), были процитированы в российской аудитории госсекретарем лично вскоре после столкновения Ельцина с парламентом. – См. ниже прим. 12. О журнале см. в *Economist*, Dec. 18, 1999, p. 15. По поводу афоризма Черчила см. Lynrly Browning в *Boston Globe*, Oct. 10, 1999; Graham T. Allison, Там же, March 27, 2000; и Martin Wolf в *Financial Times*, March 29, 2000.
8. Ряд ведущих американских корреспондентов впоследствии сделали из своих репортажей книги – См.: Hedrick Smith, *The Russians* (New York, 1976); Robert G. Kaiser, *Russia* (New York, 1976); и David K. Shipler, *Russia: Broken Idols, Solemn Dreams* (New York, 1985). Smith и Shipler писали для *NYT*, а Kaiser для *WP*.
9. Цитата Elaine Sciolino в *NYT*, Dec. 6, 1994. Русский перевод моей статьи был опубликован в *НГ*, 1992, 12 ноября and впоследствии часто цитировался. По поводу американской прессы см., например, Dimitri Simes в *WP*, July 17, 1994; Thomas L. Friedman в *NYT*, April 26, 1995; и Jim Hoagland в *International Herald Tribune*, July 1–2, 1995. Об адаптации одного американского ученого см. Leo Co-

- per, *Russia and the World* (New York, 1999), pp. 5, 169, 171, и chap. 10. О русской прессе см. статьи Александра Гольца в *JRL*, Oct. 22, 1999; Андрея Серова в *Известиях*, 2000, 27 января и Алексея Арбатова в *Комсомольской правде*, 2000, 25 февраля.
10. См. статью Валерия Выжutowича в *Известиях*, 1994, 4 мая; Крониды Любарского и Александра Собянина в *Новом времени*, 1995, № 15. С. 6-12; *East European Constitutional Review*, Spring 1994, pp. 19-20; и Shevtsova, *Yeltsin's Russia*, pp. 96-97.
 11. См. статью Юрия Буртина в *МН*, 1994, 20 сентября – 6 октября, 1994.
 12. Речь Warren Christopher в Москве, 25 октября 1995 г. – U. S. Department of State Dispatch, vol. 4, no. 45. О русских демократах см. Boris Kagarlitsky в *Progressive*, Dec. 1995, pp. 27-31. И одно из последних обвинений по поводу роли Запада в этих событиях см.: Надежда Арбатова в *НГ*, 2000, 21 июля; Об администрации Клинтона в 1993 г. см. Michael Dobbs в *WP Magazine*, June 9, 1996, p. 29; и John Lloyd в *NYT Magazine*, Aug. 15, 1999, p. 59. По поводу характеристик см. Bill Keller в *NYT Book Review*, March 19, 2000, p. 6; Michael Wines и Celestine Bohlen в *NYT*, Jan. 9, 21, 2000. О протесте против этой точки зрения см. Matt Bivens в *MT*, Jan. 20, 2000.
 13. Мнение участников событий см.: Александр Коржаков. *Борис Ельцин: От расцвета до заката*. М., 1997; Boris Yeltsin, *Midnight diaries*. (New York, 2000), p. 23-26.
 14. Katrina vanden Heuvel и я сообщили об этих комментариях в письме из Москвы в *The Nation*, July 18, 1996, pp. 3 – 5. См. также Коржаков, *Борис Ельцин*, С. 561-86.
 15. См. мое и Katrina vanden Heuvel сообщение – прим. 14. Нашим источником был Явлинский.
 16. См. репортаж В. Шляпентоха в *JRL*, Nov. 11, 1999; и *WP*, Nov. 8, 1999.
 17. *Current Digest of the Post-Soviet Press*, Feb. 2, 2000, p. 6.
 18. См., например, Евгений Тоддес «В ответ Стивену Козну» – *Русская мысль* (Париж), 1997, 30 января – 5 февраля.
 19. *MT*, Dec. 21, 1996. Следует сказать, что эта газета перепечатала мою статью от 17 декабря и что с тех пор политика газеты существенно изменилась.
 20. См., например, статью Александра Минкина об Альфреде Кохе в *Новой газете*, 1998, 2 ноября.
 21. См. Seymour M. Hersh, «Saddam's Best Friend,» *New Yorker*, April 5, 1999, pp. 32, 35-41, среди прочих, основанных на слухах обвинений, было и то, что Примаков получает от Саддама Хусейна деньги. Эти ни на чем не основанные обвинения Hersh имеют хождение и поныне. См. Peter Conradi and Mark Franchetti в *Sunday Times* (UK), May 21, 2000. Также после отставки Примакова *New Yorker* охарактеризовал его как авторитарного лидера из прошлого. См. David Remnick, *ibid*, Dec. 20, 1999, pp. 33 – 34. Общее мнение американской прессы по поводу Примакова отражают два типичных заголовка редакционных комментариев: «Остерегайтесь Примакова» и «Примакова в отставку». См., соответственно, William Safire в *NYT*, Sept. 17, 1998; и the *WSJ* editorial of March 12, 1999. Что касается отношения Белого дома к Примакову, то один из его обитателей конфиденциально заметил: «Они его ненавидят». О политической карьере Примакова см. также: Евгений Примаков. *Годы в большой политике*. М., 1999.
 22. См., например, Альфред Кох, которого цитирует Александр Минкин в *Новой газете*, 1998, 2 ноября; и Андрей Козырев в *WSJ Europe* May 6, 1999. Я слышал подобные утверждения от Анатолия Чубайса во время его визита в Вашингтон и Нью-Йорк в 1999 г. См. также об американских журналистах Safire и *WSJ* editorial в предыдущих примечаниях; о «страшном сне» см. Elaine Sciolino в *NYT*, May 19, 1996; и насчет «игнорирования» см. Eugene Rumer in *JRL*, Jan. 6, 2000.

23. Сразу после назначения Степашин заговорил вполне в преторианском духе: «Вне зависимости от политической ситуации, я никогда не позволю себе оставить или предать президента». Цит. по *MT editorial of May 20, 1999*. После отстранения с поста Ельциным Степашин примкнул к партии Явлинского Яблоко и в декабре 1999 г. был избран в Государственную Думу. Во время президентских выборов 2000 г. он перебежал от Явлинского к Путину.
24. См. статью Евгения Попова в *CP*, 1999, 5 июня; и также Максима Юсина в *Известиях*, 1999, 4 июня.
25. Естественно, это была точка зрения Степашина. На встречах с бизнесменами во время своего визита в США в качестве премьер-министра он заверил их, без всякой связи с возможными результатами выборов: «А теперь я открою вам самую главную тайну, как бывший шеф контрразведки страны: коммунисты в России никогда больше не победят... Они никогда не вернуться. Никто этого не допустит». Цитирую по «*CP*», 1999, 29 июля. См. также более позднее заявление Степашина – «Я не Пиночет, я Степашин». Цит. по Дм. Агроновскому – Там же. 1999, 5 августа. О преторианской теме см. статью Дмитрия Фурмана в *ОГ*, 2000, 10 – 16 февраля; и см.: Петр Авен, которого цитирует Ian Traylor в *Guardian* (UK), March 31, 2000; см. также статью Евгения Альбац в *Новой газете*, 2000, 5 июня.
26. См. статью Сергея Степашина в *НГ*, 2000, 14 января. О Примакове см. Michael Wines в *NYT*, Jan. 20, 2000.
27. Andrei Piontkovsky в *Russian Journal*, reprinted in *JRL*, Dec. 4, 1999. См. также Pavel Felgenhauer в *Moscow Times*, Nov. 4, 1999; Igor Malashenko в *Newsweek International*, Dec. 20, 1999; и Sergei Kovalev в *New York Review of Books*, Feb. 10, 2000, pp. 4-8.
28. Martin Malia в *WSJ*, March 15, 2000. По поводу заявления администрации и «демократического перехода» см. U. S. officials и Graham Allison, приведенные в части I, прим. 106, 109. По поводу других журналистов и ученых см. там же, прим. 107, 108; и часть III, прим. 116.
29. David Hoffman в *WP*, Jan. 26, 2000. Также см. David Hoffman и Sharon La Franiere, Там же, Jan. 19, 20, 24, 2000; и Celestine Bohlen в *NYT*, Jan. 19, 2000. Ученые тоже ошиблись в своих предсказаниях. См. например: Leon Aron в *Weekly Standard*, Jan. 17, 2000, pp. 13 – 15; и Mark Kramer в *WP*, Jan. 2, 2000.
30. *MT editorial*, Sept. 9, 2000; по поводу несправедливых выборов см. *ibid*, Dec. 21, 1999; и Вячеслав Никонов в *JRL*, Jan. 9, 2000. Насчет «переворота» и советских выборов см. Часть I, прим. 106. В частной беседе кандидат от КППФ Г.А. Зюганов утверждал, что, согласно первоначальным подсчетам, он набрал 38–40% голосов, а Путин 43–45% голосов, а вовсе не 29 и 53%. Если это действительно было так, то понадобился бы второй тур выборов. К такому же выводу пришла и *MT*.
31. См. статью Дмитрия Фурмана в *ОГ*, 2000, 15–19 января. О СМИ см. European Institute for the Media report, *JRL*, Dec. 22, 1999; Paul Saunders, *ibid.*, May 2, 2000; and Robert Coalson в *MT*, March 31, 2000. О покорности см. Sergei Aleksyev в *Current Digest of the Post-Soviet Press*, April 26, 2000, p. 6; Natalya Shulyakovskaya в *Moscow Times*, Jan. 18, 2000; и также статью Лилии Шевцовой в *ЛГ*, 2000, 24 мая.
32. Michael Wines в *NYT*, Feb. 27, 2000; Martin Malia в *WSJ*, March 15, 2000; John Lloyd в *NYT Magazine*, March 19, 2000, p. 64. См. также Jack F. Matlock Jr. в *NYT*, March 26, 2000; и David Hoffman о войне, которую он считает скорее «рядом просчетов, чем просчитанной уловкой». – *WP*, March 20, 2000.
33. Интервью Elena Bonner Natalia Yefimova в *Moscow Times*, Jan. 22, 2000; Mary Robinson, на которую ссылается Jamie Dettmer в *Washington Times*, Feb. 21, 2000; Peter Bouckaert в *WP*, Feb. 25, 2000; Holly Cartner цитирует Daniel Williams. – Там

- же, March 31, 2000; Council of Europe cited by AFP в *JRL*, March 13, 2000. См. также Pavel Felgenhauer в *St. Petersburg Times*, Jan. 21, 2000; и Sergei Kovalev в *New York Review of Books*, Feb. 10, 2000, pp. 4-8.
34. По поводу подозрений насчет взрывов см. Will Englund в *Baltimore Sun*, Jan. 14, 2000; Maura Reynolds в *LAT*, Jan. 15, 2000; Борис Кагарлицкий в *Новой газете*, 2000, 24–30 января, и Matt Bivens в *Brill's Content*, July/August 2000, p. 124. Раздавались вопросы и о том, кто стоял за чеченским вторжением в Дагестан. См. также и статью Виталия Третьякова в *НГ*, 1999, 12 октября.
 35. О примерах подобных обвинений см.: Елена Боннэр, на которую ссылается AFP в *JRL*, Jan. 27, 2000; Александр Минкин процитирован Траунор в *Guardian* (UK), March 24, 2000; Михаил Круглов в *Новой газете*, 2000, 27 марта – 2 апреля; и документ, на который ссылается Michael Wines в *NYT*, May 5, 2000.
 36. Равным образом Андропов был выдвинут на пост главы КГБ в 1967 г., для того, чтобы урезать возросшие политические амбиции этого ведомства.
 37. Александр Шохин в *НГ*, 2000, 13 января. По поводу страха и презрения к массам см. Глеб Павловский, *Коммерсант – Власть*, 2000, 4 июля, Эдвард Радзинский в *WSJ*, Aug. 24, 2000.
 38. Andrei Piontkovsky в *Russian Journal*, *JRL*, Feb. 13, 2000. Оптимистический взгляд на перспективы Путина в качестве главы государства см.: Рой Медведев. *Загадка Путина*. М., 2000. О самооценке Путина см.: Владимир Путин. *От первого лица*. М., 2000.
 39. Pavel Valinov в *Current Digest of the Post-Soviet Press*, Dec. 29, 1999, p. 2. Также см. Igor Malashenko в *Newsweek International*, Dec. 20, 1999 Дмитрий Фурман в *ОГ*, 2000, 10 – 16 февр.; и ниже, Часть III, прим. 26.
 40. Andrei Piontkovsky в *Russian Journal*, *JRL*, Jan. 24, 2000; насчет интеллигенции и бизнесменов, «мечтающих о российском Пиночете», см. Piontkovsky, *ibid.*, July 22, 2000 и Николай Работяжев в *НГ*, 2000, 23 сентября. См. также: Chubais в *Current Digest of the Post-Soviet Press*, Jan. 12, 2000, pp. 10–11; и сообщение Елены Токаревой в *ОГ*, 2000, 20 января; и Nemtsov (with Jan Bremmer) в *NYT*, Jan. 5, 2000, and Немцов в *JRL*, March i, 2000.
 41. *NYT* editorial, Dec. 28, 1999; и также см.: Людмила Телень в *MN*, 1999, 22–28 декабря.
 42. Boris Kagarlitsky в *JRL*, Feb. 17, 2000; и Andrei Piontkovsky в *Russian Journal*, *JRL*, March 12, 2000. Также см. Grigory Yavlinsky *ibid.*, Feb. 15, 2000.

ЧАСТЬ III

1. *НГ*, 1999, 30 декабря.
2. На Robert E. Rubin ссылается Reuters dispatch, *JLR*, March 19, 1999.
3. По поводу газет см., соответственно: Ираида Семенова и Алексей Подымов в *Российской газете*, 2000, 14 января; Светлана Бабаева в *Известиях*, 2000, 29 февраля; Маргарита Водянова и Константин Данов в *ОГ*, 1999, 23–29 декабря, 1999. По поводу обследования см. AFP dispatch в *GDI Russia Weekly*, Feb. 18, 2000, в ходе которого 7 из 10 русских назвали себя бедными. Уровень бедности, по мнению двух продемократических газет, составляет от 50 до 55%. См. *Аргументы и факты*, на которые ссылается *RFE/RL Newslines*, March 10, 2000; Сергей Караганов в *МН*, 2000, 8–14 марта. Как ни удивительно, более половины жителей Москвы, самого процветающего российского города, живет ниже уровня бедности, AFP dispatch, *JRL*, Feb. 29, 2000. О бедности также см. Bertram Silverman and Murray Yanowitch, *New Rich, New Poor, New Russia*, exp. ed. (Armonk, N. Y., 2000). О сокращении населения и «катастрофе» см. сообщение Оксаны Яблоковой в *MTes*, Jan. 26, 2000; и Валентин Покровский, на которого ссылается *JRL*, Feb. 22, 2000.
4. См.: Сергей Ковалев в *New York Review of Books*, Feb. 10, 2000, p. 7. О злоупотреблениях, см. the Human Rights Watch report *Confessions at Any Cost: Police Torture in Russia* (New York, 1999) и Отчет Московской Хельсинкской группы, *JRL*, Oct. 6, 2000.
5. По мнению одного ревностного сторонника российского «демократического перехода», президентские выборы «больше похожи на страницу из истории советского однопартийного государства, чем на действительно демократические, плюралистические выборы», – David Hoffman в *WP*, Jan. 14, 2000. По поводу СМИ и выборов см. отчет the European Institute for Media в *JRL*, Dec. 23, 1999; Boris Kagarlitsky, *ibid.*, Jan. 14, 2000; Georgy Saratov, *ibid.*, Jan. 24, 2000; см. Часть I, прим. 66, и Часть II, прим. 30, 31; и Sarah Oates в *Problems of Post-Communism*, May–June 2000, pp. 3–14.
6. См.: ссылку Mikhail Delyagin на Сергея Маркова в *JRL*, Jan. 29, 2000; Игорь Олейник в *Новой газете*, 2000, 10–16 января; На Константина Титова ссылается Sophie Lambroschini в *JRL*, Jan. 18, 2000. По поводу разговора о «полицейском государстве» и «тоталитаризме» см, например, ссылку Paul Goble на Елену Боннер, *ibid.*, Jan. 25, 2000; и интервью Александра Шохина в *НГ*, 2000, 13 января. По поводу выборов 2000 г. см. Рой Медведев со ссылкой на Геннадия Зюганова в *Книжном обозрении*, 2000, 1 мая.
7. На Петра Авена ссылается Jan Traynor в *Guardian* (UK), March 31, 2000. Я имею в виду многочисленные книги, в которых прославляется спасительная роль сил советской госбезопасности во время Второй мировой и «холодной» войн.
8. См. Nikolai Popov в *JRL*, Dec. 10, 1999; Aleksandr Protzenko, *ibid.*, Jan. 7, 2000; о «справедливости» см. обследование РОМИР, *ibid.*, Jan. 25, 2000; *JRL*, June 1, 1999.
9. См. речь Strobe Talbott в Оксфордском университете 20 января 2000 г., *JRL*, Jan. 25, 2000. Практически то же самое и тем же языком заявил один российский экономист – см. Евгений Гонтмахер в *Труде*, 2000, 19 января.

10. Об обследовании см. см. *JRL*, May 10, March 19, 2000; и *ОГ*, 1999, 16–22 декабря. По поводу тоста, о котором впервые упомянул Arnold Beichman в *Washington Times*, Jan. 10, 2000, см. Акрам Муртазаев в *Новой газете*, 27 декабря 1999 – 2 января 2000; и Григория Явлинского в *ОГ*, 30 декабря 1999 – 1 января 2000.
11. О «смуте» в истории и сегодня см. Robert C. Tucker, «What Time Is It in Russian History?», в Catherine Merridale и Chris Ward, eds., *Perestroika: The Historical Perspective* (London, 1991), pp. 34 – 45. Путин провел подобную аналогию с 1917 г. См. *НГ*, 1999, 30 декабря. Как ни странно, один из авторов крестового похода, на которого я ссылался в прим. 9, также назвал 90-е годы в России (будем думать, что он знает, о чем говорит) десятилетием «смуты», что почти полностью расходится с его «транзитологическими» взглядами.
12. Thomas L. Friedman в *NYT*, July 25, 1998. Фридман считает, что США поддержали Ельцина, потому что на стороне его и его команды была историческая правда.
13. См. сообщение Андрея Степанова в *Известиях*, 2000, 15 января; ссылку на Интерфакс в *JRL*, Jan. 15, 2000; и Сергей Правосудов в *НГ*, 2000, 15 января.
14. *MT*, Jan. 5, 2000, July 15, 1999; и также, *ibid.*, June 5, 2000.
15. Peter Reddaway (with Dmitri Glinski) в *Journal of Democracy*, April 1999, pp. 19-34; Arnold L. Horelick в: Lilia Shevtsova, *Yeltsin's Russia* (Washington, D. C., 1999), p. ix. Также см. Reddaway and Glinski, *The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism Against Democracy* (Washington, D. C., 2000). О русских ученых см. Shevtsova, *Yeltsin's Russia*, Рой Медведев в *ПГ*, 2000, 6 января. См. сына Никиты Хрущева Сергея, ныне гражданина США, в *Книжном обозрении*, 1998, 26 мая, С. 23.
16. Ссылка Michel Wines на Никиту Петрова в *NYT*, Jan. 20, 2000.
17. Как можно понять из первых программных заявлений Путина, сделанных им незадолго и сразу после отставки Ельцина. – См. *НГ*, 1999, 30 декабря; и *Известия*, 2000, 25 февраля. Критическое отношение Путина к реформам Ельцина было сразу же подмечено российской прессой – См., например: Виталий Головачев в *Труде*, 2000, 19 января. И хотя Путин был креатурой ельцинского Кремля, он был преподнесен стране как молодой, здоровый, полный сил правитель, способный навести порядок, – то есть, как некий «анти-Ельцин».
18. Fritz Ermarth в *JRL*, Jan. 20, 2000. Бывший польский диссидент Адам Михник назвал это «бандитским либерализмом» – *НГ*, 2000, 15 января.
19. Сам по себе антикоммунизм не является достаточным критерием для формирования сегодняшней политики США в отношении России. Когда герой восточно-европейской антикоммунистической революции заявляет американским журналистам: «лучше больная Россия, чдм здоровый Советский Союз», мы в состоянии понять его чувства. Но это закономерно означает: лучше ядерная Россия, охваченная кризисом и анархией, или, напротив, деспотическая Россия, чем реформирующийся Советский Союз. См. Вацлав Гавел, которого цитирует William Safire in *NYT*, Sept. 17, 1998.
20. См. выше, Часть I, прим. 130.
21. *НГ*, 2000, 14 января, 26 апреля. Версия 1997 года подчеркивала, что в основе российской безопасности лежит «партнерство» с Западом.
22. Предыдущая российская доктрина безопасности предусматривала их использование только в случае угрозы «самому существованию» России как суверенного государства. Доктрина 2000 года позволяет их использовать для «отражения вооруженной агрессии», когда другие средства оказались недостаточными.
23. Когда российские войска неожиданно захватили контроль над аэропортом, американский командующий отдал приказ британскому командующему силами НАТО в Косово вытеснить их оттуда. Британец, решение об отставке которого уже было

- принято наверху, ответил: «Нет, я не собираюсь этого делать. Не стоит начинать Третью мировую войну». — Elizabeth Becker в *NYT*, Sept. 10, 1999. По мнению одного, пожелавшего остаться неизвестным, западного дипломата, благодаря этому инциденту «Россия оказалась в миллиметре от конфликта с США, что было абсолютно невозможно в советские дни». — Robert D. Novak and Rowland Evans в *WP*, Nov. 29, 1999.
24. О доктрине см. *НГ*, 2000, 14 января, 26 апреля. Примером общественного мнения может служить опрос, показывающий, что 72% россиян не верят, что США будут честно соблюдать ядерные договоры — см. сообщение Yelena Boldyreva в *Current Digest of the Post-Soviet Press*, Dec. 22, 1999, p. 12. Согласно другому опросу (октябрь 2000 г.), 53% российской элиты полагают, что США угрожают безопасности России. — *JRL*, Oct. 31, 2000.
 25. Даже те из российских политиков, которые обычно настроены про-американски, обвиняют США в ухудшении отношений двух стран. См. например замечания Алексея Арбатова *JKL*, Jan. 8, Feb. 4, 2000; и Андрея Кокошина в *RFE/RL Newslines*, Feb. 4, 2000.
 26. Pavel Valinov в *Current Digest of the Post-Soviet Press*, Dec. 29, 1999, p. 2; и об антизападных настроениях см.: Александр Верховский в *ОГ*, 1999, 30 декабря. Комментарии по поводу поведения этих «либералов» см.: Сергей Рогов, на которого ссылается Sophie Lambroschini в *JRL*, Nov. 18, 1999; Людмила Телень в *MN*, 1999, 22–28 декабря. См. также Часть II, прим. 39.
 27. Оба журналиста, британский и российский, охарактеризовали так систему. — См. John Lloyd в *NYT Magazine*, Aug. 15, 1999, p. 52; и Andrei Piontkovsky in *Russian Journal*, *JRL*, Feb. 8, 2000.
 28. Nikolai Shmelyov в *Current Digest of the Post-Soviet Press*, April 19, 2000, p. 12. Shevtsova, *Yeltsin's Russia*, p. 4. Также см. Reddaway и Glinski в прим. 15. На диссидентов ссылается Lars-Erik Nelson в *JRL*, Feb. 25, 2000.
 29. См., например, Steven Munson в *WP*, Feb. 6, 2000; и Peter Bouckaert, *ibid.*, Feb. 25, 2000. Когда русский флаг взвился над развалинами Грозного, также использовал слово *liberate*. Цитата Lyoma Turpalov в AP dispatch dated Feb. 6, 2000.
 30. George Tenet цитируется Susan Ellis в USA release, *JRL*, Feb. 5, 2000. Similarly, см. ссылку на директора ФБР Louis J. Freeh у Douglas Farah в *WP*, Oct. 2, 1997.
 31. Fritz W. Ermarth в *JRL*, Jan. 20, 2000. По поводу других комментариев об этом см. Janine R. Wedel's *Collision and Collusion* и ее статью в *Democratizatsiya*, Fall 1999, pp. 469-500; Holman W. Jenkins Jr. в *WSJ*, Sept. 2, 1998, Sept. 1, 1999; Zbigniew Brzezinski, *ibid.*, Sept. 3, 1999; Raymond Bonner в *NYT*, Dec. 26, 1999; и David Ignatius в *WP*, Jan. 9, 2000. По мнению председателя банковского комитета палаты представителей Конгресса США банковское дело имеет большое значение в перспективе, потому что являет собой наглядный пример коррупции в финансовой системе. На Jim Leach ссылается Timothy L. O'Brien в *NYT*, Feb. 18, 2000. См. Часть I, прим. 14. также см. O'Brien with Joseph Kahn, *ibid.*, March 17, 2000; и David Ignatius в *WP*, April 12, 2000. Русские также полагают, что американцы тоже нечисты на руку. — См., например обвинения Сергея Глазьева в отчете Matt Taibbi в *The Exile*, *JRL*, May 17, 2000.
 32. О коррупции в российских высших кругах американскому правительству стало известно, по крайней мере, в 1995 г., когда ЦРУ проинформировало вице-президента Гора о своих подозрениях в том, что его дипломатический партнер премьер-министр Виктор Черномырдин сам замешан в коррупции. Гор эти подозрения отменил. См. сообщение James Risen в *NYT*, Nov. 23, 25, 1998. В российских политических кругах полагают, что Черномырдин имел возможность укрывать за границей

- финансовые средства под покровительством американцев. Это объясняет его про-американскую деятельность, особенно во время войны НАТО в Югославии. На такую возможность также намекает John Lloyd в *NYT Magazine*, Aug. 15, 1999, p. 52. По поводу расследований о коррупции в России см. статью без подписи в *MH*, 2000, 19–25 апреля. Черномырдину также вменяют в вину официальное покровительство перевозкам наркотиков через Россию на Западе. — См. Олег Лурье в *Новой газете* 27 декабря 1999 — 2 января, 2000. О коррупции вообще один чиновник Госдепартамента заявил, что «всякий, кто имел дело с Россией всегда знал об этом» — Показания Wayne Merrу сенатскому комитету, *JRL*, Sept. 24, 1999.
33. Один критик рекомендует снабдить крестовый поход новой переходной доктриной, под которой он понимает новый «шаблон или стандартную схему». Другой полагает, что США могли бы поддержать «военный переворот» в Москве, который привел бы к власти нужные политические силы. См., соответственно, Fritz W. Esmarh and Jerry F. Hough в *JRL*, Jan. 20, 16, 2000. Миссионерская идея лежала в основе даже «доклада Кокса», остро критикующего российскую политику Клинтона. — См. *Russia's Road to Corruption* (Washington, 2000)/
 34. См. ссылку на сенатора Joseph R. Biden у Eric Schmitt в *NYT*, Sept. 26, 1999.
 35. *HG*, 1999, 30 декабря.
 36. Фраза отставного генерала William Odom цитируется Lars-Erik Nelson в *Daily News* (New York), Jan. 2, 2000. Как сообщает Nelson, Richard Perle, когда-то нестигаемый сторонник «холодной войны», занял такую же позицию. По мнению информированного источника, «кое-кто в Вашингтоне полагает, что, возможно, Россия никогда и не имела особого значения». — Fred Hiatt в *WP*, March 7, 1999. Также см. Zakaria в *NYT*, March 26, 1997.
 37. Thomas E. Graham Jr., «A World Without Russia?», *JRL*, June 11, 1999; Jim Hoagland в *WP*, Nov. 21, 1999; John Lloyd в *NYT Magazine*, Aug. 15, 1999, p. 64. Также см. Nicholas Eberstadt, «Russia: Too Sick to Matter?», *Policy Review*, June–July 1999, pp. 3–24; George Soros об МВФ в AFP dispatch, *JRL*, Feb. 3, 2000.
 38. См. показания в сенате Strobe Talbott, *JRL*, Sept. 24, 1999; Samuel R. Berger в *WP*, Sept. 15, 1999; David Remnick в *New York Review of Books*, Aug. 12, 1993, p. 20; John M. Broder в *NYT*, Sept. 27, 1999; Fareed Zakaria, *ibid.*, May 9, 1995; and Michael McFaul, Pomars Policy Memo Series, no. 69, Oct. 1999, p. 10; и речь Клинтона в *NYT*, Sept. 2, 2000. Также см. McFaul в *Foreign Policy*. Winter 1999–2000, pp. 58–71» Richard Cohen в *WP*, Sept. 14, 1999; *LAT* editorial, Nov. 8, 1999; Jim Hoagland on *The NewsHour with Jim Lehrer*, PBS, Dec. 23, 1999; Британский премьер Тони Блэр цитируется William Douglas в *WP*, Jan. 1, 2000; и William Satire в *NYT*, April 27, 2000. По поводу одного из первых протестов против этого распространенного взгляда см. Stephen S. Rosenfeld в *WP*, Jan. 51, 1997.
 39. На Michael Krepon ссылается Eric Schmitt in *NYT*, Sept. 5, 1999; Отчет комитета по ядерной политике см. в *Arms Control Today*, Jan.–Feb. 1999, pp. 15–19. Также см. Graham T. Allison, *Avoiding Nuclear Anarchy* (Cambridge, Mass., 1996); Bruce G. Blair в *WP*, Sept. 29, 1996; Tim Weiner в *NYT*, April 50, 1998; Andrew and Leslie Cockburn, *One Point Safe* (New York, 1997); Michael Krepon в *WP*, May 25, 1999; Lloyd J. Dumas, *Lethal Arrogance* (New York, 1999); мнение специалистов по контролю над вооружением, — Judith Miller в *NYT*, Feb. 5, 2000; Paul R. Josephson, *Red Atom* (New York, 2000), pp. 272–96; и Jimmy Carter в *WP*, Feb. 23, 2000. См. также Jonathan Schell, «The Gift of Time», специальный выпуск *The Nation*, Feb. 2–9, 1998.
 40. Чтобы не быть голословным приведу несколько оценок. По мнению *WP*, «внутри России постепенно нарастает кризис». Ведущий российский политолог считает,

- что «режим крайне нестабилен и хрупок», а по мнению историка, Российская Федерация «рассыпается», как когда-то Османская империя. См. *WP* editorial, May 13, 1999; Shevtsova, *Yeltsin's Russia*, p. 289; и Michael Reynolds в *WSJ Europe*, Sept. 24-25, 1999. Шевцова и Игорь Клямкин, другой ведущий политолог, полагают: «Даже самый убежденный оптимист вряд ли может отрицать сегодня, что Россия охвачена самым глубоким системным кризисом, охватывающим все области российской жизни – экономику, политику и социальную сферу». – *JRL*, Aug. 22, 1999.
41. На Matthew Bunn и бывшего сенатора Sam Nunn ссылается Н. Joseph Herbert, AP dispatch, *JRL*, Feb. 6, 2000; Graham T. Allison and Sam Nunn в *WP*, April 24, 2000. О безопасности и отсутствии учета см.: Bunn, *The Next Wave: Urgently Needed New Steps to Control Warheads and Fissile Material* (Washington, D. C., 2000); Dumas, *Lethal Arrogance*, pp. 74–81. Также см. о необходимости учета George W. Bush в *JRL*, Nov. 20, 1999. О тактических вооружениях см. Thomas W. Lippman в *WP*, Sept. 29, 1994; в William C. Potter and Nikolai Sokov в *International Herald Tribune*, May 31, 2000. В 1997 г. вопрос об учете тактических вооружений был вновь поднят генералом Александром Лебедем, который, будучи секретарем Совета безопасности России, объявил об исчезновении 48 атомных бомб размером с чемоданчик. Это его заявление было сразу же опровергнуто Москвой и Вашингтоном, но оно, тем не менее, подтверждалось и другими источниками.
42. Thomas Halverson в *Bulletin of Atomic Scientists*, July-Aug. 1993, p. 43; statement of Senator Richard G. Lugar in *JRL*, Oct. 3, 1999; и итоговый отчет в *Известиях*, 2000, 11 мая.
43. Michael Dobbs's report в *WP*, Feb. 13, 2000; и *RFE/RL Newslines*, March 29, 2000. Также см. James Rupert, *ibid.*, April 19, 1996; Alan Cooperman, «The Next Chernobyl?», *UA News and World Report*, April 29, 1996, pp. 46-48; Rupert Comwell в *Independent* (UK), Oct. 20, 1998; и Rod Nordland, «Where Is the Next Chernobyl?», *Newsweek*, Oct. 18, 1999, pp. 34 – 40. Согласно отчетам в 1999 году в российской атомной энергетике произошло более 16 тыс. нарушений стандарта безопасности. – Сообщение ИТАР-ТАСС, *JRL*, March 29, 2000.
44. Alan Cooperman в *U. S. News and World Report*, April 19, 1996, p. 47. Также см. Nordland, «Where Is the Next Chernobyl?»
45. Rupert Comwell в *Independent* (UK), Oct. 20, 1998. Также см. Fred Barbash в *WP*, Oct. 11, 1996; Aleksandr Kurchatov, «New Chernobyl at Sea», *MT*, March 2, 1996; Greg Neale в *Electronic Telegraph* (UK), May 23, 1999; и Дмитрия Литовкина «100 плавающих Чернобылей» *МН*, 1999, 29 сентября – 5 октября.
46. На Юрия Балашова ссылается David Hoffman в *WP*, May 14, 1998. По мнению другого эксперта, «ракеты у нас старые и небезопасные», *RFE/RL Newslines*, Aug. 10, 1999.
47. Pavel Felgenhauer в *St. Petersburg Times*, Jan. 21, 2000.
48. См. Tim Weiner в *NYT*, April 30, 1998; и Philipp C. Bleek and Frank N. von Hippel в *WP*, Dec. 12, 1999. Также см. Judith Miller в *NYT*, Feb. 5, 2000, которая сообщает, что, по мнению некоторых аналитиков, угроза ядерной войны сегодня весьма велика; предупреждение бывшего директора ЦРУ Woolsey см. в *Military Newswire Service*, June 18, 1996; немецкое исследование, на которое ссылается Reuters в *JRL*, Aug. 12, 1997; Michael Krepon в *WP*, May 25, 1999; информация Greg Schneider в *Baltimore Sun*, Aug. 27, 1999; Dumas, *Lethal Arrogance*; the experts cited by Jonathan S. Landay в *Miami Herald*, Jan. 9, 2000; William J. Broad in *NYT*, May 1, 2000; James T. Hackett в *WSJ*, March 28, 1997; и Frank von Hippel and Bruce Blair in *WP*, June 6, 2000. О состоянии российской системы раннего предупреждения о нападении см. David Hoffman, *ibid.*, June 1, 2000.

49. См., например, Andrei Piontkovsky и Brian Whitmore в *MT*, Sept. 23, Oct. 15, 1999; и Robert Chandler в *Times Literary Supplement*, Dec. 3, 1999. Также см. ссылку на военного представителя Давида Филипова в *Boston Globe*, Oct. 6, 1999; ссылка на Владимира Жириновского у Dmitri Glinski в *JRL*, Dec. 17, 1999; на курского губернатора Александра Руцкого ссылается Marcus Warren в *Electronic Telegraph* (UK), Jan. 18, 2000.
50. См. Pavel Felgenhauer в *Moscow Times*, Feb. 10, 2000, и также David Hoffman в *WP*, Aug. 31, 1999; Pavel Baev в *JRL*, May 21, 2000; и Potter and Sokov см. прим. 41.
51. Об этих отчетах см. А. Лебедь в *RFE/RL Caucasus Report*, Sept. 50, 1999; и Brian Whitmore в *MT*, Oct. 15, 1999. Об общественных страхах по поводу безопасности см. AFP report, *JRL*, Sept. 10, 1999; Michael Evans в *Times* (UK), Oct. 1, 1999; и опрос общественного мнения в *Current Digest of the Post-Soviet Press*, Dec. 22, 1999, p. 12. Во время первой чеченской войны 1994–96 гг. в московской прессе активно обсуждался вопрос, смогут ли чеченцы завладеть бывшими советскими ядерными объектами. — См., например: Александр Погонченков в *Московском комсомольце* 1995, 22 августа; и Борис Вишневский в *Комсомольской правде*, 1995, 1–8 декабря.
52. Алексей Арбатов в *International Affairs*, Fall 1993, p. 5.
53. Strobe Talbott, см. прим. 9. Я позаимствовал выражение у James T. Hackett в *WSJ*, March 28, 1997.
54. По мнению большинства западных комментаторов, результатом 10 лет, прошедших после развала советского блока в Восточной Европе, стали не безопасность и стабильность, а умножение конфликтов и хаос См. U. S. State Department обследование в *CDIRussia Weekly*, Nov. 12, 1999.
55. Выражение позаимствовано у итальянского журналиста Джульетто Кьеза в *Москва*, 1999, № 5, С. 3, который также критикует это.
56. По поводу зависимости анализа разведки от политических задач администрации Клинтона см. Fritz W. Ermarth в *National Interest*, Spring 1999, pp. 11–13, и о подобной же практике сообщает американское посольство в Москве, интервью Donald Jensen в «Return of the Czar,» PBS, May 9, 2000. В качестве примера возрождения мышления «холодной войны», даже среди умеренных членов политической элиты США см. James A. Leach, «The New Russian Menace,» *NYT*, Sept. 10, 1999. Что касается общественного мнения, опрос 1999 г. показал, что 54% американцев считают Россию вторым потенциальным противником США после Китая. — Bloomberg dispatch, *JRL*, Sept. 1, 1999.
57. Российские аналитики часто обращают внимание на эти несоответствия. О ратификации ОСВ-2 см., например: Сергей Рогов в *НГ*, 2000, 8 февраля; и о сравнении Косово с Чечней см. Tatiana Matsuk in *JRL*, Feb. 19, 2000.
58. Российский журналист заметил: «Запад был более внимателен к враждебному ему СССР, чем к более лояльной России». — Александр Гольц в *GDI Russia Weekly*, Oct. 22, 1999.
59. Григория Явлинского цитирует Bloomberg dispatch, *JRL*, Oct. 6, 1999.
60. Игорь Волгин в *НГ*, 1999, 7 сентября; на Сергея Хрущева ссылается Genine Babakian в *MT*, Jan. 15, 2000. С. Хрущев упоминает в этой связи Примакова. Также об общественных надеждах на лидера, заслуживающего уважения см. обследование, о котором сообщает АПН в *JRL*, Jan. 20, 2000 и Александр Абрамов в *НГ*, 1999, 27 октября.
61. См. например, протедократического аналитика Сергея Маркова в *JRL*, Jan. 29, 2000; и Анатолия Уткина в *НГ*, 2000, 12 апреля.
62. По поводу оси см. мою книгу *Rethinking the Soviet Experience: Politics and History Since 1917* (New York, 1985), p. 157; и другую мою книгу *Sovieticus: American Per-*

- ceptions and Soviet Realities*, exp. ed. (New York, 1986), part 4. По поводу российских комментариев о возрождении оси в наши дни см.: Максим Юсин в *Известиях*, 1999, 4 июня.
63. Michael McFaul в *WP*, March 3, 2000. Также см. Sarah E. Mendelson, Program on New Approaches to Russian Security (Harvard Davis Center), Policy Memo no. 144, April 2000. По поводу взгляда о том, что ядерная угроза «должна превалировать над нашим желанием видеть Россию демократической и реформированной», см. Richard H. Haass в *Newsday*, Jan. 3, 2000.
64. Критическую характеристику подходов М. Олбрайт см. Jim Hoagland's в *WP*, Jan. 6, 2000; и Thomas L. Friedman в *NYT*, April 16, 1999.
65. См., например, Путин о различии российского и англо-американского отношения к роли государства см. *НГ*, 1999, 30 декабря. О предпочтениях россиян, см.: Шляпентох в прим. 86.
66. См., например заявление Геннадия Зюганова во время президентской кампании в *РГ*, 2000, 14 марта; и программы в прим. 80.
67. Martin Malta, *Russia under Western Eyes* (Cambridge, Mass., 1999), p. 411.
68. На Charles William Maynes ссылается Tyier Marshall в *IAT*, Sept., 1999. Также см. Anatol Lieven в *NYT* March 17, 1999. См. интервью Сергея Глазьева в *Executive Intelligence Review*, July 23, 1999, p. 12.
69. Ссылка Michael R. Gordon в *NYT*, Nov. 10, 1999.
70. Прозападный Andrei Piontkovsky цитирует поэта Александра Блока в *Russian Journal*, *JRL*, Dec. 23, 1999.
71. См. отчет Craig S. Smith в *NYT*, Feb. 9, 2000. О продаже оружия Китаю и Индии см.: Николай Новичков в *МН*, 2000, 10–16 мая.
72. George F. Kennan, *American Diplomacy* (New York, 1952), p. 112. Процитированная статья впервые появилась в *Foreign Affairs*, April 1951. См. также Strobe Talbott в *JRL*, Jan. 25, 2000. О противоположной точке зрения – «Оставить Россию Россией – это непродуктивная политика» – William G. Hyland, *Foreign Affairs*, no. 1, 1992, p. 48.
73. David Ignatius в *WP*, Sept. 9, 1999; Michael McFaul, «Getting Russia Right,» *Foreign Policy*, Winter 1999 – 2000, pp. 65-67. См. также его статью в *WP*, March 3, 2000; и его показания в сенате, *JRL*, April 14, 2000.
74. Thomas Carothers, «Think Again: Civil Society,» *Foreign Policy*, Winter 1999–2000, pp. 18-25. По поводу другой критики см. David Rieff, «The False Dawn of Civil Society,» *The Nation*, Feb. 22, 1999, pp. 11-16. См. также выше Часть I, прим. 63.
75. *NYT*, Nov. 14, 1999. По поводу дискуссии см. В.Г. Хорос (ред.). *Гражданское общество*. М., 1998. С. 228-56. В бывшем Советском Союзе, как и на Западе, по мнению одного белорусского ученого, понятие «гражданское общество» было тесно связано с индивидуальным контекстом. – См. Larissa G. Titarenko в *Democratizatsiya*, Summer 1999, p. 415. См. также John Ehrenberg, *Civil Society* (New York, 1999), p. 234.
76. В качестве примера оправдания сумм, «направленных на углубление российской демократии», но не на восстановление российской экономики, см. editorial в *WP*, Dec. i, 1998; и также по вопросу сокращения бюджета – *NYT* editorial, March 27, 1999.
77. См. выше, Часть I, прим. 106.
78. Даже лидер одной демократической партии сказал: «Российский парламент – зеркало российского общества». – Григорий Явлинский в *NYT*, Sept. 14, 1995.
79. Один российский обозреватель отметил, что концепция «экономических реформ», как и предшествующие марксистско-ленинские концепции, имела различные

- и часто противоречивые официальные определения. См.: Юрий Козлов в *России* 1995, 25–31 января.
80. Заявление группы пяти Нобелевских лауреатов и несколько российских экономистов было опубликовано в *НГ*, 1996, 1 июля. Сокращенная англоязычная версия появилась в *JRL*, Jan. 11, 1999. См. также David M. Kotz в *Central Europe Review*, Oct. 25, 1999, Internet publication; и Lawrence R. Klein and Marshall Pomer, eds., *The New Russia: Transition Gone Awry* (Stanford, 2000), esp. pt. 5.
 81. По поводу критических и программных взглядов см. также ссылку на Г. Явлинского в отчете РИА Новости, *JRL*, Jan. 51, 2000; Н. Шмелев в *Вопросах экономики*, 1999, № 8. С. 49–65; Л. И. Абалкин. *Выбор за Россией*. М., 1998, и *Спассти Россию*. М., 1999; Н. Петраков и В. Перламутров в *Вопросах экономики*, 1997, № 5. С. 74–85; Н. Петраков. *Русская рулетка*. М., 1999, и его статья в *Российской газете*, 1999, 17 декабря, и *ОГ*, 2000, 15 января; Станислав Меньшиков в *Moscow Tribune*, Feb. 15, 2000; интервью Сергея Глазьева в *НГ*, 1999, 24 сентября, и его книгу *Геноцид*. М., 1997; Александр Потапов в *Российской газете*, 1999, 16 сентября, отчет о пресс-конференции Геннадий Зюганова, Петра Романова, Сергея Глазьева и Виктора Ведьманова в *JRL*, Feb. 18, 2000; и О. Т. Богомолов. *Моя летопись переходного времени*. М., 2000. Путин выразил подобный взгляд в *НГ*, 1999, 30 декабря. По мнению Петракова, «стало модным говорить об экономической безопасности страны» – *ОГ*, 2000, 2–8 марта. См. Часть I, прим. 51.
 82. Этой точке зрения я обязан профессору James R. Millar, видному специалисту по экономике России. Также см.: Paul Starobin, «What Went Wrong,» *National Journal*» Dec. 4, 1999, pp. 5450–57; и David M. Kotz в *JRL*, Oct. 27, 1999. Согласно отчету 1993 г., один из директоров МВФ отстаивал подход к России, аналогичный плану Маршалла, но его проигнорировали. См. George Krasnow в *JRL*, Feb. 25, 1999.
 83. По поводу Рузвельта и его «Нового курса» см. например: Н. Петраков и В. Перламутров в *Вопросах экономики*, 1997, № 5. С. 77–78, 82; на Анатолия Собчака ссылается Michael Wines в *NYT*, Jan. 2, 2000; Геннадий Зюганов в *JRL*» Feb. 15, 2000; и Анатолий Уткин в *НГ*, 2000, 12 апреля. О Кейнсе см.: Н. Шмелев в *Вопросах экономики*, 1999, № 8. С. 62, Ираида Семенова и Алексей Подымов в *Российской газете*, 2000, 14 января; и Александр Потапов, там же, 1999, 5 ноября. Он комментирует также Путинский «третий путь» и «российскую правду». Также см. ниже, прим. 84. О «Московском согласии» см. Clifford G. Gaddy and Barry W. Ickes в *Brookings Review*, Winter 1999, pp. 44–48.
 84. Н. Петраков, В. Перламутров. Указ. статья, С. 82.
 85. См., например, комментарии Путина in's comments on the state, см. выше, прим. 64, и в *Известиях*, 2000, 25 февраля. Один из российских экономистов сказал об этом так: «Сегодня в России нет и долгое время не будет реальной силы, способной разрешить эти проблемы, кроме государства» – Николай Шмелев. Указ. статья, С. 54.
 86. Charles Krauthammer в *WP*, Feb. 9, 1996; см. также мнение London's International Institute for Strategic Studies в отчете Reuters dispatch by David Ljunggren, *JRL*, May 4, 1999.
 87. Об официальном презрении к бедным и предпочтениях российского народа см. опроса, представленного В. Шляпентохом в *Europe-Asia Studies*, Nov. 1999, pp. 1167–81, и в *Communist and Post-Communist Studies*, Dec. 1999, pp. 455–60. В первой статье процитирован молодой реформатор А. Кох, якобы заявивший: «Русские заслуживают своей несчастной судьбы». Об общественных предпочте-

- ниях см. также результаты опроса, представленного Anna Zakatnova в *Current Digest of the Post-Soviet Press*, May 24, 2000, p. 12. О Путине см. выше, прим. 84.
88. Николай Шмелев. Указ. статья, С. 52.
89. Например об этих предложениях см. прим. 80.
90. См.: Н. Петраков и В. Перламутров в *Вопросах экономики*, 1997, № 5. С. 79; Екатерина Борисова и Татьяна Дегтярева в *Российской газете*, 1999, 9 июня; Павла Бунича цитирует Евгения Борисова в *MT*, 1999, 2 декабря. Другой источник сообщает о еще большем разрыве между подлинной стоимостью и продажной ценой: государственная собственность, стоимостью в 1 млрд. долларов была продана за 5 млн. — *Экономика и жизнь*, 1999, № 10; *JRL*, March 15, 2000. Главным адвокатом частичной ренационализации является, конечно, КПРФ, но даже бывший главный экономист Всемирного банка считает ее необходимой. См. Joseph E. Stiglitz, на которого ссылается Louis Uchitelle в *NYT*, Dec. 5, 1999. На пути к своему президентству Путин был неизменно против всякой деприватизации, но эта его позиция может измениться — См.: *Current Digest of the Post-Soviet Press*, Dec. 22, 1999, pp. 12-13.
91. Некоторые российские экономисты полагают, что государство могло бы сосредоточить в своих руках до трех четвертей того, что необходимо. См. *Экономика и жизнь*, процитированная в предыдущем прим. О «генетическом коде» см. Владимир Путин. От первого лица (английское издание, New York, 2000, p. 186).
92. Задолженности государства по пенсиям и зарплате, составлявшие в конце 1999 г. от 2 до 3 млрд. долларов, и затем сократившиеся до 1,5 млрд. в сентябре 2000 г., не поддаются точной оценке, поскольку государство часто скрывает их подлинные размеры. Путин пообещал выплатить их в полном объеме, но даже если он это сделает, задолженности нарастут снова, когда мировые цены на нефть упадут.
93. Программы ипотечного кредитования были были предложены бывшими сенаторами Gary Hart и Gordon Humphrey. Об одной, весьма умеренной в долларовом отношении, объявил в марте 2000 г. U. S. Russia Investment Fund. См., соответственно, *JRL*, Sept. 17, 1999; см. письмо Hart-Humphrey в *WP*, Feb. 11, 1999; и the Reuters report, *JRL*, March 15, 2000.
94. Российское правительство оценивает масштабы разрушений в Чечне от 7 до 10 млрд. рублей. — См. MN File в *MN*, 2000, 12–18 апреля; и Евгения Письменная, там же, 2000, 5–9 мая.
95. Оценки внешнего долга России значительно расходятся между собой. Расхождение составляет до 195 млрд. долларов. Я привожу оценку Международного Института финансов, сделанную в 1999 г.
96. William Satire в *NYT*, Sept. 9, 1999. Большинство российских сторонников «Московского соглашения» рассчитывают на частичное восстановление этих фондов. См., например: Николай Петраков в *ОГ*, 2000, 13–19 января, и Сергей Глазьев в *НГ*, 1999, 24 сентября.
97. Michael Hudson в *JRL*, Nov. 24, 1999, Louise I. Shelley в *NYT*, Feb. 26, 1999.
98. Louise I. Shelley в *NYT*, Feb. 26, 1999.
99. Многие эксперты обвиняют администрацию США в том, что она не сумела возглавить это направление. См. Thomas B. Graham, которого цитирует David Hoffman в *WP*, April 17, 1996, Bruce G. Blair, *ibid.*, Sept. 29, 1996; Ha John Mearsheimer ссылается Steve Chapman в *Chicago Tribune*, Dec. 12, 1999; the report cited by H. Joseph Hebert в AP dispatch, *JRL*, Feb. 2, 2000; и Jimmy Carter в *WP*, Feb. 25, 2000. Также см. прим. 59.
100. Ha Jon B. Wolfsthal ссылается John Dormelly and David Beard в *Boston Globe*, Feb. 26, 2000.

101. Ряд экспертов поддерживает эти или подобные предложения. См., например: Bruce G. Blair в *WP*, Sept. 29, 1996; Bruce Blair, Harold Feiveson, and Frank von Hippel, *ibid.*, Nov. 12, 1997; Stansfield Turner, *ibid.*, Nov. 1, 1999; the Committee on Nuclear Policy в *Arms Control Today*, Jan. – Feb. 1999, pp. 15-19; предложения, прозвучавшие со стр. *NYT*, Dec. 10, 1999; Stephen S. Rosenfeld в *WP*, March 6, 2000; и von Hippel and Blair, *ibid.*, June 6, 2000. В начале 2000, Россия предложила сократить количество боеголовок до 1500, но американская сторона отказалась, настаивая на том, что США нужно как минимум от 2000 до 2500. См. Steven Mufson'st, *ibid.*, Jan. 28, 2000. Во время президентской кампании 2000 г. кандидат Джордж Буш заявил, что мог бы согласиться на эти предложения, если будет избран. См. ниже, прим. 124.
102. На Bill Carpenter ссылается Bradley Graham в *WP*, Jan. 17, 2000. Также см. научный отчет Vernon Loeb, *ibid.*, April 12, 2000; см. Steven Lee Myers and Jane Perlez в *NYT*, April 28, 2000.
103. Например, в начале 2000 г. российские и зарубежные ученые завершили создание всеобъемлющей базы данных об источниках ядерной опасности на территории бывшего СССР. – См. сообщение РИА «Новости», *JRL*, March 51, 2000.
104. Об этом предложении см. Greg Schneider в *Baltimore Sun*, Aug. 27, 1999; и Jonathan S. Landay в *Miami Herald*, Jan. 9, 2000. О плане министерства см. Michael Dobbs в *WP*, March 11, 2000.
105. Matthew Bunn cited by John Donnelly and David Beard в *Boston Globe*, Feb. 26, 2000. Финансирование по ряду программ было сокращено. – См. Walter Pincus в *WP*, Nov. 12, 1999. По поводу 10 млн. долларов, о которых заявила в Москве М. Олбрайт, см. Reuters dispatch, Jan. 25, 1999.
106. На Matthew Bunn ссылается Josef Hebert, AP dispatch, *JBL*, Feb. 7, 2000.
108. Steve Chapman в *Chicago Tribune*, Dec. 12, 1999. Ю7. Алексея Арбатова цитирует Paul Toohar в *JBL*, Feb. 4, 2000. Арбатов является демократическим, прозападным политиком.
109. На Александра Гольца ссылается AFP dispatch, *ibid.*, March 22, 2000. 31 марта Путин подтвердил намерение Кремля модернизировать свои ядерные арсеналы.
110. Об одной из первых попыток превратить это предположение в стратегическую доктрину см. Zbigniew Brzezinski в *Foreign Affairs*, March–April 1994, pp. 67-82.
111. О подобном аргументе см. Jonathan Power в *Boston Globe*, Dec. 6, 1999.
112. На Bill Richardson ссылается David Ignatius в *WP*, Jan. 26, 2000.
113. Об отношении США с этими режимами см. Wayne Merry, «Coddling Dictators», *The Nation*, Jan. 51, 2000, pp. 5–6.
114. Американские политики иногда полагают, что отношения с ООН в полном объеме невозможны, поскольку эта организация непопулярна. Фактически 80% американцев хотели бы усиления ООН. См. Steven Kull and I. M. Destler в *Chronicle of Higher Education*, Sept. 5, 1999, p. B8.
115. Об этом процессе см. Roger Cohen в *NYT*, Jan. 14, Feb. 2, 2000; и Suzanne Daley, *ibid.*, April 9, 2000. По мере роста антиамериканских настроений половина опрошенных россиян высказалась за упрочение связей с Европой. – Сообщение РОМИР в *JRL*, May 16, 2000.
116. См., соответственно, Will Englund в *Baltimore Sun*, April 9, 2000; и Jan Traynor and Ewen MacAskill в *Guardian* (UK), April 11, 2000. Также см. Владимир Путин. *Ом Первого лица*, p. 169, где новый президент заявил «Мы европейцы». См. также предложения об установлении связей между новым Европейским Союзом и Россией в *Financial Times*, April 25, 2000.

117. Рецензия Bill Keller на книгу Leon Aron's *Yeltsin* в *NYT Book Review*, March 19, 2000, pp. i, 6; Fred Hiatt в *WP*, March 25, 2000; Jack F. Matlock Jr. в *NYT*, March 26, 2000; рецензия Martin Malia на Aron в *WSJ*, March 15, 2000; Jeffrey Sachs в *Washington Monthly*, March 2000, p. 57; Nicolai N. Petrov (with Robert Bruce Ware) в *JRL*, April 10, 2000. По поводу Matlock см. также его рецензию на книгу Aron в *LAT Book Review*, May 14, 2000.
118. Для этого и предшествующего параграфа см., соответственно, см. smi.ru commentary в *JRL*, May 24, 2000; на Robert Legvold ссылается Eric Schmitt в *NYT*, Sept. 26, 1999; Rose Brady в *Business Week*, March 15, 2000; Michael Wines в *NYT*, May 11, 2000, и David Hoffman, которого цитирует Al Breach в *WP*, May 11, 2000; на Graham Allison ссылается David Nyhan в *Boston Globe*, March 26, 2000; Johanna Granville в *Demokratizatsiya*, Winter 2000, p. 59; George Soros в *New York Review of Books*, April 15, 2000, p. 12; Michael McFaul в *JRL*, April 14, 2000; and *WP*, June 1, 2000. Также см. the JIOT editorial, June 5, 2000.
119. Thomas E. Graham Jr. и Michael McFaul, в *JRL*, April 15, 14, 2000; Harley Balzer, в *JRL*, Feb. 29, 2000; John Lancaster, в *WP*, March 28, 2000; Thomas L. Friedman в *NYT*, March 10, 2000. См. также мнение экономиста Колумбийского университета Padma Desai в *Financial Times*, Aug. 11, 2000, который нашел слишком много «советского» даже в программе «неошокового» министра Г. Грефа. О НАТО и российской ядерной угрозе см. Robert Kagan в *WP*, April 10, 2000. Ранее Kagan сообщил своим читателям, что в мире есть только одна угроза – недофинансирование американского военного бюджета. *Ibid.*, March 19, 2000. О молчании специалистов см. также интервью в PBS документальном фильме *Return of the Czar*, broadcast on May 9, 2000.
120. *AP* dispatches by Walter R. Mears, June 5 and 6, 2000. О речи Клинтона см. *JRL*, June 6, 2000. По поводу предшествующего параграфа см., соответственно, показания Strobe Talbott's сенатскому комитету, *JRL*, April 5, 2000; На Madeleine Albright ссылается Charles A. Radin в *Boston Globe*, April 8, 2000. Также см. неодобрение Thomas R. Pickering's «путинологии» в *JRL*, April 2, 2000.
121. См., например, речь директора МВФ Stanley Fischer в Москве 12 апреля 2000 г., *JRL*, April 12, 2000.
122. См. перефразированное сообщение МВФ на сайте *strana.ru*, *JRL*, Nov.9, 2000; Jean Lemierre в *MT*, Aug. 5, 2000; а также Stanley Fisher, *JRL*, April 12, 2000.
123. Leon Fuerth в: Kennan Institute for Advanced Russian Studies Meeting Report, №2, 2000; Michael McFaul, Online Debate (<http://www.foreignpolicy2000.org/hyperforum/Thread-russia>), Oct. 31, 2000.
124. Стенограмма вторых дебатов кандидатов на президентский пост в США в: *NYT*, Oct. 12, 2000.
125. На Daryl G. Kimball ссылается Sharon LaFraniere в *WP*, April 22, 2000. О конференции ООН см. Colum Lynch, *ibid.*, April 25, 2000; и о предложениях Буша см. в *NYT*, May 24, 2000; см. также Robert Legvold, *JRL*, Jan. 25, 2000; По поводу скептицизма в отношении американского поведения в вопросе о контроле над вооружениями см.: William Drozdiak в *WP*, June 15, 2000.
126. «Доклад Кокса», *Russia's Road to Corruption*, p. 15, 175. Следует заметить, что в своей речи в Университете Брауна 3 марта 2000 г. сенатор Bill Bradley, проигравший на праймериз кандидат от Демократической партии, критиковал российскую политику администрации Клинтона как «опасно непродуктивную». См. также его книгу *The Journey From Here* (New York, 2000). Третий кандидат от демократов Patrick Buchanan также критиковал администрацию за то, что она «обращается с Россией, как с побежденной нацией». См. *JRL*, Nov. 23, 1999.

127. См., например, интервью с Алексеем Арбатовым, *JRL*, Feb. 3, 2000; и замечания Владимира Лукина, *ibid.*, Jan. 25, 2000.
128. См.: Анатолий Уткин в *Свободной мысли*, 1999, № 6. С. 35.
129. По этому поводу см.: Robert English, *Russia and the Idea of the West: Gorbachev, Intellectuals, and the End of the Cold War* (New York, 2000).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Амбарцумов Е., 114
Андропов Ю.В., 187
Арон, Леон – 19

Б

Бабурин С. – 168
Березовский Б.А. – 67, 76, 181
Боннэр Е. – 186
Брежнев Л.И. – 187
Буш, Джордж – 22, 103–105, 110,
115, 123, 141, 142, 195, 248
Буш, Джордж (мл.) – 262, 263

В–Г

Вашингтон, Джордж – 31, 35, 72
Гайдар Е.Т. – 27, 102, 112, 125,
177
Гор, Альберт – 19, 24, 31, 174,
179, 182, 261–263
Горбачёв М.С. – 9, 39, 77, 86–88,
91, 93, 94, 95, 96–98, 101, 104,
111, 114, 131, 134, 136, 166,
177, 179, 195, 198, 202, 204,
226, 248, 250, 254, 264
Грачев П.С. – 115
Греф Г. – 30, 31, 70
Гринспан, Алан – 75
Гувер, Герберт – 107

Д–Е

Джефферсон, Томас – 35
Дьяченко Т. – 162

Ельцин Б.Н. – 10, 13, 23, 26–29,
34, 35, 39, 40, 48, 50–56, 63,
67, 69, 71, 72, 74, 76, 79, 87–
89, 92–94, 98, 99, 101–103,
106, 109–116, 118, 120–122,
124–127, 130–140, 142–154,
156, 158, 160–162, 165–167,
169–185, 188, 190, 195, 198,
200–204, 206, 220, 223, 225,
226, 228, 239, 242, 257, 259,
260, 261

Ж–З

Жириновский В.В. – 145, 148
Зорькин В. – 146
Зюганов Г.А. – 153, 167, 170, 184

К

Кайзер, Роберт – 19
Кеннан, Джордж – 229, 230, 233
Кириенко С.В. – 27, 177, 189
Киссинджер, Генри – 104, 127
Клинтон, Билл – 10, 21–23, 25, 26,
29, 40, 68, 71, 84, 85, 110, 118,
120–122, 130, 131, 136, 137,
139, 142–145, 147, 150, 152,
153, 155, 174–178, 180, 182,
184, 185, 188, 189, 194–196,
206–208, 211, 217, 218, 221,
222, 228–230, 232, 244, 245,
248–250, 252–254, 256, 260,
262, 263
Козырев А. – 114, 118
Кравчук Л. – 94
Краутхаммер, Чарльз – 144

Кучма Л. – 162

Л

Лебедь А. – 168, 170
Ленин В.И. – 91, 166, 171
Линкольн, Авраам – 154, 207
Липман, Уолтер – 26, 27, 77
Локк, Джон – 35
Лужков Ю.М. – 163, 170
Лукашенко А.Г. – 109
Лукин В. – 115, 118, 121

М–Н

Макфол, Майкл – 19
Мерц, Чарльз – 26, 27, 77
Милошевич, Слободан – 181, 186,
215, 252
Мэдисон, Джеймс – 136
Немцов Б.Е. – 27, 166, 167, 189
Несс, Элиот – 29

О–П

Оруэлл, Джордж – 43
Перламутров В. – 20
Петр I – 35, 63, 186
Петраков Н. – 20, 121
Пикеринг, Томас – 154
Пиночет – 181, 182, 190, 200, 223
Подберезкин А. – 20
Поуп, Александр – 83
Примаков Е.М. – 30, 40, 118, 170,
177–183, 223, 235
Путин В.В. – 13, 28, 30–32, 41, 47,
48, 66, 68–70, 73, 76, 109, 137–
139, 148, 154, 155, 169–171,
174, 182–190, 193, 199–201,
204, 206, 207, 209, 223, 225,
227, 231, 232, 235, 237, 239,

Провал крестового похода

243, 245, 247, 252, 256, 257,
260–262

Р

Рейган, Рональд – 195
Ремник, Дэвид – 19
Роджерс, Уилл – 13
Рохлин Л. – 165, 166, 168, 169
Рохлина Т. – 169
Рузвельт, Теодор – 40, 173, 180,
223, 235
Румянцев О. – 114, 118, 136
Руцкой А. – 30, 102, 112, 114, 121,
125, 130, 136, 138

С

Сакс, Джеффри – 123
Сахаров А.Д. – 67, 186, 207
Синявский А.Д. – 62
Солженицын А.И. – 20, 62
Сорос, Джордж – 25, 26, 67
Сталин И.В. – 87, 154, 201
Станкевич С. – 114, 118
Степашин С. – 180, 182

Х–Я

Хасбулатов Р. – 121, 130, 136, 138
Хогланд, Джим – 83
Черномырдин В.С. – 75, 146, 150,
177, 180, 181
Черчилль, Уинстон – 85
Чубайс А.Б. – 27, 29, 31, 70, 162,
166, 167, 169, 177, 189, 206
Шеварднадзе Э.А. – 113
Шенфилд, Стивен – 173
Эрикссон, Ричард – 19
Явлинский Г.А. – 28, 118, 148,
154, 167

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
XX ВЕКА

представляет серийные издания
(по итогам 1993–2000 гг.)

«АИРО – ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»

под редакцией Г.А. Бордюгова

- С.А. Александров. Лидер российских кадетов П.Н. Милюков в эмиграции /Послесловие М.Г. Вандалковской. – М., 1996.
- Д.А. Аманжолова. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш /Послесловие Ю.А. Полякова. – М., 1994.
- Д.Л. Бабиченко. Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК /Послесловие Л.И. Лазарева. – М., 1994.
- А.Ю. Бахтурин. Политика Российской Империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны /Послесловие В.В. Шелохаева. – М., 2000.
- А.Ю. Ватлин. Коминтерн: первые десять лет /Послесловие Ф.И. Фирсова. – М., 1993.
- Э.В. Вишневы. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны /Послесловие К.Ф. Шацкило. – М., 1994.
- Л.С. Гатагова. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX веке /Послесловие Н.М. Пирумовой. – М., 1993.
- Е.Ю. Зубкова. Общество и реформы. 1945–1964 гг. /Послесловие П.В. Волубуева. – М., 1993.
- Н.А. Кривова. Власть и церковь в 1922–1925 гг. /Предисловие Р.Г. Пихоя. – М., 1997.
- А.И. Куприянов. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. – М., 1995.
- Е.С. Левина. Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский... – М., 1995.
- В.А. Невежин. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии “священных боёв”. 1939–1941 гг. /Послесловие Б. Бонвеча. – М., 1997.
- А.Ю. Полунин. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III /Послесловие Л.Г. Захаровой. – М., 1996.

- Ю.Рыбалкин. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). – М., 2000.
- Ю.В. Соколов. Красная звезда или крест? Жизнь и судьба генерала Брусилова. – М., 1994.
- А.И. Ушаков. История гражданской войны в литературе русского зарубежья. Опыт изучения /Послесловие. А.П. Ненарокова. – М., 1993.
- С.В. Цакун. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы /Послесловие Р.У. Дэвиса. – М., 1994.
- Т.А. Чумаченко. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. /Предисловие М.И. Одинцова. – М., 1999.
- Д.О. Чурakov. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. – М., 1998.
- С.А. Экштут. В поиске исторической альтернативы. Александр I, его сподвижники и декабристы. – М., 1994.

«АИРО – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ»

под редакцией Г.А. Бордюгова

- Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С. И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. *Сборник документов*. – М., 1994.
- Литературный фронт. История политической цензуры 1932–1946 гг. *Сборник документов*. – М., 1994.
- Неизвестный Богданов. *В 3-х книгах*
- Книга I: Письма, статьи, доклады и воспоминания А.А. Богданова (Малиновского). 1901–1928 гг. – М., 1994.
 - Книга II: А.А. Богданов и группа “Вперёд”. – М., 1995.
 - Книга III: А.А. Богданов. Десятилетие отлучения от марксизма. – М., 1995.
- СССР – Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949. *Сборник документов*. – М., 1995.
- Тюремные рукописи Н.И. Бухарина. *В 2-х книгах*
- Книга I: Н.И. Бухарин. Социализм и его культура. – М., 1996.
 - Книга II: Н.И. Бухарин. Философские арабески. Диалектические очерки. – М., 1996.
- «Правый уклон» в КПГ и сталинизация Коминтерна. *Стенограмма заседания Президиума ИККИ по германскому вопросу 19 декабря 1928 г.* – М., 1996.

«ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»

- К. А й м е р м а х е р. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932. – М., 1998.
- М. Б у б е р - Н е й м а н. Мировая революция и сталинский режим. – М., 1995.
- В а д а Х а р у к и. Россия как проблема всемирной истории. *Избранные труды*. – М., 1999.
- А. Г р а ц и о з и. Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях. – М., 1997.
- Д. К р е ч м а р. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 годы. – М., 1997.
- К. М а к д е р м о т т, Дж. А г н ю. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина – М., 2000.
- В. Э г г е л и н г. Политика и культура при Хрущёве и Брежневе. 1953–1970 гг. – М., 1999.

«АИРО-МОНОГРАФИЯ»

- Г.М. А д и б е к о в. Коминформ и послевоенная Европа. – М., 1994.
- Н.Ф. Б у г а й. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно вашему указанию...» – М., 1995.
- М.А. П е р с и ц. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран. 1920–1921 гг. – М., 1996.
- Ю.А. П о л я к о в. Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки. – М., 1995.
- В.П. Ф е д ю к. Белые. Антибольшевистское движение на юге России 1917–1918 гг. – М., 1996.
- О.В. Х л е в н ю к. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 1930-е гг. – М., 1993.
- Ю.П. Ш а р а п о в. Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ – Московского института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского (1931–1945 гг.). – М., 1995.

«АИРО – НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ. ТЕМЫ ДЛЯ XXI ВЕКА »

- «Свое» и «чужое» прошлое, или поиск новых идентичностей в постсоветских государствах. *Материалы обсуждения на Международной научной конференции «Создание национальных историй» (15–16 сентября 1998 г., Москва)*. Вып. 1. – М., 1999.

- И. Ротарь. Ислам и война. Вып. 2. – М., 1999.
- М.И. Мельтюхов. Канун Великой Отечественной войны: дискуссия продолжается. Вып. 3. – М., 1999.
- Ст. Коэн. Изучение России без России. Крах американской постсоветологии. Вып. 4. – М., 1999.
- Г. Бордингов, В. Бухарев. Национальные истории в революциях и конфликтах советской эпохи. Вып. 5. – М., 1999.
- К. Васьки. Представление исторического знания и новые мультимедийные технологии. Вып. 6. – М., 1999.
- Д.Ю. Гузевич. Кентавр или к вопросу о бинарности русской культуры. Вып. 7. – М., 2000.
- Е. Котеленец. «Харизматический властный союз». Новейшие исследования о Ленине и его политическом окружении. Вып. 8. – М., 2000.
- Д. Кречмар. Искусство и культура России XVIII–XIX вв. в свете теории систем Никласа Лумана. Вып. 9. – М., 2000.
- В.Э. Молодяков. Берлин–Москва–Токио: к истории несостоявшейся «оси». 1939–1941. Вып. 10. – М., 2000.
- О.Г. Буховец. Постсоветское «великое переселение народов»: Россия, Беларусь, Украина и другие.. Вып. 11. – М., 2000.

ВНЕСЕРИЙНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Российская империя, СССР, Российская Федерация: история одной страны? Прерывность и непрерывность в истории XX века. – М., 1993.
- Межнациональные отношения в России и СНГ. *Семинар Московского Центра Карнеги*,
Выпуск 1: доклады 1993–1994 гг. – М., 1994.
Выпуск 2: доклады 1994–1995 гг. – М., 1995.
- Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. *Сборник материалов*. – М., 1995.
- Кто есть кто в изучении народов и национальных проблем России. *Справочник*. – М., 1995.
- Среда и культура в условиях общественных трансформаций. *Сборник статей*. – М., 1995.
- Сталинское политбюро в 30-е годы. *Сборник документов*. – М., 1995.
- Архив звука и образа. *Статьи и методические материалы*. – М., 1996.
- Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М., 1996.

- Русская усадьба. *Сборник Общества изучения русской усадьбы. Выпуск 2 (18).* – М., 1996.
- Изюмцы в боях за Россию. Воспоминания офицеров 11-го гусарского генерала Дорохова полка. – М., 1997.
- И. И. Л и с о в. Секунды, равные жизни. – М., 1997.
- «Литературный фронт». История политической цензуры 1932–1946 гг. *Сборник документов.* – М., 1997.
- А. И. У ш а к о в, В. П. Ф е д ю к. Белый Юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920. – М., 1997.
- А. Н. Ф о л о м ь е в, Э. А. Г е й г е р. Менеджмент инноваций. Теория и практика. – М., 1997.
- Г. А. Б о р д ю г о в, А. И. У ш а к о в. Поиски альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам 5 лет. *Справочное издание.* – М., 1998.
- Историческая наука российской эмиграции 20–30-х гг. XX века (*Хроника*). – М., 1998.
- Сатира и юмор русской эмиграции. – М., 1998.
- Л. К. Ш к а р е н к о в. Организация помощи русским беженцам в Германии в начале 1920-х годов. Обзор архивных материалов. – М., 1998.
- Вадим Сидур. Лёгким пером. – М., 1999.
- С. Б. В е с е л о в с к и й. Царь Иван Грозный в работах писателей и историков. Три статьи. – М., 1999.
- Национальные истории в советском и постсоветских государствах. /Предисловие Ф. Бомсдорфа. – М., 1999.
- Права человека и культура мира: проблемы обучения и воспитания. – М., 1999.
- Историки России. Послевоенное поколение. – М., 2000.
- Мифы и мифология в современной России. /Предисловие Ф. Бомсдорфа. – М., 2000.
- Ф. Ф. Т о р н а у. Воспоминания кавказского офицера. – М., 2000.
- А. Б. Ч и ж к о в. Подмосковные усадьбы сегодня. Путеводитель с картой-схемой. – М., 2000.
- Новый мир истории России. *Форум японских и российских исследователей.* – М., 2001.

Стивен Коэн

ПРОВАЛ КРЕСТОВОГО ПОХОДА.
США и трагедия посткоммунистической России

Издатель – А.И. Ушаков.
Дизайн и вёрстка – С. П. Щербина.

ИД № 01428 от 05.04.2000
Подписано в печать с оригинал-макета 30.12.2000
Формат 60×80 1/16. Бумага офс.
Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 19,0.

Научно-исследовательский центр «АИРО-XX»
E-mail: airo@online.ru